

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

РОССИЯ

В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Том 26. Выпуск 2

Санкт-Петербург
2023

Россия в глобальном мире

Редакционная коллегия журнала

Лбова Л.В. – д.ист.н., профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Санкт-Петербург, Россия) – **главный редактор**;

Погодин С.Н. – д.ист.н., профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Санкт-Петербург, Россия) – **ответственный редактор**;

Бахтуридзе З.З. – д.полит.н., профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; г. Санкт-Петербург, Россия);

Гафаров М. – д.ю.н., профессор (Бакинский государственный университет, г. Баку, Азербайджан);

Дай Юнхун – профессор политологии (Институт регионоведения и международных коммуникаций; г. Шэньчжэнь, Китай);

Калашишникова Н.П. – д.полит.н., профессор (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан);

Кефели И.Ф. – д.филос.н., профессор (Северо-Западный институт управления (филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия);

Лисеев И.К. – д.филос.н., главный научный сотрудник (Институт философии Российской академии наук, г. Москва, Россия);

Лю Шицзин – Генеральный секретарь Западного исследовательского центра развития (Сычуаньская академия социальных наук; г. Сычуань, Китай);

Михайленко В.И. – д.ист.н., профессор (Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия);

Оспанова А.Н. – PhD (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева; г. Астана, Казахстан);

Русакович А.В. – д.ист.н., профессор (Белорусский государственный университет; г. Минск, Республика Беларусь);

Сидорчук И.В. – к.ист.н., доцент (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; г. Санкт-Петербург, Россия);

Табарев А.В. – д.ист.н., доцент (Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук; г. Новосибирск, Россия).

Ежеквартальный рецензируемый научный журнал, в котором представлены исследовательские статьи, соответствующие отраслевым направлениям и научным специальностям (по номенклатуре специальностей ВАК):

5.5. Политология (5.5.1. История и теория политики, 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики, 5.5.4. Международные отношения);

5.6. Исторические науки (5.6.1. Отечественная история, 5.6.2. Всеобщая история, 5.6.4. Этнология, антропология и этнография, 5.6.6. История науки и техники, 5.6.7. История международных отношений и внешней политики);

5.4. Социология (5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.4.5. Политическая социология; 5.4.6. Социология культуры).

Рубрики ГРНТИ: 03 История. Исторические науки, 11 Политика и политические науки, 23 Комплексное изучение отдельных стран и регионов.

Рубрики OECD 05.00.00 Social Sciences, 06.00.00 Humanities.

Цели журнала - создание и развитие постоянно действующей платформы для публикации актуальных материалов по вопросам развития международных отношений и социальных вызовов XXI века; развитие методологии и методики современного научного гуманитарного знания в области политологии, отечественного и зарубежного регионоведения; научный обмен между научными школами и направлениями, между специалистами и молодыми исследователями. Журнал публикует научные статьи, обзоры, рецензии, информацию о научных мероприятиях. Издание адресовано преподавателям и студентам вузов, ученым, аспирантам и соискателям, а также заинтересованным в обсуждении современных идей и практик в области международных отношений, регионоведения, истории науки и политологии.

Редакционная политика журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении авторского права, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированных Комитетом по этике научных публикаций (COPE), строится с учетом Декларации Сараево по целостности и видимости научных публикаций и Декларации «Этические принципы научных публикаций №, принятой Ассоциацией научных редакторов и издателей (АНРИ).

В состав Редакколлегии входят ведущие отечественные и зарубежные ученые.

Публикация научных статей для всех авторов бесплатна. Статьи публикуются на русском и английском языках.

ИНДЕКСАЦИЯ: сведения о публикациях Журнала представлены в базе данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенной на платформе Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>, на научной платформе Open Access «КиберЛенинка», а также в Российской государственной библиотеке (РГБ).

ISSN 2304-9472; ISSNе 2949-3501

Учредитель и издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Адрес редакции: Гражданский пр., д. 28, Санкт-Петербург, 195220, Россия

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2023

The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

PETER THE GREAT SAINT PETERSBURG
POLYTECHNIC UNIVERSITY

RUSSIA

IN THE GLOBAL WORLD

Volume 26. Issue 2

Saint Petersburg
2023

Russia in the Global World

Editorial Board:

Lyudmila V. Lbova – Doctor of History, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University; Saint Petersburg, Russia*) – **Editor in Chief**;

Sergey N. Pogodin – Doctor of History, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University; Saint Petersburg, Russia*) – **Associate Editor**;

Zeynab Z. Bakhturidze – Doctor of Political Sciences, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia*)

Qafarov Midhad – Doctor of Law, Professor (*Baku State University, Baku, Azerbaijan*);

Dai Yonghong – Political Science Professor (*Institute of Regional Studies and International Communications; Shenzhen, China*);

Natalya P. Kalashnikova – Doctor of Political Sciences, Professor (*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan*);

Igor F. Kefeli – Doctor of Philosophy, Professor (*North-West Institute of management (branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Saint Petersburg, Russia*);

Igor' K. Liseev – Doctor of Philosophy (*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*);

Shijing Liu – Secretary General of the Western Development Research Center (*Sichuan Academy of Social Sciences, Sichuan, China*);

Valerij I. Mihajlenko – Doctor of History, Professor (*Ural Federal University; Ekaterinburg, Russia*);

Aigerim N. Ospanova – Professor (*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan*);

Andrej V. Rusakovich – Doctor of History, Professor (*Belarusian State University, Minsk, Belarus*);

Ilya V. Sidorchuk – PhD in History (*Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia*);

Andrej V. Tabarev – Doctor of History (*Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia*);

“*Russia in the Global World*” is a quarterly peer –reviewed publication that presents the research papers corresponding to the following scientific specialties (according to the nomenclature of the Higher Attestation Commission):

5.5. Political Science (5.5.1 History and Theory of Politics, 5.5.3 Public Administration and Industry Politics, 5.5.4 International Relations);

5.6. Historical sciences (5.6.1. Domestic History, 5.6.2. General History, 5.6.4. Ethnology, Anthropology and Ethnography, 5.6.6. History of Science and Technology, 5.6.7. History of International Relations and Foreign Policy);

5.4. Sociology (5.4.4. Social Structure, Social Institutions and Processes; 5.4.5. Political sociology; 5.4.6. Sociology of Culture).

CSCSTI Headings: 03 History. Historical Sciences, 11 Politics and Political Sciences, 23 Comprehensive Studies of Special Countries and Regions.

OECD Headings: 05.00.00 Social Sciences, 06.00.00 Humanities.

ASJC Scopus Political Science and International Relations, Sociology and Political Science, Cultural Studies.

The Mission of the Journal. Keeping the traditions of the best Russian publications, the journal is open to the publication of the relevant materials on the development of international relations and social challenges of the 21st century; evolution of methodology and methods of modern scientific humanitarian knowledge in the field of political science, elaboration of domestic and foreign regional studies; scientific exchange between scientific schools and directions, specialists and young researchers. The publication accepts and publishes the scientific articles, reviews, information about scientific events. The publication is addressed to university teachers and students, scientists, graduate students and applicants, as well as those interested in discussing modern ideas and doing the research in the field of International Relations, Regional Studies, the History of Science and Political Science.

The Editorial Policy of the Journal is based on the modern legal requirements for copyright. The Editorial Policy underpins the Code of Ethics for Scientific Publications formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publications (COPE), is grounded on the Sarajevo Declaration on the Integrity and Visibility of Scientific Publications and the Declaration “Ethical Principles of Scientific Publications” No. adopted Association of Science Editors and Publishers (ASEP).

The Editorial Board consists of a group of prominent national and foreign scientists.

The publication of scientific articles for all authors is free. The articles are published in Russian and English.

INDEXING: the information about the publications of the Journal is presented in the database "Russian Science Citation Index" (RSCI), hosted on the platform of the Scientific Electronic Library <http://www.elibrary.ru>, on the scientific platform Open Access "CyberLeninka" and the Russian State Library (RSL).

ISSN 2304-9472; ISSN e 2949-3501

Founder and publisher: Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University
Editorial address: Grazhdansky pr., 28, Saint Petersburg, 195220, Russia

© Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Международные отношения

<i>Фан Ни.</i> Перспективы и достижения корпорации «Вызовы Тысячелетия» в оказании помощи Непалу (взгляд реалиста)	7
<i>Скрябин А., Скрябина А.С.</i> Развитие российско-иранских отношений: состояние и перспективы	16

Общество и политика

<i>Иванников Н.С., Шмонова У.А.</i> Роль экспертных центров в формировании Европейской политики	33
<i>Попов Д.И., Новикова И.Н.</i> Внешнеэкономические связи Санкт-Петербурга и Финляндии в период пандемии COVID-19: вызовы и перспективы	48
<i>Иванов П.С., Моркина М.А.</i> Интеграция боснийских беженцев в Швеции	65
<i>Вологина Н.В., Погодин С.Н.</i> Причины межкультурных конфликтов и адаптация иммигрантов в Швеции	84
<i>Белослудцев А.Н., Дзюба Е.В.</i> Релокация как социально-экономический и правовой институт	97

Страны, народы и культуры

<i>Куцоба О.С., Колесников Д.Е.</i> Шведский язык на лингвистических эксклавах Финляндии: особенности бытования и факторы сохранения ...	124
<i>Пин Цюй, Ван Цзяньпин.</i> Особенности и влияние “дистанционного национализма” на американцев индийского происхождения	136
<i>Милькевич Ф.П.</i> История формирования национальной политики Китая в отношении малочисленных народностей Синьцзяна (1759–1960)	149

Евразийская интеграция

<i>Се Шихун.</i> Развитие международного обмена и сотрудничества в области профессионального образования в контексте инициативы «Один пояс, один путь»	163
--	-----

CONTENTS

International Relations

- Fan Ni.* A Realist Perspective on the Millennium Challenge Corporation's Aid Objectives in Nepal and Their Achievement 7
- Skriabin, O., Skriabina, A.S.* Development of Russian-Iranian Relations: Current Status and Prospects 16

Society and Politics

- Ivannikov, N.S., Shmonova, U.A.* The Role of Think Tanks in Shaping European Policies 33
- Popov, D.I., Novikova, I.N.* The Foreign Economic Relations of St. Petersburg and Finland during the COVID-19 Pandemic: Challenges and Prospects 48
- Ivanov, P.S., Morkina, M.A.* Integration of Bosnian Refugees in Sweden 65
- Vologina, N.V., Pogodin, S.N.* Causes of Intercultural Conflicts and Adaptation Immigrants in Sweden 84
- Belosludtsev, A.N., Dziuba, E.V.* Relocation as a Socio-Economic and Legal Institution 97

States, Nations and Cultures

- Kutsoba, O.S., Kolesnikov, D.E.* The Swedish language in the Linguistic Exclaves of Finland: Features of Existence and Factors of Preservation 124
- Ping Qu, Wang Jianping.* The Characteristics and Influence of the “Long-Distance Nationalism” on Americans of Indian Origin 136
- Milkevich, F.P.* History of China’s National Policy on Small Xinjiang Nationalities (1759–1960) 149

Eurasian Integration

- Xie Shihong.* Promoting International Exchange and Cooperation in Vocational Education in the Context of “One Belt, One Road” 163

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ INTERNATIONAL RELATIONS

research article

DOI: 10.48612/RG/RGW.26.2.1

A Realist Perspective on the Millennium Challenge Corporation's Aid Objectives in Nepal and Their Achievement

Fan Ni ✉

Sichuan University, Chengdu, Sichuan Province, China
✉ 2020226250030@stu.scu.edu.cn

Abstract. In recent years, the US Indo-Pacific Strategy has become the subject of rhetoric and apart from actively involving India in various versions of the cooperation mechanism, foreign aid has also become an important means of US involvement in the region. The Millennium Challenge Corporation (MCC) is one of the leading organizations implementing US foreign aid, billed as helping developing countries to fight poverty and achieve sustainable development. The MCC as a major participant in the Indo-Pacific vision, has been actively engaged in a pact with Nepal to provide assistance. Nepali society fears that acceptance of the agreement will lead it into a debt trap and hijack it as a military and security ally of the US Indo-Pacific strategy. This paper examines the political attributes and interests of the Millennium Challenge Corporation from a realist perspective, and analyses its role and characteristics within the framework of US foreign aid policy in the light of the new direction of the Biden administration's foreign policy.

Keywords: Foreign aid; Nepal-US relations; Nepal; United States; Realism

For citation: Fan Ni. A Realist Perspective on the Millennium Challenge Corporation's Aid Objectives in Nepal and Their Achievement. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 2. P. 7–15. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.1

© Fan Ni, 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

научная статья

УДК: 327.8

DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.1

Перспективы и достижения корпорации «Вызовы Тысячелетия» в оказании помощи Непалу (взгляд реалиста)

Фан Ни ✉

Сычуанский университет, город Чэнду, Китай
✉ 2020226250030@stu.scu.edu.cn

Аннотация. В последние годы Индо-Тихоокеанская стратегия США стала предметом обсуждения. Помимо активного вовлечения Индии в различные варианты

механизма сотрудничества, иностранная помощь стала важным средством американского участия в регионе. Корпорация «Вызовы Тычелетия» (Millennium Challenge Corporation – MCC) – одна из ведущих организаций, оказывающих американскую помощь, которая помогает развивающимся странам в борьбе с бедностью и достижении устойчивого развития. MCC, будучи одним из основных участников реализации индо-тихоокеанской концепции, активно участвует в заключении соглашения об оказании помощи Непалу. Непальское общество опасается, что принятие соглашения приведет страну в долговую ловушку и превратят ее в союзника по вопросам военной безопасности в рамках Индо-Тихоокеанской стратегии США. В представленной статье рассматриваются политические атрибуты и интересы MCC для решения проблем с реалистической точки зрения, анализируется роль и характеристики в рамках иностранной помощи в свете нового направления внешней политики администрации Байдена.

Ключевые слова: Иностранная помощь; непальско-американские отношения; Непал; Соединенные Штаты; реализм

Для цитирования: Фан Ни. Перспективы и достижения корпорации «Вызовы Тысячелетия» в оказании помощи Непалу (взгляд реалиста) // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 2. С. 7–15. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.1

© Фан Ни, 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Introduction and Materials

On 27 February 2022, Nepal's House of Representatives passed the five-year US Millennium Challenge Corporation (MCC) agreement. Although the agreement was passed in a tug-of-war, the controversy did not stop there. According to the agreement, the MCC will take precedence over Nepal's domestic law once it comes into effect, and the final audit authority will be vested in the US without Nepal's participation [1], which is considered an infringement on Nepal's constitution and sovereignty. Nepalese society fears that the adoption of the agreement will trap it in a debt trap and abduct it as a military and security ally of the US Indo-Pacific Strategy. In fact, the MCC's consistent foreign aid practices suggest that this fear is not superfluous.

There is a general and fundamental consensus among realist international relations scholars that foreign aid is an important tool of the foreign policy of the donor country. Hans Morgenthau distinguishes between six types of foreign aid: humanitarian aid, aid for livelihoods, bribery aid, military aid, aid for economic development, and aid given to enhance one's own prestige. Morgenthau argues that even so-called humanitarian aid actually performs a political function [2].

This paper seeks to use this fundamental judgement as a basis for exploring two questions: first, what are the policy objectives of MCC's foreign aid in Nepal? Second, how does MCC achieve the acceptance of these policy objectives by recipient countries?

Results

The Millennium Challenge Corporation (MCC) is one of the leading organisations implementing US foreign aid, billed as helping developing countries to fight poverty and achieve sustainable development. The 2002 US National Security Strategy report noted that measuring the effectiveness of foreign aid in terms of dollar amounts alone, but not in terms of economic growth rates and poverty reduction, was a failed strategy [3]. The Millennium Challenge Corporation (MCC) was formally established in 2004 with a nine-member board of directors, including the US Secretary of State, the Secretary of the Treasury, the Commercial Negotiator, the Director of International Development, the Executive Director and four public representatives appointed directly by the President. directly appointed public representatives [4].

The MCC selects recipient countries based on eligibility criteria established in the enabling legislation to measure policy performance, scoring them on a 20-indicator scale, with countries meeting ten or more of these criteria having the opportunity to become candidates, all using data from independent third-party institutions. After screening for relevant indicators, candidate countries are ranked through a country scorecard and categorised into two categories of aid participation: the Compact and the Threshold [5]. The former, which 'meets' the criteria in each of the evaluations, is offered the opportunity to enter into a compact programme and receive substantial financial support for five years, while the latter, which comes close to but does not achieve a passing score and pledges to commit to national policy reforms in the indicators thereafter, is offered the opportunity to participate in a threshold programme and receive a small amount of aid.

Table 1.

Evaluation Indicators for MCC's Selection of Recipient Countries

Politics	Economy	People's livelihood
Civil Liberties	Credit	Children's health
Controlling corruption	Entrepreneurial opportunities	Girls' education rate
Freedom of Information	Fiscal policy	Health Care Expenditure
Government effectiveness	Inflation	Vaccination rate
Land rights	Trade Policy	Conservation of natural resources
Political rights	Quality Control	Primary education expenditure
Rule of Law		Equality between men and women

In addition to this, even after a country has been selected for eligibility, the MCC regularly reviews the policy performance of its partner countries throughout the development and implementation of the agreement. Selected countries that do not meet the criteria in the compact in a given year, exhibit policy reversals or patterns of behaviour inconsistent with the eligibility criteria, may be warned by the MCC or even have their assistance suspended or terminated [6].

MCC's Policy Objectives in Nepal

MCC's foreign assistance to Nepal has generally been guided by three criteria: maintaining US national security strategy, influencing geopolitical relations in South Asia, and promoting US-style democracy.

Maintaining the US National Security Strategy

The US national security strategy mainly consists of building or maintaining alliances to improve and supplement its military defence, acquiring military bases and maintaining regional stability [7]. Stimulated by China's "One Belt, One Road" initiative, the US proposed the "Indo-Pacific Strategy" in 2017 in an attempt to strengthen multilateral diplomacy, consolidate the alliance camp, and enhance military deployment in the "Indo-Pacific" region [8]. The

Indo-Pacific Strategy was launched in 2017 in an attempt to strengthen multilateral diplomacy, consolidate alliances and enhance military deployment in the Indo-Pacific region [8]. Nepal is located in the southern part of the Central Himalayas, bordered by China and Tibet to the north, and surrounded by India on the other three sides, and has great geopolitical value as a buffer zone between China and India. [9]. Over the years, US intelligence agencies have continued to support separatist activities in northern Nepal that jeopardise China's territorial security, and have sought greater military cooperation with Nepal [10], and now the signing of the MCC agreement has helped the US strengthen its presence in Nepal by allowing the US to station troops in Nepal to support its intelligence and military activities along the Sino-Nepalese border and to support "Tibetan independence".

Influencing Geopolitical Relations in South Asia

Foreign aid is an important means for the US to maintain world leadership and a policy tool for the US as an extraterritorial power to influence geopolitical relations in South Asia. India is an important ally of the US in the Indo-Pacific region, and India's dominance in South Asia has led to the exclusion of other countries from South Asia, and the two coincide in their efforts to contain China's influence. In terms of aid projects, the MCC agreement aims to provide assistance to Nepal in the areas of power transmission and road maintenance, including the construction of a 400kV transmission line of approximately 315km in length and three substations en route, as well as the maintenance of a highway linking the south of Nepal in an east-west direction. While this will facilitate connectivity and development in southern Nepal and enhance links with India, upgrading the transmission line will help Nepal export surplus electricity to India to generate foreign exchange and strengthen its economic dependence on India [11]. In terms of the form of the agreement, the MCC annex states that the agreement requires India's consent for implementation. The agreement divides the relationship between China and its neighbours, and while the relationship between China and Nepal is weakened by this, the development competition between China and India has escalated into a zero-sum game of extinction.

Advancing American-style democracy

In the Biden Administration's "Enhancing Democracy, Human Rights, and Governance" issue of the Seven Directions for Aid, the US government is said to be investing \$2.8 billion to address what it calls "global democratic regression", to tackle corruption, to expand support for human rights and the rule of law, and to strengthen cooperation with recipient governments to support democratic values and transparent political systems [12]. The U.S. government is investing \$2.8 billion to address the so-called "global democratic regression" by addressing corruption, expanding support for human rights and the rule of law, and strengthening cooperation with recipient governments to support democratic values and transparent political systems [12]. In other words, to promote the necessary political, economic and social reforms in recipient countries in order to establish a liberal democratic system that is "in the best interest of the United States". Wang Jing, an associate researcher at the Institute of Marxism of the Chinese Academy of Social Sciences, believes that the MCC is essentially a modern imperialist tool for the US to put strategic bait into developing countries and to engage in political manipulation, economic control and ideological induction [13]. It would then be difficult for the recipient country to maintain its political independence.

Discussion

Since the 2017 US-Nepal Millennium Challenge Agreement was proposed, there has been a wave of opposition and criticism in Nepal, with demonstrations erupting and conflicts between political parties intensifying and accelerating a renewed split between the CPN and the ruling coalition and society. Despite this, the agreement was passed within the last 48 hours of the deadline, and the efforts of the US, which has been using political pressure and economic inducements to force Nepal to accept this "gift" for years, cannot be ignored.

Political Pressure

In September 2021, MCC Vice President Fatima Sumar visited Kathmandu and pressured the leaders of Nepal's main political parties to adopt the agreement as soon as possible. Sumal made it clear that "Nepal must choose either to adopt the agreement as soon as possible or simply abandon the \$500

million grant. The US cannot wait indefinitely" [14]. In November of the same year the US Assistant Secretary of State for South and Central Asian Affairs, Donald Lew, and Deputy Assistant Secretary of State, Kelly Caderlin, visited Nepal to demand that the aid be passed as soon as possible, or the US would allocate the funds to someone else. In particular, Lew met with senior leaders, including Nepalese Prime Minister Deuba and Foreign Minister Kadirin, to discuss the implementation of the MCC agreement. Kadirin, on the other hand, was primarily responsible for holding meetings with civil society leaders to allay Nepalese society's concerns about the agreement [15].

At the same time, the US has actively infiltrated the Nepali media with millions of dollars in public relations for the MCC, attracting many media, academics and think tanks to wave the flag for the MCC. The English-language Nepali media campaigned for the MCC agreement, claiming that it was a deal for the welfare of the Nepalese people and that Nepal would suffer huge losses if it did not pass it, and that it would damage Nepal's national credibility and US-Nepal relations. They also used conspiracy theories to attack the Belt and Road Initiative and discredit China's role in the popular opposition to the MCC. The English-language Nepali media Khabarhub quoted political analyst Ganesh Mandal as saying: "If the Nepalese government does not want to accept the MCC agreement, it should withdraw from the Belt and Road Initiative [16]. initiative [16]."

Economic Incentives

Despite the pitfalls of the MCC agreement, the huge economic benefits are still attractive to Nepal. Firstly, the US\$500 million grant is the largest aid programme in Nepal's history and has an immediate positive impact on the Nepalese economy, and secondly, the aid is quite targeted, on the one hand, to promote connectivity and development in southern Nepal, and on the other hand, Nepal has been developing hydropower projects frequently in recent years, and has already transformed itself from a power shortage country into a power exporting country, so the aid will help Nepal export electricity to generate foreign exchange and reduce its high dependence on remittances. The aid will help Nepal to export electricity and generate foreign exchange to reduce its high dependence on remittances. Finally, Nepal's economy is heavily dependent on foreign aid, with about 1/5 of its budgetary expenditure coming from foreign

donations and loans, of which the US and Western countries are the main aid donors, and the US has threatened to lose all aid from the US and its Western allies if this agreement is not reached.

Now that the MCC agreement has been finalised in Nepal, how the MCC will affect Nepal's domestic politics as an important US foreign policy tool and what impact it will have on Sino-Nepalese relations needs to be further examined, but judging from the unpopularity of the agreement, it is unlikely that it will play the strategic role the US imagines it will play in the future.

REFERENCES

1. Millennium Challenge Compact between the United States of America Acting through the Millennium Challenge Corporation and The Federal Democratic Republic of Nepal Acting Through the Ministry of Finance. *Millennium Challenge Account Nepal*. Available at: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://mcanp.org/en/wp-content/uploads/2019/04/Millennium_Challenge_Compact.pdf (accessed: 17.05.2022).
2. Morgenthau, H. A Political Theory of Foreign Aid. *The American Political Science Review*. 1962. Vol. 56. No. 2. P. 301–309.
3. The National Security Strategy of the United States of America. September 2022. Available at <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/63562.pdf> (accessed: 11.11.2022).
4. 冈比亚欲深化同美国千年挑战公司合作 [Gambia Wants to Deepen Cooperation with US Millennium Challenge Corporation]. 04.02.2020. 驻冈比亚共和国大使馆经济商务处 [*Economic and Commercial Office of the Embassy of the People's Republic of China in the Republic of The Gambia*]. Available at <http://gm.mofcom.gov.cn/article/jmxw/202003/20200302945042.shtml> (accessed 04.11.2021). (In Chin.).
5. 朱月季 Zhu Yueji. 新援助格局下中国对非洲援助实践的改革路径:美国经验 [The Reform Path of China's Aid Practices in Africa under the New Aid Landscape: the American Experience]. 28.12.2017. 华中农业大学学报 [*Journal of Huazhong Agricultural University*]. 社会科学版 [*Social Science Edition*]. Available at <http://hnxbl.cnjournals.net/hznydxsk/article/abstract/20170116> (accessed: 25.07.2022). (In Chin.).
6. Suspension or Termination. *Millennium Challenge Corporation*. Available at <https://www.mcc.gov/who-we-select/suspension-or-termination> (accessed: 12.10.2022).
7. 丁韶彬 Ding Shaobin, 杨蔚林 Yang Weilin. 西方国家的对外援助:政策目标及其实 [Western Countries' Foreign Aid: Policy Objectives and Their Realization]. 05.06.2008. 世界经济与政治 [*World Economics and Politics*]. Available at https://wenku.baidu.com/view/5dcf9e75834d2b160b4e767f5acfa1c7ab008240.html?_wkt_s_=1685351966510&bdQuery=西方国家的对外援助%3A政策目标及其实现%5B%5D+%5BWestern+countries%27+foreign+aid%3A+poli (accessed: 03.09.2022). (In Chin.).
8. 徐金金 Xu Jinjin, 黄云游 Huang Yunyou. 拜登政府的“印太战略”:新进展、动因与前景 [The “Indo-Pacific Strategy” Biden Administration: New Developments, Motivations and Prospects]. 07.04.2022. 区域与全球发展 [*Regional and Global Development*]. Available at <http://cnki.nbtvu.net.cn/KCMS/detail/detail.aspx?filename=QYQQ202204002&dbcode=CJFQ> (accessed: 15.09.2022). (In Chin.).

9. Skerry, Ch.A., Moran, K., Calavan, K.M. Four Decades of Development. The History of U.S. Assistance to Nepal 1951–1991. *United States Agency for International Development (USAID)* in Kathmandu, 1991. Available at https://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PNABR755.pdf (accessed: 27.09.2022).
10. अनिल सिग्देल Anil Sigdel. आइपिएसके हिस्सा हो त एमसिसी? [Is MCC part of Indo-Pacific Strategy?]. 05.01.2020. नयाँ पत्रिका [*Naya Patrika*]. Available at <https://www.nayapatrikadaily.com/news-details/32888/2020-01-05> (accessed: 12.09.2022). (In Nep.).
11. 黄正多 Huang Zhengduo, 徐家宜 Xu Jiayi. 尼泊尔 MCC 协议: 美国的投入与棋局 | 智库视点 [Nepal's MCC Agreement: US Input and Chess Game. Think Tank Perspective]. 07.03.2022. 智库视点 [*Southern Think Tank*]. Available at <http://www.infzm.com/contents/224603> (accessed 04.05.2022). (In Chin.).
12. 陳曦 Chen Xi. 从对外战略看拜登政府对外援助九大政策转向 [Nine Policy Shifts in Foreign Aid under the Biden Administration in Light of Foreign Strategy]. August 2021. 國際發展與援助 [*International Development and Aid*]. Available at <https://caidev.org.cn/news/1140> (accessed: 01.09.2022) (In Chin.).
13. 王静 Wang Jing. 美用“千禧年挑战协议”给尼下套 [U.S. Uses “Millennium Challenge Deal” to Trap Nepal]. 03.02.2022. 环球时报 [*Global Times*]. Available at <https://m.huanqiu.com/article/46vXqn29034> (accessed: 06.05.2022). (In Chin.).
14. MCC VP Sumar Optimistic about Nepal Endorsing \$500 Million Agreement. 13.09.2021. *Eastmojo*. Available at <https://www.eastmojo.com/neighbourhood-watch/nepal/2021/09/13/mcc-vp-sumar-optimistic-about-nepal-endorsing-500-million-agreement/> (accessed: 12.05.2022).
15. US Assistant Secretary Lu Warns of Reviewing Ties with Nepal if MCC is not endorsed. 11.02.2022. *The Annapurna Express*. Available at <https://theannapurnaexpress.com/news/us-assistant-secretary-lu-warns-of-reviewing-relations-with-nepal-if-mcc-is-not-endorsed-4360> (accessed: 19.05.2022).
16. Failure to Ratify MCC will have Serious Repercussions for Nepal. Experts, Diplomats and Analysts Dub Protests Against MCC a “Destructive Mentality”. 17.09.2021. *Khabarhub*. Available at <https://english.khabarhub.com/2021/17/209907/> (accessed: 12.03.2022).

Сведения об авторах / Information about authors

Фан Ни – магистрант, Сычуанский университет.
2020226250030@stu.scu.edu.cn

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Fan Ni – master student, Sichuan University.
2020226250030@stu.scu.edu.cn

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.02.2023. Одобрена после рецензирования 26.03.2023. Принята 30.03.2023.
Received 24.02.2023. Approved after reviewing 26.03.2023. Accepted 30.03.2023.*

научная статья
УДК: 327
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.2

Развитие российско-иранских отношений: состояние и перспективы

Скрябин Алексей ✉
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
✉ alex.skryabin02@gmail.com

Скрябина Алёна Сергеевна
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
ciel.desy@yandex.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается проблема и перспективы взаимоотношений Российской Федерации и Исламской Республики Иран в рамках формирующегося нового положения России на мировой арене, начиная с 2022 г. Актуальность обуславливается текущими современными условиями, в которых Россия оказывается в экономической изоляции от европейских и североамериканских стран; очевидной становится необходимость наращивания экономического сотрудничества с азиатскими державами. Одной из тех стран, которые могут пойти на увеличение контактов в РФ, является Исламская Республика Иран, что порождает необходимость анализа потенциала взаимодействия двух держав. Целью исследования является выявление потенциала для экономического, политического и научно-технического сотрудничества, а также способы и перспективы его развития с использованием методов факторного анализа, анализа исторической ретроспективы и анализ проектов в различных сферах хозяйствования: военная промышленность, развитие железных дорог, создание торговых коридоров. Научная новизна исследования обуславливается предпринятой попыткой дать комплексное представление о состоянии современных российско-иранских отношений, которые переживают период подъема в связи со складывающимся новым миропорядком. Научная значимость работы определяется тем, что данные и выводы можно использовать для формирования адекватного представления о сущности современных российско-иранских отношений и прогнозирования их развития в будущем. Рассматривая различные отрасли экономик двух стран, анализируется потенциал для активизации и наращивания сотрудничества между двумя государствами, учитывая современный характер двусторонних отношений, формулируются прогнозы касательно потенциала будущего сотрудничества. Прогнозы развития отношений строятся из расчета различных сценариев и временных отрезков.*

Ключевые слова: Россия; Иран; международные отношения; экономические отношения; перспективы сотрудничества

Для цитирования: Скрябин А., Скрябина А.С. Развитие российско-иранских отношений: состояние и перспективы // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 2. С. 16–32. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.2

© Скрябин А., Скрябина А.С., 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 327

DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.2

Development of Russian-Iranian Relations: Current Status and Prospects

Oleksii Skriabin ✉

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
✉ alex.skryabin02@gmail.com

Alyona S. Skriabina

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
ciel.desy@yandex.ru

Abstract. *This article examines the problem and prospects of relations between the Russian Federation and the Islamic Republic of Iran within the framework of Russia's emerging new position on the world stage science 2022. The relevance is due to the fact that in conditions when Russia finds itself in economic isolation from European and North American countries, the need to increase economic cooperation with Asian powers becomes obvious. One of those countries that can increase contacts in the Russian Federation is the Islamic Republic of Iran, which makes it necessary to analyze the potential of interaction between the two powers. The purpose of this investigation is to identify the potential for economic, political, scientific and technical cooperation, as well as ways and prospects for its development. In the course of the study, the method of factor analysis, historical retrospective analysis was used and special emphasis was placed on the analysis of joint work on projects in various fields of management: military industry, railways, joint trade corridors. The scientific novelty of this study is due to the attempt made to give a comprehensive idea of modern Russian–Iranian relations, which are experiencing a period of recovery as a result of the new emerging world order. The scientific significance of the work is determined by the fact that the data and conclusions available in this article can be used to form an adequate idea of the essence of modern Russian–Iranian relations and predict the development of these relations in the future. Considering various sectors of the economies of the two countries, the potential for activating and increasing cooperation between the two states is analyzed. Considering the modern nature of bilateral relations, forecasts are formulated regarding the potential of future cooperation. Forecasts of the development of relations are formed from the calculation of various scenarios and time periods.*

Keywords: Russia; Iran; international relations; economic relations; prospects for cooperation

For citation: Skriabin, O., Skriabina, A.S. Development of Russian-Iranian Relations: Current Status and Prospects. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 2. P. 16–32. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.2

© Skriabin, O., Skriabina, A.S., 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

История отношений Ирана и России, насчитывающая уже не одну сотню лет, никогда не отличалась особенно масштабными экономическими, культурными или политическими связями. По тем или иным причинам, политика России была зачастую направлена на более прогрессивный Европейский регион, оставляя Ближний Восток на втором плане. Несмотря на кажущуюся незначительность товарооборота и иных связей между двумя государствами, дипломатические отношения и «линия связи» не обрывалась никогда. В имперской, советской и современной истории России, вероятно, не было более благоприятного условия для формирования нового рода отношений между двумя державами. Несмотря на то, что улучшение двусторонних отношений, в данный момент, представляется скорее неизбежной вынужденной мерой, это ни в коем случае не говорит о незначительности или несерьезности связей. Учитывая современные условия, когда внешняя и внутренняя политика России привела к значительному ухудшению отношений с западными демократиями, активизация экономических, политических, культурных и прочих связей с восточным миром является необходимой мерой.

Степень разработанности данного вопроса отечественными и зарубежными исследователями является существенной, хотя и не избежала наличия «белых пятен». Так, многие исследователи, например, Сухарев О.С., Бордачев Т.В. или Ибадов Э.С., акцентируют своё внимание на санкциях, как факторе, который сближает Россию и Иран, анализируя опыт этих стран в борьбе с внешним давлением. Изучение дипломатических отношений, опираясь на историческую ретроспективу, представлено в трудах Бугаевой А.Г. и Ноибахуш Х.И., в которых исследуются двусторонние отношения, их перспективы и ключевые проблемы, порождающие недоверие между двумя акторами.

Материалы, результаты исследования и их обсуждение

Российские отношения с Ираном не являлись ключевым направлением отечественной внешней политики. [1, с. 31]. В условиях относительно благоприятных отношений со странами западного мира (ЕС, США, Канада) Россия всегда отдавала предпочтение поддержанию контактов именно с Западом, а не с азиатскими странами [2, с. 679]. Такая политика российского правительства вполне ясна; экономические выгоды,

которые можно извлечь из торговли с Западом, всегда перевешивали те бенефиции, которые можно был получить в Азии. Возможность обладать технологической базой, которая имеется у европейских стран, позволяла России не сосредотачиваться на развитии внутреннего производства и создании сложных технологических цепочек и капиталоемких отраслей. Такая позиция периферийного регионального игрока всецело отвечала политике России и устраивала западные элиты, но лишь до определенного времени. С процессом укрупнения и укрепления российского капитала в лице сырьевых олигополий начинается и движение российского политического класса в сторону расширения своей сферы влияния на близлежащие к РФ территории. Утраченное геополитическое влияние времен СССР, разорванные экономические связи и недостаточность человеческого капитала оказывало неизгладимое влияние на российскую внешнюю политику.

Попытки углубить распространение своего влияния на когда-то подконтрольные Москве территории привели к прямому столкновению интересов западных держав и России в современном конфликте. Поведение России на международной арене было воспринято большинством развитых стран как вероломное нарушение международного права, после чего в её отношении было введено более 10000 различных санкций [3], которые нанесли серьезный урон российской экономике.

Такая позиция России вынудила запустить политику «поворота на Восток» [4] в попытке ликвидировать утраченное экономическое сотрудничество с западным миром. Одним из ключевых игроков, который оказывает России поддержку в этой попытке, становится Исламская Республика Иран (далее ИРИ), которая сама не одно десятилетие выступает объектом санкционного давления. С момента революции 1979 г. ИРИ поступательно подвергается увеличивающемуся давлению, что затрагивает практически все ключевые отрасли экономики страны.

На фоне близости геополитического положения двух стран очевидным становится необходимость вывода двусторонних отношений на новый уровень, который соответствовал бы их внешнеполитическим интересам. Провозглашение уровня «стратегического партнерства» между двумя акторами является ключевым, а главное закономерным шагом в развитии российско-иранских отношений. Безусловно между двумя странами присутствует определенное недоверие, причиной которого

является непростое прошлое и настоящее: договор о разделе сфер влияния в Персии между Россией и Великобританией (1907), ввод советских и английских войск на территорию Ирана (1941), попытка отторжения Советским Союзом Южного Азербайджана (1946), афганская кампания (1979–1989) и советская позиция в ирано–иракской войне (1980–1988), поддержка Россией антииранских санкций в СБ ООН (1995–2011), очевидная внешнеполитическая ориентация Москвы на Запад (до 2014 г.) и несовпадение взглядов на решение сирийского вопроса [5]. Эти факторы служили тормозящим элементом российско-иранских отношений, как в экономической, так и в иных сферах. Но необходимо понимать, что степень изменения внешнеполитической ситуации после 24 февраля 2022 г. заставляет Россию и Иран идти на некоторые уступки, оставляя мелкие разногласия позади, чтобы иметь возможность оставаться конкурентоспособными на мировой арене и сохранить собственную территориальную целостность.

Несмотря на то, что страны имеют различные взгляды на решение сирийского конфликта или вопрос Каспия, такие позиции не становятся преградой для налаживания тесного экономического сотрудничества, которое выгодно двум актерам, особенно в условиях санкций со стороны западных стран. Это не говорит о том, что одна из сторон пойдет на радикальные уступки своих геостратегических интересов, а лишь о том, что это добавит почву для построения плодотворной дискуссии. Взгляды России и Ирана во многих вопросах, касающихся глобального мироустройства, совпадают. Так, обе страны не удовлетворены чрезмерным американским влиянием, что роднит их на почве так называемых «ревизионистских держав», которые стремятся к тому, чтобы сформировать новый, более справедливый миропорядок. В современной ситуации российская элита, находящаяся в относительной изоляции, идёт на сближение с практически любым игроком на мировой арене, который готов развивать с ней отношения.

Говоря о деловых торгово-экономических отношениях РФ и ИРИ, следует сделать акцент сразу на нескольких секторах, которые имеют значительный потенциал для развития в рамках двусторонних отношений. Со стороны России имеется возможность стимулировать сотрудничество в сфере энергетики [6], особенно учитывая, что Иран имеет проблемы с тем, чтобы перерабатывать сырьё в необходимых ему масштабах. Помимо

этого, союз России и Ирана в области энергоресурсов позволит двум странам сосредоточить в своих руках около 40% мировых запасов газа и 15% запасов нефти [7], что увеличит вес обоих игроков на мировой арене. Отталкиваясь от этой области сотрудничества, можно сразу оказаться и у следующей – геологоразведки (нефтегазовой, в первую очередь). Российская сторона обладает необходимыми технологиями, которые могут увеличить коэффициент добычи энергоресурсов из уже имеющихся месторождений и оказать помощь в разведке и поиске новых месторождений, которые, вероятно, имеются на иранской земле.

Область атомной энергетики также отлично подходит для налаживания тесных контактов, беря во внимание то, что ИРИ приняла план по увеличению производства мегаватт электроэнергии за счёт атомных станций. Россия к тому же имеет опыт сотрудничества с Ираном в области атомной энергетики, так, в 2012 г. была достроена и введена в эксплуатацию АЭС «Бушер» [8], проект которой был полностью реализован российскими специалистами. Имея технологии и специалистов, Россия укрепляет союз с Ираном путем использования таких рычагов. Менее приоритетными, но отнюдь не второстепенными можно назвать следующие отрасли: железнодорожное строительство [9], здравоохранение [10], сельскохозяйственное сотрудничество на разных уровнях (от малого бизнеса до государственного уровня), сотрудничество в сфере космоса и ВПК. Иран, находящийся под серьезными санкциями, которые были вызваны его ядерной программой и нарушениями прав и свобод своих граждан, заинтересован в инфраструктурной поддержке России так же, как и Россия сейчас заинтересована в ИРИ. Реализация межгосударственных проектов по типу АЭС «Бушер» или Соглашения о модернизации иранских железных дорог [11, с. 39], вероятно, станет обыденностью, которая не выбивается из общей практики двух стран.

Отдельно необходимо осветить российско-иранское сотрудничество в сфере железнодорожных перевозок и строительства соответствующей инфраструктуры. Тегеран активно развивает транспортную инфраструктуру, которая охватывает ближайших соседей (Армения, Афганистан, Туркменистан, Таджикистан, Пакистан и т.д.). Например, в 2017 г. было принято решение о выделении 1% годовых доходов страны от продажи нефти на развитие железных дорог в течение следующих пяти лет [12]. Иран имеет внушительные планы по строительству железнодорожных

сетей, особенно важным игроком в них предстает Китай с проектом «Один пояс, один путь». Ключевой проблемой, стоящей на пути быстрых темпов строительства железных дорог из Китая через территорию Ирана, является проблема замены железнодорожной колеи в странах Средней Азии, где её ширина равняется 1520 мм против 1435 мм, которые используются в Иране и Китае. Россия, как страна, которая обладает такой же, как и среднеазиатские республики постсоветской колеёй, могла бы сыграть положительную роль в этом проекте.

Но Иран может быть выгодным партнером России не только в качестве конечного экономического агента, но и в роли транзитной территории, через которую будет проходить российская продукция на внешние рынки (например, в Южную Азию). В рамках российско-иранского логистического коридора Север–Юг планируется сократить доставку грузов в Индию на 14 тысяч километров и примерно 40 дней по сравнению со средиземноморским маршрутом. В данный момент наиболее активные проекты: дноуглубление канала Волга–Дон (Россия планирует потратить около 1 млрд \$ на то, чтобы связать Волгу с Азовским морем); расширение астраханского порта Солянка; строительство мультимодальных терминалов на иранской стороне Каспия; развитие железных дорог до нового иранского порта Чабахар, который даёт выход в Индийский океан, минуя Ормузский пролив. По некоторым оценкам такой проект может превосходить по значимости Северный Морской путь и быть сравнимым с открытием Суэцкого канала [13].

Следующим важнейшим сектором для экономического сотрудничества может стать развитие ВПК двух стран. ИРИ на протяжении многих лет удавалось развивать свою военную промышленность, даже находясь в условиях прямого санкционного давления, и за этот период они смогли добиться определенных успехов, особенно в ракетостроении и создании ударных беспилотных аппаратов [14]. Учитывая данные, которые публикуют разведки западных стран, можно прийти к выводу, что контакты в этой сфере уже ведутся и становятся только теснее. ВПК одна из тех областей экономики, сотрудничество в которой принесет выгоду в стратегическом масштабе обеим странам.

Проблемой же в данном вопросе выступает специфическая позиция ИРИ по допуску иностранных специалистов к проектам иранского ВПК.

Этот факт совсем не означает, что данную сферу в двусторонних отношениях следует обходить вниманием, но также, по нашему мнению, следует и не впадать в излишний оптимизм. Иран имеет опыт совместной работы над военными проектами: например, в 2009 г. иранской стороной была принята «Перспективная программа создания современной авиации Исламской Республики», которая предусматривала углубление связей с Украиной в создании современных пассажирских и транспортных самолетов. В июне 2009 г. Украина и Россия заключили с Ираном трехсторонний Меморандум о поставках 50 судов Ан148, созданных на базе Ан140. По схожей договоренности в сентябре 2010 г. предусматривалось поставить 30 Ан148 в собранном состоянии, а остальные – в виде комплектующих, из которых самолеты будут собирать на иранском предприятии HESA в городе Исфахан [15].

Ключевой особенностью в данном взаимодействии является подход руководства ИРИ к такому сотрудничеству: иранской стороне проще, с точки зрения собственной безопасности, создать отдельную ветвь ВПК, чем впускать иностранцев в свои цеха и конструкторские бюро. РФ всё ещё обладает серьезными технологическими успехами в собственной военной промышленности, что доказывают публикации зарубежных СМИ [16], а это порождает надежду на образование новых проектов и контактов в этой области между двумя государствами (даже таких отстраненных от прямой связи с иранским ВПК как проекты с самолётами «Ан»). Если же исходить из наиболее вероятного результата сотрудничества, то развитие этих отношений, как нам представляется, сведётся к продаже сырья, либо к торговле конечным продуктом. Ярким примером того, что это наиболее вероятный сценарий, являются поставки иранских дронов российской стороне в 2022–2023 гг. [17]. Помимо этого, в зарубежных СМИ регулярно встречаются данные о возможных поставках Ираном России ракет малой дальности и об отправке в Крым большого количества специалистов, которые обучают российских военных пользованию беспилотниками [18]. Безусловно, такие шаги не происходят только в одном направлении, о чём свидетельствуют возможные поставки российских истребителей Су-35 в ИРИ [19]. В массе своей такие заявления никак не комментируются официальными лицами.

Современный характер российско-иранских экономических отношений имеет положительную тенденцию, которая развивается в таком

ключе уже не первый год. Согласно официальным данным Центрального банка РФ, общий объем товарооборота между двумя странами на 2019 г. (за январь – сентябрь) составил 1 582 598 079 \$, что оказалось на 25,58% больше в сравнении с аналогичным периодом 2018 г. [20]. Эти цифры позволяют Ирану занять 47 место во внешнеторговом обороте России за 2019 г. Несмотря на низкую стартовую базу, уже к 2021 г. оборот внешней торговли России и Ирана составил 4,035 миллиарда \$ (экспорт из России – 3,068 млрд., импорт в Россию – 967,3 млрд.) [21].

Цифры за 2022г., в свою очередь, являются красноречивым показателем того, что для России теперь более важен Восток. За весь 2021 г. товарооборот РФ и ИРИ составил немногим более 4 млрд \$, в 2022 г. эту сумму удалось превзойти всего за 10 месяцев, увеличив экспорт на 27%, а импорт на 10% [22]. Благоприятному наращиванию торговли способствовал и продленное в 2022 г. Соглашение о свободной торговле, которое подходило к концу [23].

Учитывая данную статистику, можно прийти к выводу, что отношения России и Ирана в экономической сфере не достигают грандиозных масштабов, но при этом наблюдается стабильное увеличение товарооборота между двумя странами. Отдельно хочется отметить темпы, которые вселяют надежду на увеличение экономического сотрудничества и в будущем. Анализируя структуру товарооборота двух стран, следует отметить, что по данным на 2019 г., 80,32% от всего объема экспорта составляют продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё (преимущественно злаки, жиры и масла животного или растительного происхождения); 7,61% – машины и оборудование; 7,52% – древесина и целлюлозно-бумажные изделия; 2,82% – продукция химической промышленности. В свою очередь, импортирует Россия продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё – 79,5% (преимущественно овощи, фрукты, орехи и молочную продукцию), продукция химической промышленности – 8,84%, металлы и изделия из них – 3,43%, минеральные продукты – 2,37% [20]. Несмотря на то, что текущая статистика отражает конкретные данные за 2019 г., это нисколько не уменьшает их актуальности, ведь качественного изменения в структуре внешнеторгового оборота между двумя державами не случилось. Как можно увидеть из этих данных, между двумя странами налажен товарооборот сельскохозяйственных товаров, тогда как доля

промышленной продукции в товарообороте катастрофически мала. Стимуляция данного сектора может привести к серьёзному положительному импульсу, который выведет двусторонние экономические отношения на новый уровень.

Дискуссия и прогнозы развития отношений

Принимая во внимание всё вышеописанное, следует предпринять попытку формулировки различных прогнозов, которые бы могли реалистично охарактеризовать будущее российско-иранских экономических отношений. Перед тем, как приступить к формулированию таких сценариев, необходимо учесть, что развитие российско-иранских и любых других отношений РФ в ближайшее время будет серьезно зависеть от того, как будут развиваться события российско-украинского конфликта.

Выстраивая краткосрочный сценарий (до 1 года) развития двусторонних российско-иранских отношений, можно прийти к достаточно оптимистичному заключению, о том, что в отношениях двух стран намечаются положительные тенденции. Во многом такая линия будет обеспечиваться тем, что на российский рынок будут поступать промышленные товары из Ирана, заполняя тем самым нишу, которую оставили после себя европейские и американские компании. Помимо этого, можно ожидать рост рабочих мест для российских инженеров и специалистов в областях железнодорожного строительства, атомной энергетики и ВПК, которые будут ознаменованы новыми заказами и контрактами [24], что позволит уменьшить урон, полученный от разрыва контрактов с западными корпорациями. Учитывая тот факт, что товарооборот России и Ирана на протяжении последних 4 лет показывал стабильный рост [20], можно прийти к выводу, что современная ситуация лишь ускорит эти тенденции. Говоря о том, какими российско-иранские экономические отношения будут через год, можно с уверенностью сказать, что они будут направлены в сторону налаживания активного сотрудничества. Несмотря на столь позитивный анализ, следует понимать, что дистанция в 1 год не позволит приступить к реализации масштабных инфраструктурных или стратегических проектов, на проектирование и согласование которых могут уйти годы. Но можно заявить, что такие проекты будут находиться на повестке дня, а значит и будут в планах на их скорейшую реализацию.

Рассматривая более долгосрочные прогнозы (3 и более лет), следует воздержаться от чересчур оптимистичного взгляда. Учитывая темпы, с которыми происходят изменения на международной арене, следует понимать, что позиции России, Ирана, Китая, США, ЕС могут серьезно измениться из-за тех, или иных внешнеполитических условий. Россия, увеличивая своё сотрудничество с Ираном и с Китаем, не теряет надежду на возрождение отношений с ЕС.

Анализируя среднесрочную и долгосрочную перспективу, необходимо брать во внимание важность для России и других направлений экономической деятельности. В случае потенциального «выхода» из западной изоляции или попадания под большую зависимость от Китая, отношения с Ираном могут оказаться для России на уровне 2000–2010-х годов, что неизбежно приведёт к стагнации товарооборота и замораживанию перспективы стратегического сотрудничества.

Отдельно стоит рассмотреть положение, в котором находится иранская сторона и не исходит ли от неё потенциальной угрозы ухудшения отношений. Несмотря на то, что на данный момент в ИРИ проходят длительные и достаточно массовые протестные акции [25], которые сказываются на иранском режиме, на данный момент нет оснований полагать, что они приведут к качественному изменению иранской внешней политики или смогут «расшатать» существующую вертикаль власти. Потенциальную угрозу срыва налаживания российско-иранских отношений может нести конфронтация ИРИ и Израиля, как и обострение ближневосточной ситуации в целом. В случае начала полномасштабной военной кампании на Ближнем Востоке, очевидно, что один из ведущих игроков региона, которым является Иран, не останется в стороне. В случае такого развития событий дальнейшее развитие двусторонних связей может быть напрямую связано с результатом такого конфликта.

Заключение

Российско-иранские отношения в последние годы переживают определенный подъем, что обусловлено внешнеполитической ситуацией, в которую была вовлечена значительная часть мира. Ключевой характеристикой для столь серьезного сближения стало решительное дистанцирование западных государств от торговых, культурных, технологических и прочих отношений с Россией и закономерным

переносом российского центра интересов в сторону азиатского региона. Среди тех стран, с которыми Россия может и хочет выстраивать свои внешнеэкономические связи, отнюдь не последнее место занимает Исламская Республика Иран, которая много лет находится под санкционным давлением, но продолжает поступательное развитие в различных направлениях.

В процессе исследования удалось установить, что активизация экономических связей с Ираном является важным шагом, направленным в сторону диверсификации российского импорта и поиска новых рынков для российской продукции и специалистов. Для расширения всестороннего сотрудничества двум странам необходимо преодолеть незначительные препятствия, лежащие перед ними, а именно: взаимное недоверие, вызванное историческим прошлым двух стран и потенциально изменением интересов России, которая может сменить сотрудничество с Ираном на более выгодные экономические союзы [26, с. 222]; опасение расширения религиозного влияния Ирана на мусульманское население России. В текущих обстоятельствах, когда оба государства переживают серьезные экономические трудности, а также политические волнения, провоцируемые ими, существует возможность переступить через имеющиеся противоречия, что позволит вывести отношения между двумя державам к статусу «стратегического партнёрства» и, возможно, даже политическому союзу.

Сферы, в которых Россия и Иран могут найти общую почву для наращивания экономических отношений, включают в себя множество областей. Так, ключевыми отраслями можно назвать сотрудничество в сфере мирного атома, учитывая тот факт, что такой опыт уже имеется; взаимодействие в рамках ВПК; совместных инфраструктурных проектов (железнодорожная и энергетическая сфера). Не менее важной является агропромышленная сфера, помогающая ликвидировать нехватку сельскохозяйственной продукции, которая дала о себе знать после ухода западных инвестиций и компаний.

Говоря о перспективах развития двусторонних экономических отношений, необходимо принимать во внимание, что условие низкой экономической базы, имеющееся между ИРИ и РФ, позволит в краткосрочной или среднесрочной перспективе наблюдать количественный рост сотрудничества, что, безусловно, скажется

положительно на российско-иранских отношениях. Впервые авторами были выявлены факторы, которые могут обеспечить долгосрочное стратегическое сотрудничество между двумя странами. Такими условиями являются: последовательная политика двух акторов, в которой будут отсутствовать попытки обмана, манипуляции и попытки заключить какие-либо соглашения «за спиной» своего партнера; благоприятная внешнеполитическая ситуация, в рамках которой будет возможен качественный рост взаимодействия; формирование и поэтапное выполнение совместных крупных инфраструктурных, культурных и военно-промышленных проектов, которые создадут возможность в объединении усилий для решения поставленных задач. В случае отсутствия одного, или ряда вышеназванных факторов, вероятность того, что российско-иранские отношения будут процветать, отсутствует.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бугаева А.Г. Российско-иранские торговые и дипломатические отношения первой половины XIX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. №55. С. 30–36.
2. Филин Н.А., Раванди-Фадаи Л.М., Бурова А.Н. Российско-иранские отношения на современном этапе // Вестник Российского университета дружбы народов. Международные отношения. 2016. Т. 16. №4. С. 677–682.
3. Против России введено более 10 000 санкций. 08.05.2022 // Караван Ярмарка: [сайт]. URL: <https://www.karavantver.ru/protiv-rossii-vvedeno-bolee-10-000-sankcij/> (дата обращения: 12.01.2023).
4. Бордачев Т.В. Поворот России на Восток: между выбором и необходимостью. 02.09.2022 // Российский совет по международным делам. РСМД: [сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/povorot-rossii-na-vostok-mezhdu-vyborom-i-neobkhodimostyu/> (дата обращения: 12.01.2023).
5. 16 причин иранского недоверия к России. 11.07.2014 // Российское Информационное Агентство Iran.ru: [сайт]. URL: http://www.iran.ru/news/analytics/94167/16_prichin_iranskogo_nedoveriya_k_Rossii (дата обращения: 12.01.2023).
6. Россия и Иран подписали 16 документов по сотрудничеству. 28.03.2017 // Информационное агентство ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4132554> (дата обращения: 12.01.2023).
7. Иванов А.В. Курс доллара на Форексе упал ниже 49 рублей. 18.05.2015 // Биржевой лидер: [сайт]. URL: <http://www.profi-forex.org/forex/entry1008255852.html> (дата обращения: 12.01.2023).
8. Тимофеев И.Н. Пиррова победа? Опыт санкционной войны против Ирана. 20.04.2018 // Российский совет по международным делам. РСМД: [сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pirrova-pobeda-opyt-sanktsionnoy-voyny-protiv-irana/> (дата обращения: 14.01.2023).

9. СМИ: Россия и Иран заключили соглашение о развитии сотрудничества. 01.11.2022 // Информационное агентство ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16218603> (дата обращения: 14.01.2023).
10. Россия и Иран подписали ряд важных документов. 04.11.2022 // ROGTEC Российские нефтегазовые технологии: [сайт]. URL: <https://www.rogtecmagazine.com/россия-и-иран-подписали-ряд-важных-док/?lang.ru> (дата обращения: 14.01.2023).
11. Федулов И.В. Проекты модернизации транспортной инфраструктуры Ирана // Восточная аналитика. 2016. № 4. С. 38–46.
12. Iran's Next Budget Focuses on Railroad, Environment, Water. 10.02.2017. *Financial Tribune. First Iranian English Economic Daily*. Available at <https://financialtribune.com/articles/domestic-economy/59310/irans-next-budget-focuses-on-railroad-environmen-water> (accessed: 18.01.2023).
13. Tirone, J., Motevalli, G. Russia and Iran Are Building a Trade Route That Defies Sanctions. The nations are investing upwards of \$20 billion to ease passage of goods along waterways and railways. 21.12.2022. *Bloomberg*. Available at <https://www.bloomberg.com/graphics/2022-russia-iran-trade-corridor/> (accessed: 18.01.2023).
14. Иранские беспилотные летательные аппараты семейства «САЙГА». 25.12.2021 // Армейский сборник: [сайт]. URL: <https://army.ric.mil.ru/Stati/item/370796/> (дата обращения: 18.01.2023).
15. Нагорный С.С. Проблеми та перспективи співробітництва України з Іраном в економічній сфері. 12.10.2009. Refdb.ru. Available at <https://refdb.ru/look/1747308.html> (accessed: 18.01.2023).
16. Американские СМИ рассказали о возможностях российского С-500. 14.05.2022 // Радио Sputnik: [сайт]. URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20220514/s-500-1788550597.html> (дата обращения: 18.01.2023).
17. Иран признал поставки дронов России до начала спецоперации на Украине. 05.11.2022 // Информационное агентство РБК: [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/11/2022/63662d899a79473faa7c59a9> (дата обращения: 18.01.2023).
18. Lederman, J., Kube, C. Iran May be Preparing to Arm Russia with Short-Range Ballistic Missiles. 01.11.2022 *NEWS* Available at <https://www.nbcnews.com/news/world/iran-may-preparing-arm-russia-short-range-ballistic-missiles-rcna55101> (accessed: 18.01.2023).
19. ISW: Иран закупил у России истребители Су-35. 30.12.2022 // Информационное агентство Report: [сайт]. URL: <https://report.az/ru/v-regione/isw-iranskij-rezhim-zakupil-u-rossii-istrebitel-su-35/> (дата обращения: 18.01.2023).
20. Внешняя торговля России с Ираном за 9 месяцев 2019 года. 14.11.2019 // Внешняя торговля России: [сайт]. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-11/vneshnyaya-torgovlya-rossii-s-iranom-za-9-mesyatsev-2019-g/> (дата обращения: 18.01.2023).
21. Оборот торговли между Россией и Ираном подскочил на 81,7% в 2021 году. 07.02.2022 // Агентство экономической информации «Прайм»: [сайт]. URL: https://1prime.ru/state_regulation/20220207/836007740.html (дата обращения: 18.01.2023).
22. Елисеева Ю. Двое в лодке: товарооборот России и Ирана достиг рекордных значений. 05.12.2022 // Известия: [сайт]. URL: <https://iz.ru/1434697/iuliia-eliseeva/dvoe-v-lodke-tovarooborot-rossii-i-irana-dostig-rekordnykh-znachenii> (дата обращения: 18.01.2023).

- 23.** Ратифицирован протокол о зоне свободной торговли ЕЭАС с Ираном. 05.07.2022 // Государственная дума Федерального собрания Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://duma.gov.ru/news/54845/> (дата обращения: 23.01.2023).
- 24.** Иран заявил, что передал РФ небольшое количество беспилотников до начала СВО. 05.11.2022 // Интерфакс: [сайт]. URL: <https://www.interfax.ru/world/871155> (дата обращения: 23.01.2023).
- 25.** В Иране задержали около 180 лидеров беспорядков, сообщили СМИ. 23.11.2019 // Информационное агентство РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20191123/1561521335.html> (дата обращения: 23.01.2023).
- 26.** Ноибахуш Х.И. Эволюция отношений и перспективы развития Ирана и России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2021. № 4 (845). С. 218–225.

REFERENCES

1. Bugayeva A.G. Rossiysko-iranskiye torgovyye i diplomaticheskiye otnosheniya pervoy poloviny XIX veka [Russian–Iranian Trade and Diplomatic Relations in the First Half of the 19th Century]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*. 2008. №55. S. 30–36. (In Russ.).
2. Filin N.A., Ravandi–Fadai L.M., Burova A.N. Rossiysko-iranskiye otnosheniya na sovremennom etape [Russian–Iranian Relations at the Present Stage]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Mezhdunarodnyye otnosheniya*. 2016. T. 16. №4. S. 677–682. (In Russ.).
3. Protiv Rossii vvedeno boleye 10 000 sanktsiy [More than 10,000 Sanctions have been Imposed Against Russia]. 08.05.2022. *Karavan Yarmarka*. Available at <https://www.karavantver.ru/protiv-rossii-vvedeno-bolee-10-000-sankcij/> (accessed: 12.01.2023). (In Russ.).
4. Bordachev T.V. Povорот Rossii na Vostok: mezhdru vyborom i neobkhodimostyu. [Russia's Turn to the East: Between Choice and Necessity]. 02.09.2022. *Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam. RSMD*. Available at <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/povorot-rossii-na-vostok-mezhdu-vyborom-i-neobkhodimostyu/> (accessed: 12.01.2023). (In Russ.).
5. 16 prichin iranskogo nedoveriya k Rossii [16 Reasons for Iranian Distrust of Russia]. 11.07.2014. *Rossiyskoye informatsionnoye agentstvo Iran.ru*. Available at http://www.iran.ru/news/analytics/94167/16_prichin_iranskogo_nedoveriya_k_Rossii (accessed: 12.01.2023). (In Russ.).
6. Rossiya i Iran podpisali 16 dokumentov po sotrudnichestvu [Russia and Iran Signed 16 Cooperation Documents]. 28.03.2017. *TASS, Russian news agency*. Available at <https://tass.ru/ekonomika/4132554> (accessed: 12.01.2023). (In Russ.).
7. Ivanov A.V. Kurs dollara na Forekse upal nizhe 49 rubley [The Dollar Exchange Rate on Forex Fell Below 49 Rubles]. 18.05.2015. *Birzhevoy lider*. Available at <http://www.profi-forex.org/forex/entry1008255852.html> (accessed: 12.01.2023). (In Russ.).
8. Timofeyev I.N. Pirrova pobeda? Opyt sanktsionnoy voyny protiv Irana [Pyrrhic Victory? The Experience of the Sanctions War Against Iran]. 20.04.2018. *Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam. RSMD*. Available at <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pirrova-pobeda-opyt-sanktsionnoy-voyny-protiv-irana/> (accessed: 14.01.2023). (In Russ.).

9. Rossiya i Iran zaklyuchili soglasheniye o razvitii sotrudnichestva. [Russia and Iran Signed an Agreement on the Development of Cooperation]. 01.11.2022. *TASS, Russian news agency*. Available at <https://tass.ru/ekonomika/16218603> (accessed: 14.01.2023). (In Russ.).
10. Rossiya i Iran podpisali ryad vazhnykh dokumentov [Russia and Iran Signed a Number of Important Documents]. 04.11.2022. *ROGTEC Rossiyskiye neftegazovyye tekhnologi*. Available at <https://www.rogtecmagazine.com/россия-и-иран-подписали-ряд-важных-док/?lang.ru> (accessed: 14.01.2023). (In Russ.).
11. Fedulov I.V. Projekty modernizatsii transportnoy infrastruktury Irana [Iranian Transport Infrastructure Modernization Projects]. *Vostochnaya analitika*. 2016. № 4. S. 38–46. (In Russ.).
12. Iran's Next Budget Focuses on Railroad, Environment, Water. 10.02.2017. *Financial Tribune. First Iranian English Economic Daily*. Available at <https://financialtribune.com/articles/domestic-economy/59310/irans-next-budget-focuses-on-railroad-environmen-water> (accessed: 18.01.2023).
13. Tirone, J., Motevalli, G. Russia and Iran Are Building a Trade Route That Defies Sanctions. The nations are investing upwards of \$20 billion to ease passage of goods along waterways and railways. 21.12.2022. *Bloomberg*. Available at <https://www.bloomberg.com/graphics/2022-russia-iran-trade-corridor/> (accessed: 18.01.2023).
14. Iranskiye bespilotnyye letatelnyye apparaty semeystva «SAYGA» [Iranian Unmanned Aerial Vehicles of the SAIGA Family]. 25.12.2021. *Armeyskiy sbornik*. Available at <https://army.ric.mil.ru/Stati/item/370796/> (data obrashcheniya: 18.01.2023). (In Russ.).
15. Nagornyy S.S. Problemi ta perspektivi spivrobotnitstva ukraïni z iranom v yekonomichniy sferi [Problems and Prospects of Ukraine's Cooperation with Iran in the Economic Sphere.]. 12.10.2009. *Refdb.ru*. Available at <https://refdb.ru/look/1747308.html> (accessed: 18.01.2023) (in Ukr.).
16. Amerikanskiye SMI rasskazali o vozmozhnostyakh rossiyskogo S-500. [The American Media Talked about the Capabilities of the Russian]. 14.05.2022. *Radio Sputnik*. Available at <https://radiosputnik.ria.ru/20220514/s-500-1788550597.html> (accessed: 18.01.2023). (In Russ.).
17. Iran priznal postavki dronov Rossii do nachala spetsoperatsii na Ukraine [Iran Acknowledged the Supply of Drones to Russia before the Start of a Special Operation in Ukraine]. 05.11.2022. *Informatsionnoye agentstvo RBK*. Available at <https://www.rbc.ru/politics/05/11/2022/63662d899a79473faa7c59a9> (accessed: 18.01.2023). (In Russ.).
18. Lederman, J., Kube, C. Iran May be Preparing to Arm Russia with Short-Range Ballistic Missiles. 01.11.2022 *NEWS* Available at <https://www.nbcnews.com/news/world/iran-may-preparing-arm-russia-short-range-ballistic-missiles-rcna55101> (accessed: 18.01.2023).
19. ISW: Iran zakupil u Rossii istrebiteli Su-35 [WIS: Iran Bought Su-35 Fighter Jets from Russia]. 30.12.2022. *Informatsionnoye agentstvo Report*. Available at <https://report.az/ru/v-regione/isw-iranskij-rezhim-zakupil-u-rossii-istrebitel-su-35/> (accessed: 18.01.2023). (In Russ.).
20. Vneshnyaya trgovlya Rossii s Iranom za 9 mesyatsev 2019 goda [Foreign Trade of Russia with Iran for 9 Months of 2019]. 14.11.2019. *Vneshnyaya trgovlya Rossii*. Available at <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-11/vneshnyaya-torgovlya-rossii-s-iranom-za-9-mesyatsev-2019-g/> (accessed: 18.01.2023). (In Russ.).
21. Oborot trgovli mezhdru Rossiyey i Iranom podskochil na 81,7% v 2021 godu [Trade Turnover between Russia and Iran Jumped 81.7% in 2021]. 07.02.2022. *Agentstvo ekonomicheskoy informatsii «Praym»*. Available at https://1prime.ru/state_regulation/20220207/836007740.html (accessed: 18.01.2023). (In Russ.).

- 22.** Yeliseyeva Yu.A. Dvoye v lodke: tovarooborot Rossii i Irana dostig rekordnykh znacheniy. [Two in a Boat: Trade between Russia and Iran Hit Record Highs]. 05.12.2022. *Izvestiya*. Available at <https://iz.ru/1434697/iuliia-eliseeva/dvoe-v-lodke-tovarooborot-rossii-i-irana-dostig-rekordnykh-znachenii> (accessed: 18.01.2023). (In Russ.).
- 23.** Ratifitsirovan protokol o zone svobodnoy trgovli YeEAS s Iranom. [The Protocol on the EU Free Trade Zone with Iran was Ratified]. 05.07.2022. *State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation*. Available at <http://duma.gov.ru/news/54845/> (accessed: 23.01.2023). (In Russ.).
- 24.** Iran zayavil, chto peredal RF nebolshoye kolichestvo bespilotnikov do nachala SVO. [Iran Said it Handed Over a Small Number of Drones to the Russian Federation before the Start of its Own]. 05.11.2022. *Interfaks*. Available at <https://www.interfax.ru/world/871155> (accessed: 23.01.2023). (In Russ.).
- 25.** V Irane zaderzhali okolo 180 liderov besporyadkov, soobshchili SMI. [About 180 Riot Leaders have been Detained in Iran, Media Reported]. 23.11.2019. *Informatsionnoye agentstvo RIA Novosti*. Available at <https://ria.ru/20191123/1561521335.html> (accessed: 23.01.2023). (In Russ.).
- 26.** Noibakhush Kh.I. Evolyutsiya otnosheniy i perspektivy razvitiya Irana i Rossii [Evolution of Relations and Development Prospects of Iran and Russia]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennyye nauki*. 2021. № 4 (845). S. 218–225. (In Russ.).

Сведения об авторах / Information about authors

Скрябин Алексей – студент кафедры теории и истории международных отношений. Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: alex.skryabin02@gmail.com

Скрябина Алёна Сергеевна – студентка кафедры теории и истории международных отношений. Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: ciel.desy@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Skriabin Oleksii – Student, Department of Theory and History of International Relations. Sankt Petersburg State University.

E-mail: alex.skryabin02@gmail.com

Skriabina Alyona S. – Student, Department of Theory and History of International Relations. Sankt Petersburg State University.

E-mail: ciel.desy@yandex.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.02.2023. Одобрена после рецензирования 07.03.2023. Принята 09.03.2023.
Received 04.02.2023. Approved after reviewing 07.03.2023. Accepted 09.03.2023.*

ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА SOCIETY AND POLITICS

research article

UDC: 323.22

DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.3

The Role of Think Tanks in Shaping European Policies

Nikita S. Ivannikov ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ ivannikov_ns@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1244-1036>

Uliana A. Shmonova

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
ulyana.shmonova@gmail.com

Abstract. *Think tanks are key players in European politics; they play an important role in shaping public opinion and influencing decision-making by government and political leaders. Think tanks are independent research centers that analyze socio-economic, political and cultural issues. Such organizations conduct research and publish reports and recommendations that help the government and other stakeholders make informed decisions. This article explores the role of such organizations in shaping European policy. The novelty of the study is a comprehensive review of the theoretical approaches to assessing the performance of think tanks, the study itself is based on domestic and foreign studies, as well as sources related to the activities of think tanks. There are many think tanks in Europe that specialize in different areas such as the economy, international relations, security, the environment, etc. Expert communities work both as independent organizations funded by private donors and as part of state institutions. The role of think tanks in European politics is that they provide government and political leaders with independent and objective information that helps them make informed decisions. Expert centers also serve as a bridge between the academic community and political circles, ensuring the exchange of knowledge and experience. Think tanks also play an important role in shaping public opinion. Such organizations conduct research and publish reports that help people better understand complex issues and make informed decisions. These communities also influence the media by providing expert commentary and interviews. Some think tanks have an agenda and are able to influence government and political leaders. Think tanks may advocate for certain policy reforms or oppose certain bills. However, most think tanks try to remain independent and objective. Think tanks also play an important role in international politics. These institutions conduct research and influence decision-making at both the domestic and supranational levels. As the results of the study we can conclude that think tanks play an important role in*

European politics by providing independent and objective information, shaping public opinion and influencing decision-making. Such organizations are an essential tool for governments and political leaders seeking to make informed and effective decisions. Their activities and the prospects for using their results in the development and implementation of various policy initiatives are assessed.

Keywords: think tanks; expert groups; European Union; European policy; state

For citation: Ivannikov, N.S., Shmonova, U.A. The Role of Think Tanks in Shaping European Policies. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 2. P. 33–47. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.3

© Ivannikov, N.S., Shmonova, U.A., 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

научная статья

УДК: 323.22

DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.3

Роль экспертных центров в формировании Европейской политики

Иванников Никита Сергеевич ✉

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

✉ ivannikov_ns@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1244-1036>

Шмонова Ульяна Андреевна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

ulyana.shmonova@gmail.com

Аннотация. *Think tanks (или «мозговые центры», экспертные сообщества, экспертные центры) являются ключевыми игроками в европейской политике, они играют важную роль в формировании общественного мнения и влияют на принятие решений правительством и политическими лидерами. Think tanks представляют собой независимые исследовательские центры, которые занимаются анализом социально-экономических, политических и культурных проблем. Подобные организации проводят исследования, публикуют отчеты и рекомендации, которые помогают правительству и другим заинтересованным сторонам принимать обоснованные решения. В данной статье исследуется роль подобных организаций в формировании европейской политики. Новизна исследования заключается в комплексном обзоре теоретических подходов к оценке деятельности think tanks, само исследование проведено на основе отечественных и зарубежных исследований, а также источников, касающихся деятельности think tanks. В Европе существует множество think tanks, которые специализируются на различных областях, таких как экономика, международные отношения, безопасность, окружающая среда и т.д. экспертные сообщества работают как независимые организации, финансируемые частными донорами, так и как часть государственных институтов. Роль think tanks в европейской политике заключается в том, что они предоставляют правительству и политическим лидерам*

независимую и объективную информацию, которая помогает им принимать обоснованные решения. Экспертные центры также служат мостом между академическим сообществом и политическими кругами, обеспечивая обмен знаниями и опытом. Think tanks также играют важную роль в формировании общественного мнения. Подобные организации проводят исследования и публикуют отчеты, которые помогают людям лучше понимать сложные проблемы и принимать информированные решения. Рассматриваемые сообщества также оказывают влияние на медиа, предоставляя экспертные комментарии и интервью. Некоторые think tanks имеют свою повестку и способны влиять на правительство и политических лидеров. Think tanks могут выступать за определенные политические реформы или против определенных законопроектов. Однако большинство think tanks стараются оставаться независимыми и объективными. Think tanks также играют важную роль в международной политике. Подобные учреждения проводят исследования и оказывают влияние на принятие решений как на внутригосударственном, так и на надгосударственном уровне. В качестве результатов исследования можно заключить, что think tanks играют важную роль в европейской политике, предоставляя независимую и объективную информацию, формируя общественное мнение и оказывая влияние на принятие решений. Подобные организации являются необходимым инструментом для правительства и политических лидеров, которые стремятся принимать обоснованные и эффективные решения. Дана оценка их деятельности и перспективы использования результатов их работы при разработке и исполнении различных политических инициатив.

Ключевые слова: think tanks; экспертные сообщества; Европейский союз; Европейская политика; государство

Для цитирования: Иванников Н.С., Шмонова У.А. Роль экспертных центров в формировании Европейской политики // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 2. С. 33–47. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.3

© Иванников Н.С., Шмонова У.А., 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Introduction

It is commonly known that dealing with domestic and foreign policy of a specific state requires a rather comprehensive approach, referring to a variety of mutually dependent factors of life. Thus, sometimes government leaders and authorities might make significant decisions, using the potential and data base of so-called think tanks – analytical institutions which carry out relevant research and provide reliable knowledge on such topics as foreign affairs, economics, politics, environment, etc. Most of think tanks, or previously “brain trust”, function with the aim to study a particular issue and propose possible solutions, as well as consulting different authority groups.

Many experts find the leading research centers are more or less engaged in the decision-making process as regard to the EU foreign and domestic policies. Besides, the think tanks have been always proposed such ideas as the European integration has been had.

The modern think tanks are known for the great variety of their functions and work outcome, however, the key ones are the following: innovative, communicative, representative, indicative, controlling, according to Makarychev [1].

Although there is a significant number of the research institutions which operate in France, UK, Germany, Sweden, the most recognized and high-level think tanks can be found mostly in the institutional heart of the European Union, Brussels. Among them, there are some think tanks emerged to study Europe particularly, providing research for regional authorities and governments as a whole. Those can be “the Center for European Reforms” or “the Center for European Political Studies”.

According to Kelstrup, think tanks make a special contribution to policy innovation. The author supposes that a lot of its staff, researchers and consultants, are absolutely irreplaceable members, especially when it comes to offering sustainable and future-oriented alternatives for decision-makers [2].

On top of that, one should not forget that currently think tanks are also described as an important part of civil society, while contributing a lot to the EU liberalization process itself. That is why some are convinced that think tanks might play a key role in the process of European integration, as well as the formulation of the EU policy and the promotion of democratic development too.

Based on recent events, it could be noticed that European leaders and politicians often resort to the help of numerous non-governmental institutions in order not only to consider the problem of the migration crisis from a different angle, but also to receive up-to-date information and data from various non-profit organizations, international institutions, civil societies and foundations, some of which are analytical or think tanks, better known in foreign literature as "think tanks" (literally from the English "reservoir of thought") [3].

At the same time, continuing the topic of defining think tanks, it also can be characterized as institutions (many of which operate on the basis of universities) which are engaged in the provision of analytical, predictive and consulting services and the creation of highly qualified products of mental work (analytical reports, articles, graphic materials, maps, proposals), mainly in the

field of politics or economics. Most domestic specialists distinguish university, corporate, public and private think tanks [4]. Meanwhile, a majority of its experts of these organizations are rarely members of various government circles, which reduces the possibility of direct influence on decision-making by the ruling elite.

Unlike other research institutes, think tanks are mainly focused on the practical application of research results and the dissemination and introduction of new knowledge among decision makers. In addition, their activities are interdisciplinary in nature, and the intellectual products themselves are focused on specific management decisions.

For instance, think tanks in Europe help to develop such areas of migration policy as constant remote monitoring the EU borders, cooperation with countries of origin and transit of migrants, observing migration flows and providing local social support for migrants in need in the first moments of their stay within a new country.

In addition, think tanks can work at the regional, national or international level. They also often differ in scale and specialization – from an organization of several people to an international network of branches and representative offices on different continents and from a narrowly sectoral focus to universal analytical centers whose activities cover all possible areas of social, economic, behavioral, environmental life of society [5].

According to the Cairney's work, it should be emphasized that the key consumers of the results of the activities of think tanks are decision-makers, among whom may be the heads of the largest enterprises and government organizations in the region, representatives of public organizations, business, politics. An important feature is that the created analytical materials are closed: many think tanks provide products in open access. Thus, their presence in the media and on social platforms is sometimes a mandatory task of the institute, and the experts of the largest analytical centers themselves regularly appear in the media and at open scientific conferences and summits. Therefore, reflecting on the peculiarities of the activities of modern think tanks, it is worth saying that many of them manage to significantly enrich the general information field with high-quality, deeply verified and highly professional content [6].

In addition, it cannot be said that the very way the think tanks in Europe interact with their audience is changing due to technological advances and new

communication means. Thus, as Doberstein claims, social networks are vigorously becoming another communication tool the EU think tanks can use, especially with the new aim to conduct a public survey, getting audience feedback, publishing research data and simply chatting [7].

In addition, it is worth saying that at the present stage, think tanks have received a significant spread in the USA. Thus, the University of Pennsylvania annually compiles the world ranking of analytical centers "Global Go To Think Tank Index Report". In 2016, as part of its compilation, specialists analyzed more than eight thousand analytical centers around the world. It is interesting to emphasize that currently, within the Union, there are more than 2200 such organizations, which are mainly focused on the study of regional problems related to the comprehensive EU development [8].

Although at the end of the 20th century, more than 1,200 think tanks appeared in the United States [9], American analysts suppose that the European think tanks have far less opportunities to participate in the political struggle, because of stronger and less permeable party system and solid bureaucracy [10].

In addition, not so long ago, the project of creating "real-world laboratories" gained popularity in Germany, which was proposed by professors from Baden-Württemberg. It was initiated to create real-world laboratories based especially on universities, with focused on the concept of German sustainable development. To date, the laboratories are actively distributed throughout the lands of Germany, they are "pioneers of changes" in the development policy of the whole country [11].

The major European analytical centers include, for example, the Stockholm Institute for Peace Research, the Brussels Center for European Policy Studies (Centre for European Policy Studies) and the Bruegel Center, whose members are both states and large international corporations and international economic organizations (the European Investment Bank and the European Bank for Reconstruction and Development). In Germany, many think tanks have associated companies with the country's largest political parties – the Friedrich Ebert Foundation, the Konrad Adenauer Foundation (CDU), the Heinrich Bell Foundation and others. The following are also among the outstanding think tanks in Europe: the International Institute for Strategic Studies (International Institute for Strategic Studies) in London, the German Institute for International Politics and Security (Deutsches Institut für internationale Politik und

Sicherheit) and the European Union Institute for Security Studies (European Union Institute for Security Studies) in Paris. According to the University of Pennsylvania ranking, these centers have been on the list of the best in the world for several years, especially in the field of military-political and humanitarian security research [12].

However, Wardle believes that the predominance of organizations engaged in policy analysis does not necessarily lead to improved policy-making or effective use of knowledge [13]. He says that, like many other organizations and structures, think tanks face a number of internal problems too. The most serious one might be the lack of funding. Despite the fact that there are many sources of financing – the government, the EU, international foundations – competition among leading and even less popular think tanks is still substantial. Moreover, followed by the wide use of Internet resources and communication technologies accountability, participation and representation in policy research may become more pressing issues for think tank leaders.

Results

These days, without much exaggeration, it should be born in mind that the expert community and thought factories, as its elements, permanently experience a downfall state. Any expert assessment of the situation or recommendation are tools of influence on the decision-making process in the EU. Therefore, think tanks are constantly dealing with the "temptation" to become an independent expert organization, but in reality, being a lobbying structure, developing policy recommendations and reports for the government that are beneficial only for their sponsors, notes Westermeier [14].

As for the problems that the EU think tanks are dealing with, their range is quite limited. They can focus on the same issues, for example, institutional, economic, security and defense. This allows us to conclude that the activities of think tanks are aimed primarily at a narrow circle of existing decision-making participants in the EU, and not at a wide audience.

Besides, in recent years, think tanks and government agencies have faced an increasingly skeptical audience, struggling with competing fake news and facing a torrent of misinformation on social media. There is also a lack of data evidence that could show the positive impact of the work carried out by analytical centers and inability to measure the outcome in general. Of course, the

audience can compromise the think tanks' credibility, seeing them less reliable and effective.

At the same time, according to Miller and Dinan, analytical centers have huge opportunities that can challenge conventional set of beliefs, develop creative and innovative solutions to complex political problems and eradicate possible misunderstanding between politicians and the society [15].

Here will be presented several cases on think tanks' activities in European policies – both on domestic level of Sweden (as example) and EU-level.

As it happened in the end of December, 2020, the European Commission announced that nuclear and gas will be included in the taxonomy as transitional energy sources and shared a draft Complementary Delegated Act (CDA). This has led to divisions across the EU and has attracted both strong criticism from opponents of nuclear and gas and support from those who believe both are needed as transitional energy sources.

Such conclusions were brought by one of the European think tanks, Member State Expert Group on Sustainable Finance. While the Sustainable Finance Platform itself is a permanent expert group within the European Commission established under Article 20 of the Taxonomy Regulation. It helps the Commission to develop its policy on sustainable finance, including the taxonomy. The Sustainable Finance Platform has six subgroups, including the Technical Working Group that advises the European Commission on the technical screening criteria for the taxonomy.

On that occasion the Sustainable Finance Platform published its response to the proposed criteria for nuclear and gas. The report is highly skeptical of the proposed technical screening criteria and critical of the proposal to include these activities in their current form. The expert group has highlighted imprecise and inconsistent criteria and has criticized the current activities for not being in line with the objectives of the taxonomy.

The Commission highlighted the different challenges related to the transition between Member States and argues that natural gas and nuclear have a role to play in facilitating the transition to a renewable and climate-neutral future in Europe. They argue that the activities covered by the complementary delegated act would "accelerate the phasing out of more harmful sources, such as coal" and help move Europe towards a "more low-carbon and greener energy mix".

Opponents have argued that nuclear and gas should not be included in the green taxonomy, and that allowing these types of activities to be labeled "green" could lead to "green" investments and increased funding for potentially unsustainable projects.

This report recognizes that if the entire economy is to transition to climate neutrality by 2050 and reduce greenhouse gas emissions by 55% by 2030, environmental, social, cost and livelihood issues must be taken into account, not just environmental performance. The focus on nuclear and gas as "transition activities" in the draft cooperation agreement implied that these activities would be part of a transforming energy system, not as green activities in their own right [16].

So this is a great example on how peculiar and influential think tanks may be in the policies of European Union.

Another particularly interesting topic is the interaction between state and think tanks, how the first may sponsor the activities of the latter, and how think tanks can heavily criticize state, though suggesting opinion on urgent matters. The first situation is going to be depicted below.

As Swedish government attaches great importance to analysis and research as a basis for the future design of Sweden's international aid some time ago they dispatched a specific think tank for their needs on evaluating and analyzing Sweden's international aid. The Government needs relevant, high-quality data in the form of evaluations, studies, analyses, etc. on the implementation, results and effectiveness of aid in order to make well-founded decisions and develop the management of aid. Such information may also be of interest to the Swedish Parliament, other stakeholders and the general public. It is not a single type of information that is needed, but a combination of several different types. This may involve different types of evaluations, such as process evaluations or impact evaluations. It may also involve short analyses, extensive studies or quality-assured statistics. The government may also need data for several different reasons – sometimes to develop the management of an authority in order to ensure that the policy is implemented effectively, sometimes to reconsider and reform or develop the direction of the policy. The evidence should highlight the factors that contribute to successful aid interventions, but also the factors that do not.

As Swedish government claims, such expertise in development and aid policy issues is often found at universities, among bilateral and multilateral aid

institutions, among actors and organizations and in partner countries. The results of these international analysis and evaluation activities, as well as the corresponding activities conducted in Sweden, should be made more accessible and used to a greater extent to support the Government in its governance and development of aid. There is still a need for an independent basis for the Government's positions. Experience from other policy areas shows the value of having a special forum for meetings between research and policy where a high degree of independence is combined with proximity to decision-making. The Government therefore believes that specialized committees should be established in the form of an expert group for evaluation and analysis of Sweden's international aid. The expert group's working methods should be based on experience from the Expert Group for Studies in Public Economics (ESO). Through its work, the expert group is to contribute to broadening and deepening the basis for continuous development of aid policy.

Typical task for such thin tank working for government are usually the following:

1. commission, procure or otherwise obtain evaluations, analyses and studies of aid implementation, results and effectiveness;
2. analyze and assess this material;
3. compile knowledge reviews based on relevant research, – carry out evaluations, analyses and studies of the implementation, results and effectiveness of aid under its own auspices;
4. establish and maintain contacts especially with international researchers, institutions, organizations, relevant actors in partner countries, etc.;
5. participate in or contribute to donor-wide evaluations of a strategic nature;
6. present lessons learned, draw conclusions and recommend action, so that evaluations, analyses and studies can be used to a greater extent to support the government in its management and further development of aid;
7. work actively to disseminate the results of the reports it publishes and arrange open seminars, conferences, etc.

Of course, the government of Sweden should monitor the group's activity, but this all can give us a vivid concept of the role of think tank in state's affairs [17].

But relations between state and think tanks may vary, as we may experience from the interaction between Concord Sverige and representative of state, Stefan Löfven, as they condemn the latter for mishaps in governmental actions and even make specific demands (which is typical for such groups. As they are sophisticated and try to obtain the most precise result possible, which include suggestions of ways to fix the existing problem.

As the organization analyzes Swedish policy they were able to experience a reversal in it, which is mainly manifested in the law that makes temporary residence permits the norm and has removed the right to family reunification for the vast majority of those granted protection in Sweden. In the open letter, the organization urged Sweden to work for the UN and the global community in order to:

1. Defend the right to asylum and ensure that refugees' rights are respected and comply with international human rights conventions and international humanitarian law covering all people, including migrants and internally displaced persons, regardless of their status.

2. Promote more safe and legal pathways for refugees to reach safe countries, for example by increasing the number of quota refugees, using humanitarian visas, expanding family reunification opportunities, and working to increase the mobility of migrants.

3. Ensure that all children, regardless of their status, have their rights fulfilled and access to health, education and basic social services as well as the right to their family through family reunification.

4. Ensure that women and girls, regardless of status and age, enjoy their rights, including sexual and reproductive rights, access to sexual and reproductive health services, contraception and safe abortion. Women and girls should also have the opportunity to influence and participate in local committees and councils in refugee camps and shelters where they exist.

5. Take joint and shared responsibility for ensuring the rights of refugees and providing the protection to which all asylum seekers are entitled, through a concrete plan with associated funding and follow-up mechanisms.

Though there were now specific results achieved by that particular activity, the level of openness, devotion to the goals and willingness to pursue its objectives should be perceived as major advantage of cooperation between thin tanks and state [18].

Conclusion

Considering everything mentioned above it can be argued that European analytical centers is one of the best and safest way for an NGO to function. At least it constitutes no direct provocations and since no physical actions were performed, there is less possibility of being pursued or banned, especially if you work directly with the authorities. As it is definitely lets NGOs stay within legal boundaries, at the same time making an impact. Though it also should be said that their opinion sometimes is put aside for the sake of state's own agenda or for a variety of other different reasons. Decision-making figures and institutions sometimes fairly, sometimes not, view data provided by these think tanks as something unequal to their efforts or unreliable. This may lead to a serious loss of credibility of such centers as at many times no direct implementation of their activities is being conducted.

Undeniably, the EU think tanks have the potential to serve as a constantly working reservoir for finding possible solutions and positive changes to the global community. There is why think tanks as analytical centers play a crucial role in the analysis development and promotion of political decisions, especially in times of extreme crisis and instability in Europe. However, these institutions currently function within information-rich societies where figures, statistics, and credible research can be sometimes neglected or distrusted, as well as misinformation can spread too.

REFERENCES

1. Makarychev A.S. Gosudarstva, ekspertnyye soobshchestva i rezhimy znaniya-vlasti [State Experts and Modes of Knowledge-Power]. *Politicheskaya. nauka.* 2015. №3. P. 9–26. Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstva-ekspertnye-soobshchestva-i-rezhimy-znaniya-vlasti> (accessed: 24.03.2023) (In Russ.).
2. Kelstrup, J.D. *The Politics of Think Tanks in Europe.* London: Routledge. 2016. 174 p.
3. Rich, A. *Think Tanks, Public Policy, and the Politics of Expertise.* New York, Cambridge University Press. 2004. 270 p.
4. Colebatch, H.K. The Idea of Policy Design: Intention, Process, Outcome, Meaning and Validity. *Public Policy and Administration.* 2018. Vol. 33. Iss. 4. P. 365–383.
5. Bakhtiyorov, A. Think Tanks and Their Impact on Global Political Processes. *Science and Education.* 2021. Vol. 2. Iss. 7. P. 257–263.
6. Cairney, P. Three Habits of Successful Policy Entrepreneurs. *Policy & Politics.* 2018. Vol. 46. № 2. P. 199–215.
7. Doberstein, C. The Credibility Chasm in Policy Research from Academics, Think Tanks, and Advocacy Organisations. *Canadian Public Policy.* 2017. Vol. 43. Iss. 4. P. 363–375.

8. McGann, J.G. 2015 Global Go to Think Tank Index Report. Think Tanks and Civil Societies Program. The Lauder Institute. The University of Pennsylvania. 2016. Available at https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1009&context=think_tanks (accessed: 24.03.2023).
9. Pautz, H. Think Tanks, Tories and the Austerity Discourse Coalition. *Policy and Society*. 2018. Vol. 37. Iss. 2. P. 155–169.
10. Sytykh Ye.L. Rol fabrik mysli (Think Tanks) v politicheskom diskurse: vozmozhnosti perenosa zarubezhnogo opyta na rossiyskuyu pochvu [The Role of Think Tanks in Political Discourse: The Possibility of Transfer of Foreign Experience on the Russian Soil]. Technologies of Applied Politology and Sociology as a Tool of Increasing Effectiveness of State and Municipal Service: Proceedings of the Research-To-Practice Conference, 28 October 2016. Resp. edit. S. G. Zyryanov. Chelyabinsk: Chelyabinsk Branch of RANEPА, 2016. P. 284–293. (In Russ.)
11. Abakhra M. Rol mozgovykh tsentrov (Think tanks) i issledovatel'skikh tsentrov vo vneshney politike SShA [The Roles of Brain Centers (Think Tanks) and Studies Centers in US Foreign Policy]. *Voprosy politologii*. 2019. T. 9. № 12(52). P. 2838–2844. (In Russ.)
12. Bubnova N.I. "«Mozgovyye tsentry» kak aktor sovremennoy politiki" [Think Tanks as an Actor of Contemporary Politics]. *Sravnitel'naya politika*. 2017. Vol. 8. № 3. P. 8–19. (In Russ.)
13. Wardle, C., Derakhshan, H. Information Disorder: Toward an Interdisciplinary Framework for Research and Policy Making. Council of Europe Report DGI (2017) (09). Council of Europe, 2017. 109 p. Available at <https://rm.coe.int/information-disorder-toward-an-interdisciplinary-framework-for-research/168076277c> (accessed: 29.03.2023).
14. Westermeier, C. The Bank of International Settlements as a Think Tank for Financial Policy-Making. *Policy and Society*. 2018. Vol. 37. Iss. 2. P. 170–187.
15. Miller, D., Dinan, W. Resisting Meaningful Action on Climate Change: Think Tanks, “Merchants of Doubt” and the “Corporate Capture” of Sustainable Development. In A. Hansen & R. Cox (Eds.), *The Routledge Handbook of Environment and Communication*. Routledge. 2015. P. 96–110.
16. Platform on Sustainable Finance. Consultation Response. Taxonomy Draft Delegated Act Setting Out Technical Screening Criteria for Climate Change Mitigation and Adaptation // European Commission. Available at https://commission.europa.eu/system/files/2020-12/201218-eu-platform-on-sustainable-finance-opinion-taxonomy-delegated-act_en.pdf (accessed: 24.03.2023).
17. Kommittedirektiv 2013:11. Expertgrupp för utvärdering och analys av Sveriges internationella bistånd [Committee Directive 2013:11. Expert Group for Evaluation and Analysis of Sweden's International Aid]. *Sveriges Riksdag*. Available at https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/kommittedirektiv/expertgrupp-for-utvardering-och-analys-av_H1B111 (accessed: 24.03.2023). (In Swed.)
18. Ta Ansvar för Flyktingar Både i Sverige och Globalt, Löfven! [Take Responsibility for Refugees Both in Sweden and Globally, Löfven!]. 16.09.2016. *Concord Sverige*. Available at <https://concord.se/ta-ansvar-for-flyktingar-bade-i-sverige-och-globalt-lofven> (accessed: 24.03.2023). (In Swed.)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Макарычев А.С. Государства, экспертные сообщества и режимы знания-власти // Политическая наука. 2015. №3. С. 9–26. [эл. доступ]. URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstva-ekspertnye-soobschestva-i-rezhimy-znaniya-vlasti> (дата обращения: 24.03.2023).
2. Kelstrup, J.D. *The Politics of Think Tanks in Europe*. London: Routledge. 2016. 174 p.
  3. Rich, A. *Think Tanks, Public Policy, and the Politics of Expertise*. New York, Cambridge University Press. 2004. 270 p.
  4. Colebatch, H.K. The Idea of Policy Design: Intention, Process, Outcome, Meaning and Validity. *Public Policy and Administration*. 2018. Vol. 33. Iss. 4. P. 365–383.
  5. Bakhtiyorov, A. Think Tanks and Their Impact on Global Political Processes. *Science and Education*. 2021. Vol. 2. Iss. 7. P. 257–263.
  6. Cairney, P. Three Habits of Successful Policy Entrepreneurs. *Policy & Politics*. 2018. Vol. 46. № 2. P. 199–215.
  7. Doberstein, C. The Credibility Chasm in Policy Research from Academics, Think Tanks, and Advocacy Organisations. *Canadian Public Policy*. 2017. Vol. 43. Iss. 4. P. 363–375.
  8. McGann, J.G. 2015 Global Go to Think Tank Index Report. Think Tanks and Civil Societies Program. The Lauder Institute. The University of Pennsylvania. 2016. Available at https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1009&context=think_tanks (accessed: 24.03.2023).
  9. Pautz, H. Think Tanks, Tories and the Austerity Discourse Coalition. *Policy and Society*. 2018. Vol. 37. Iss. 2. P. 155–169.
  10. Сытых Е.Л. Роль фабрик мысли (Think Tanks) в политическом дискурсе: возможности переноса зарубежного опыта на российскую почву // Технологии прикладной политологии и социологии как инструмент повышения эффективности государственного и муниципального управления: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 28 октября 2016 года / отв. ред. С.Г. Зырянов. Челябинск: Челябинский филиал РАНХиГС, 2016. С. 284–293.
  11. Абахра М. Роль мозговых центров (Think tanks) и исследовательских центров во внешней политике США // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 12(52). С. 2838–2844.
  12. Бубнова Н.И. «Мозговые центры» как актор современной политики // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 3. С. 8–19.
  13. Wardle, C., Derakhshan, H. *Information Disorder: Toward an Interdisciplinary Framework for Research and Policy Making*. Council of Europe Report DGI (2017) (09). Council of Europe, 2017. 109 p. Available at <https://rm.coe.int/information-disorder-toward-an-interdisciplinary-framework-for-research/168076277c> (accessed: 29.03.2023).
  14. Westermeier, C. The Bank of International Settlements as a Think Tank for Financial Policy-Making. *Policy and Society*. 2018. Vol. 37. Iss. 2. P. 170–187.
  15. Miller, D., Dinan, W. Resisting Meaningful Action on Climate Change: Think Tanks, “Merchants of Doubt” and the “Corporate Capture” of Sustainable Development. In A. Hansen & R. Cox (Eds.), *The Routledge Handbook of Environment and Communication*. Routledge. 2015. P. 96–110.
  16. Platform on Sustainable Finance. Consultation Response. Taxonomy Draft Delegated Act Setting Out Technical Screening Criteria for Climate Change Mitigation and Adaptation // European Commission. Available at https://commission.europa.eu/system/files/2020-12/201218-eu-platform-on-sustainable-finance-opinion-taxonomy-delegated-act_en.pdf (accessed: 24.03.2023).
  17. Kommittedirektiv 2013:11. Expertgrupp för utvärdering och analys av Sveriges internationella bistånd. *Sveriges Riksdag*. Available at

https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/kommittedirektiv/expertgrupp-for-utvardering-och-analys-av_H1B111 (accessed: 24.03.2023).

18. Ta Ansvar f t Flyktingar B de i Sverige och Globalt, L fven! 16.09.2016. *Concord Sverige*. Available at <https://concord.se/ta-ansvar-for-flyktingar-bade-i-sverige-och-globalt-lofven> (accessed: 24.03.2023).

Сведения об авторах / Information about authors

Иванников Никита Сергеевич – кандидат политических наук, доцент Высшей школы международных отношений. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: ivannikov.n78@gmail.com; ORCID: 0000-0002-1244-1036

Шмонова Ульяна Андреевна – студент Высшей школы международных отношений. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: ulyana.shmonova@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Ivannikov Nikita S. – Candidate of Sciences in Politics, Associated Professor, Higher School of International Relations. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: ivannikov.n78@gmail.com; ORCID: 0000-0002-1244-1036

Shmonova Uliana A. – Student, Higher School of International Relations. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: ulyana.shmonova@gmail.com

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 31.03.2023. Одобрена после рецензирования 25.04.2023. Принята 05.05.2023.
Received 31.03.2023. Approved after reviewing 25.04.2023. Accepted 05.05.2023.*

research article

UDC: 339.9; 327

DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.4

The Foreign Economic Relations of St. Petersburg and Finland During the COVID-19 Pandemic: Challenges and Prospects

Dmitrii I. Popov ✉

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
✉ dp04@mail.ru

Irina N. Novikova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
i.novikova@spbu.ru

Abstract. *Russian-Finnish cooperation was largely determined by the level of cooperation between the border regions, in which St. Petersburg played a key role. With the aggravation of relations between the Russian Federation and the countries of the European Union, it is interregional ties that are becoming one of the unique opportunities for the development of bilateral cooperation, especially in the economic sphere. However, in addition to these factors, at the turn of 2010-2020, the COVID-19 pandemic became a systemic challenge that both sides had to overcome. According to the authors' hypothesis, the COVID-19 pandemic may limit the cooperation system, but at the same time become an incentive for its improvement. In order to determine the specifics of the St. Petersburg-Finland economic cooperation in 2020-2021, the authors consider how the pandemic affected the level of trade and investment cooperation, as well as contacts of regions' representatives and the implementation of interregional projects. The sources of the study are statistical data from Federal State Statistics Service of Russia and Finnish Customs, materials of state authorities and mass media. The authors rely on the approaches of neoclassical realists to the study of international relations, applying the concept of interest in the external relations of regions in the federation, as well as the concepts of auxiliary and identity paradiplomacy, which from different angles show the role of regions in the country's foreign policy in the continuation of the studies of I. Duchacek and P. Soldatos. As a result of the study, the authors show that the pandemic initially led to a reduction in trade and investment flows between St. Petersburg and Finland, but its negative impact was overcome by the end of 2021, and the online format allowed maintaining interaction in the field of culture and education. Nevertheless, the epidemic highlighted the existing trends of reducing the role of the Finnish direction in the external relations of the city and its reorientation to partners from Asia and CIS countries in accordance with regional interests and systemic constraints.*

Keywords: Paradiplomacy; Russia; Regional Interest; Trade; Foreign direct investment; Cross-border cooperation programme “South-East Finland – Russia”; “Kotka Days”

For citation: Popov, D.I., Novikova, I.N. The Foreign Economic Relations of St. Petersburg and Finland During the COVID-19 Pandemic: Challenges and Prospects. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 2. P. 48–64. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.4

© Popov, D.I., Novikova, I.N., 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

научная статья
УДК 339.9; 327
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.4

Внешнеэкономические связи Санкт-Петербурга и Финляндии в период пандемии COVID-19: вызовы и перспективы

Попов Дмитрий Игоревич ✉
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия
✉ dp04@mail.ru

Новикова Ирина Николаевна
Санкт-Петербургский государственный университет, Москва, Россия
i.novikova@spbu.ru

***Аннотация.** Российско-финляндское взаимодействие во многом определялось уровнем кооперации приграничных регионов, в котором ключевую роль играл Санкт-Петербург. В условиях обострения отношений между Российской Федерацией и странами Европейского Союза, межрегиональные связи становятся одной из немногих возможностей развития двусторонней кооперации, особенно в экономической сфере. Однако помимо этих факторов на рубеже 2010-2020 гг. пандемия COVID-19 стала системным вызовом, который обе стороны были вынуждены преодолевать. Согласно гипотезе авторов, пандемия COVID-19 может ограничивать систему кооперации, но в то же время стать стимулом для её совершенствования. С целью определения особенностей петербургско-финляндской экономической кооперации в 2020-2021 гг. авторы рассматривают, каким образом пандемия оказала влияние на уровень торгового и инвестиционного взаимодействия, а также контакты представителей регионов и реализацию межрегиональных проектов. Источниками исследования являются данные статистики, представленные Федеральной службой государственной статистики РФ и Таможней Финляндии, материалы органов государственной власти и периодической печати. Авторы опираются на подходы неоклассических реалистов к изучению международных отношений, применяя концепцию интереса к внешним связям регионов в федерации, а также концепции ауксилиарной и идентификационной парадипломатии, которые с разных углов показывают роль регионов во внешней политике страны в продолжение исследований И. Духачека и П. Солдатоса. В результате исследования авторы показывают, что пандемия изначально привела к сокращению торговли и инвестиционных потоков между Санкт-Петербургом и Финляндией, однако её негативное влияние удалось преодолеть уже к концу 2021 года, а онлайн-формат позволил сохранить взаимодействие в сфере культуры и образования. Тем не менее, эпидемия подчеркнула уже существовавшие тенденции уменьшения роли финского направления во внешних связях города и его переориентацию на партнёров из Азии и стран СНГ в соответствии с региональными интересами и системными ограничениями.*

Ключевые слова: Парадипломатия; Россия; региональный интерес; торговля; прямые иностранные инвестиции; программа приграничного сотрудничества «Юго-Восточная Финляндия – Россия»; «Дни Котки»

Для цитирования: Попов Д.И., Новикова И.Н. Внешнеэкономические связи Санкт-Петербурга и Финляндии в период пандемии COVID-19: вызовы и перспективы // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 2. С. 48–64. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.4

© Попов Д.И., Новикова И.Н., 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Introduction

In Russian-Finnish relations, the north-west of Russia played a special role in various epochs. At the individual level, for residents of St. Petersburg, Finnish cities and regions were the main direction of tourism in the Baltic region in the XXI century, and in such spheres as shopping, recreation, visiting historical cities and nature monuments, as well as a place for transferring to other countries via Helsinki airport or the ferry system to Sweden. At the same time the Russian metropolis attracted not only Finns interested in its culture and history, but also Finnish investors and entrepreneurs seeking to establish strong and mutually beneficial ties with partners from Russia. Such ties at the regional level are the closest for the citizens of the two countries, represent the very essence of bilateral relations between two states, in contrast with the general and vague statements that are typical for high-level negotiations, and therefore require special analysis.

At the end of the second decade of the XXI century, in addition to the general aggravation of relations between Russia and the EU countries caused by the Ukrainian crisis, the introduction of sanctions and counter-sanctions, the strengthening of Helsinki's cooperation with NATO [1], the COVID-19 epidemic became a new systemic limitation for St. Petersburg-Finnish cooperation. This challenge which are similar for each of the parties, should show whether the cooperation of St. Petersburg and Finland is predetermined by the system level or it is a self-sufficient cooperation with real content.

The degree of scientific development of St. Petersburg's economic relations with Finland is undoubtedly considered to be quite high. For example, there are many works on intergovernmental relations between Russia and Finland in various aspects (articles of E. Drobot [2] and S. Sutyurin [3]), and particularly on

the role of St. Petersburg in them (research of N. Mezhevich [4]). From Finnish side such topics are developed, for instance, by the authors of the journal «Baltic Rim Economies» of the University of Turku where not only Finnish but Russian researchers present the results of their works (E. Shlapeko [5], S. Stepanova [6] and S. Kontula-Webb, director of the Finnish Institute in St. Petersburg [7]), as well as by the scholars of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (R. Kosonen, P. Heliste [8]). Nevertheless, it should be noted that most of the studies relate to the period of the late XX — early XXI centuries, so they dealt with other periods of cooperation and, for obvious reasons, did not consider the pandemic factor.

Thus, the purpose of this study is to identify the features of St. Petersburg-Finland economic cooperation during the pandemic, which as a systemic factor may limit cooperation, but at the same time give opportunities to take it to a new level. To achieve it, it is necessary to determine how the epidemic restrictions affected trade and investment cooperation in quantitative and qualitative terms, as well as the implementation of interregional projects and direct contacts between representatives of interacting regions.

Materials and Methods

The sources of this article are primarily statistical data on Finland's trade relations with the whole of Russia and, in particular, St. Petersburg, provided by Russian and Finnish agencies (for instance, the Federal State Statistics Service [9], the Central Bank of the Russian Federation [10], Finnish Customs [11]), as well as materials of regional authorities and mass media of both states.

The framework of the research is the neoclassical realists' approach to the studying international relations [12]. It allows, on the one hand, to present the state not as a single actor on the world stage, but consisting of various relatively independent structures, including regions, State's foreign policy is influenced not only by strategic culture and perception of its position in the world, but also by the image of elites, interaction with society, and the system of internal institutions. In this context it is possible to see a “feedback” between the region and the center, as well as to talk about the influence of the regions on the country's foreign policy. On the other hand, in conditions of conflict in the system of international relations and the connection of economic processes with political ones we use the realists' concept of “interest” and applies it to the

external relations of the regions that have special interests related to national ones, but possibly different from them.

In addition, the study is based on the theories of paradiplomacy, proposed back in the 1980s by I. Duchacek [13] и P. Soldatos [14], on the basis of which two main approaches to the studying the international activities of regions and cities have been formed to date. The first is based on their complementary role, dependence on the state foreign policy, which is reflected in the idea of auxiliary paradiplomacy by Yu. Akimov [15]. The second approach is a continuation of the I. Duchacek's views. The focus of his attention is on the ability of subnational units to independently pursue their policies. This idea is based on the example of identification diplomacy of S. Paquin [16] according to which regions use opportunities of external relations to promote their identities in the international arena. Nevertheless, it seems important to take into account the system of relations and the balance of interests in the states. For Finland, where cities and regions have a high degree of autonomy, the leadership of which can be represented by various political forces, but connected with the central government, this is relevant, as well as for Russia, which is a federation with broad rights of subjects.

Results

The economic sphere suffered the most from the consequences of COVID-19: the need to stop the work of enterprises, especially in the service sector, led to crisis phenomena in both the Russian and Finnish economies, especially since the latter had not shown the highest growth rates before [17, p. 69], and coronavirus restrictions were introduced here the most extensive. This also determined a reduction in trade turnover in 2020 by more than \$ 3.5 billion, or 26%, and according to Finland's data, the drop was even greater (36%) [11]. Although the results of 2021 are already approximately corresponded to 2019, but with an increase in the share of Finnish imports [9].

On the St. Petersburg-Finnish trade (see Table 1) had, however, a greater impact: the drop-in trade turnover was only 36%, but this generally corresponded to the previously noted data and caused by other factors of fluctuation trends, so 2020 in terms of the value of exports and imports exceeded the worst indicators of 2015–2016, and 2021 is already comparable to the pre-crisis 2018 with the trend of gradual growth, especially of imports [9].

Table 1

Finland's role in St. Petersburg's trade turnover in 2018-2021 (millions in USD)

Year		2018	2019	2020	2021
Import	All	20 709	23 140	21 584	26 624
	Finland	853	1 091	682	806
	Finland's share	4,12%	4,71%	3,16%	3,03%
Export	All	23 175	27 672	20 984	29 908
	Finland	313	476	317	442
	Finland's share	1,35%	1,72%	1,51%	1,48%
Foreign Trade Turnover	All	43 884	50 812	42 568	56 532
	Finland	1 166	1 567	999	1 248
	Finland's share	2,66%	3,08%	2,35%	2,21%
	Finland's place	10	7	10	12
Trade Balance	All	2 466	4 532	-600	3 284
	St. Petersburg – Finland	-540	-615	-365	-364

Source: developed by the authors based on data from
the North-West Customs Administration [18].

At the same time, the trade between St. Petersburg and Finland in the period 2020–2021, if we take into account the statistics by month (see Figure 1), looks noticeably more stable, whereas in 2019 large volumes of exports and imports were determined by one-time purchases of certain categories of goods. Nevertheless, in comparison with other areas of St. Petersburg's trade, the drop in trade turnover with Finland turned out to be more noticeable, which led primarily to a reduction in its share from 4–5% to 3% in imports in 2018–2021 and the displacement of Finland from the top ten partners of the city.

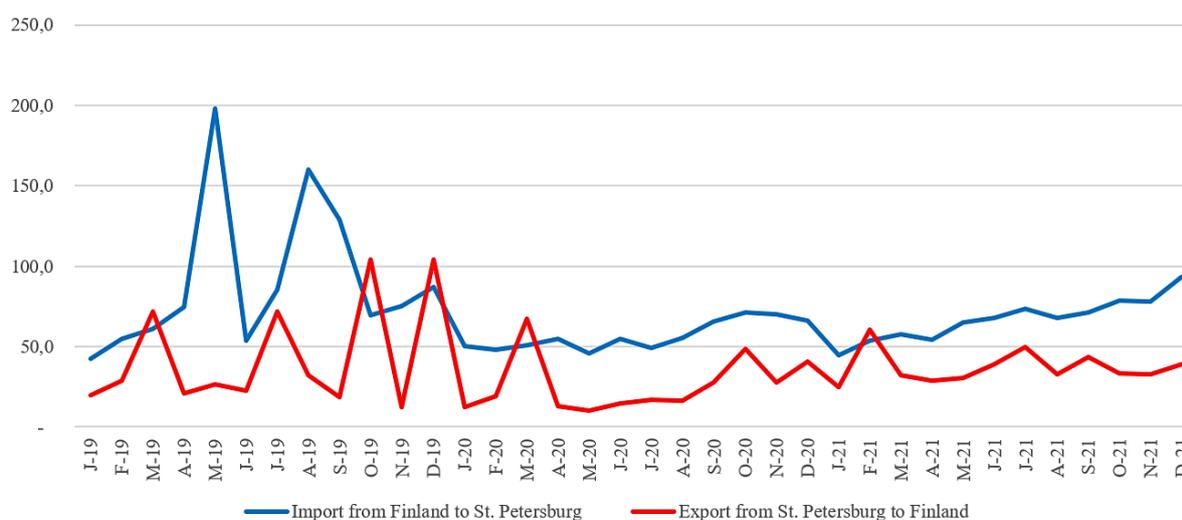

Figure 1. Import and export of St. Petersburg with Finland by month (millions in USD)

Source: developed by the authors based on data from
the North-West Customs Administration [18]

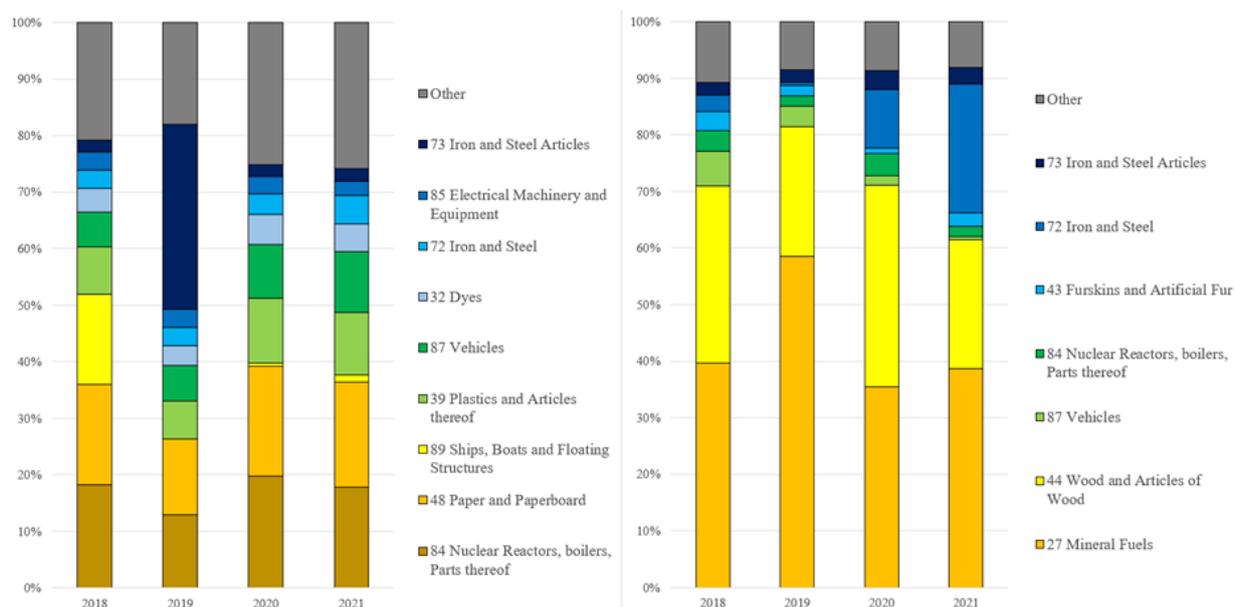

Figure. 2. Commodity structure of imports and exports of Finland and St. Petersburg
Source: developed by the authors based on data from
the North-West Customs Administration [18]

There were no fundamental changes in the commodity structure of trade turnover (see Figure 2): imports from Finland to St. Petersburg remained sufficiently diversified, including equipment for nuclear reactors, paper and paperboard, plastics, and vehicles. The share of these goods in 2020 and 2021 will be approximately the same, whereas in 2018 and 2019 there was a noticeable increase in the share of ships and iron and steel articles, the value of which then became minimal. Similar trends can be seen in St. Petersburg exports, which determined primarily by mineral fuel and wood, but during the epidemic, there was a gradual increase in the share of iron and steel, which made exports even slightly more diversified (in 2021, the two main export categories account for more than 70%, as in 2018 it was about 60%). This was determined, among other things, by a decrease in energy prices, which reduced the role of fuel supplies.

If we compare the St. Petersburg-Finland trade with the turnover of Russia and Finland (see Table. 2), St. Petersburg's share even increased compared to 2018, although there was a slight decrease in imports. The Finnish direction in St. Petersburg exports turned out to be more significant, in comparison with the exports of the whole of Russia.

Table 2

St. Petersburg's role in Russian-Finnish trade turnover in 2018–2021 (millions in USD)

Year		2018	2019	2020	2021
Import	Russia – Finland	3 383	3 484	2 897	3 566
	St. Petersburg – Finland	853	1 091	682	806
	St. Petersburg's share	25,22%	31,31%	23,54%	22,60%
Export	Russia – Finland	11 371	10 081	7 106	9 655
	St. Petersburg – Finland	313	476	317	442
	St. Petersburg's share	2,75%	4,72%	4,46%	4,58%
Foreign Trade Turnover	Russia – Finland	14 753	13 564	10 003	13 221
	St. Petersburg – Finland	1 166	1 567	999	1 248
	St. Petersburg's share	7,90%	11,55%	9,99%	9,44%
Trade Balance	Russia – Finland	7 988	6 597	4 209	6 089
	St. Petersburg – Finland	-540	6597	-365	-364

Source: developed by the authors based on data from
the Federal State Statistics Service [9] and *the North-West Customs Administration* [18]

Similar trends were observed in investment flows (see Figures 3 and 4) but there were also some features. With a reduction as a whole from the very beginning of 2020, the drop in Finnish investments in St. Petersburg was noticeably less than the general one, which increased the role of Finland in St. Petersburg investment flows, but only to the average level for the period of the 2010s [10]. However, then the gradual growth of investments from Finland was no longer comparable to the sharp increase in the flow at the end of 2021 (although it was caused by increased investments from offshore countries) and the country's share decreased again. Investments from St. Petersburg to Finland decreased by almost three times since the beginning of the pandemic, but by the end of 2021 they reached approximately the level of 2019 and again increased their role in the investment flows of the city. At the same time, despite a slight increase in the role of Finland for St. Petersburg investments, the role of St. Petersburg in the Russian-Finnish ones has not changed significantly, since there the Finnish direction has turned out to be more stable than relations with other countries.

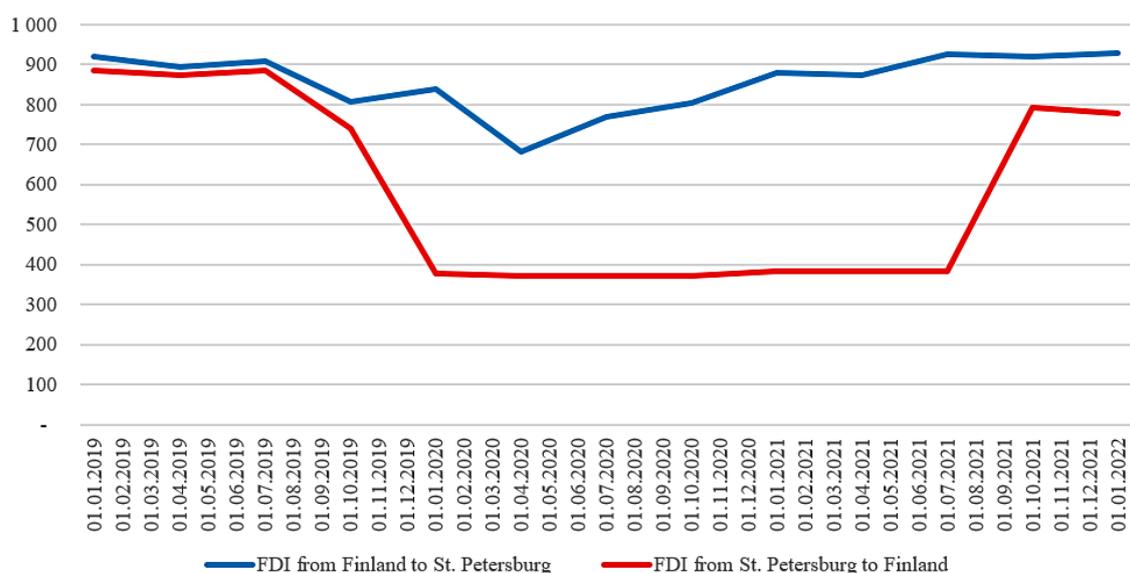

Figure 3. Investment flows between Finland and St. Petersburg (millions in USD)
Source: developed by the authors based on data from
the Central Bank of the Russian Federation [10]

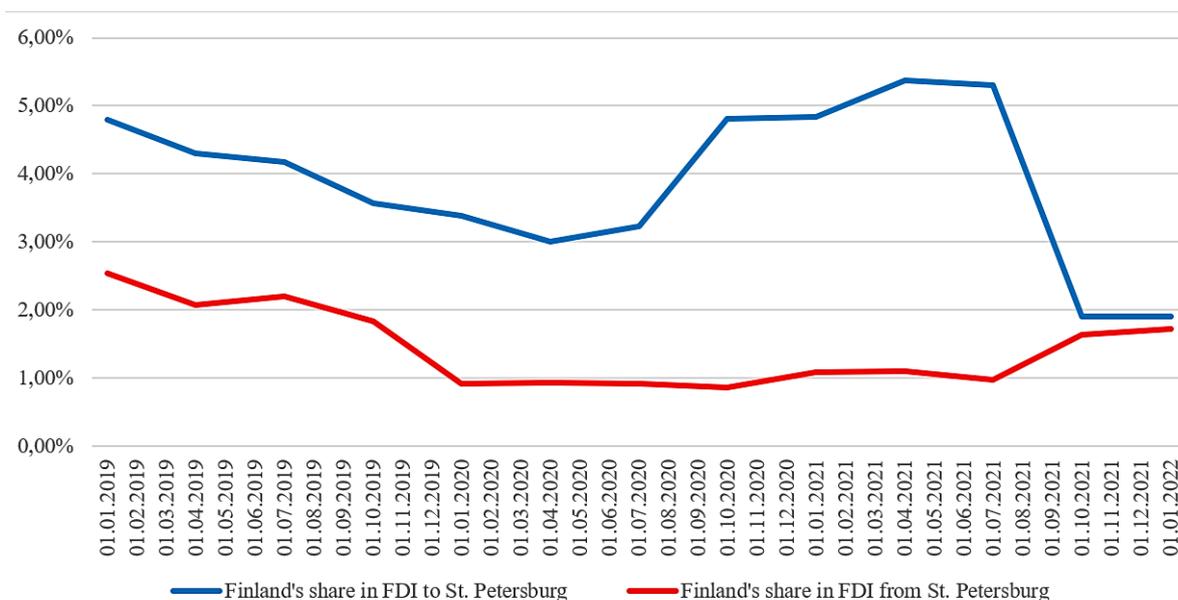

Figure 4. Finland's share in investment flows of St. Petersburg
Source: developed by the authors based on data from
the Central Bank of the Russian Federation [10]

In addition to maintaining trade and investment cooperation during the pandemic, joint projects were also continued. In particular, the transport infrastructure, the Scandinavia highway connecting St. Petersburg with Finland was further developed. For instance, electric vehicle charging stations were installed [19]. Projects on high-speed Internet access in trains on a similar railway track were also being introducing [20], that again showed the attitude of

the leadership of St. Petersburg and Finland to restore cooperation after the systemic restrictions of the pandemic would allow it.

In general, during the epidemic, the authorities of St. Petersburg were able to adapt to the restriction of trips abroad and quarantine measures, actively used online platforms for negotiations with their Finnish partners and, thus, maintained contacts. An example was the videoconference of the Chairman of the Committee on External Relations, E. Grigoriev, with the leadership of South Karelia in February 2021, when they discussed the Cross-border cooperation programme “South-East Finland – Russia”, its results for 2014–2020 and plans for 2021–2027, which primarily included environmental protection and medicine that were relevant at that time [21]. Then in March 2021, St. Petersburg held online Baltic Sea Days within the framework of the INTERREG program, dedicated to environmental issues, with the discussion of specific projects [22], i. e. in those areas that determined the bilateral and multilateral interaction of St. Petersburg with Finnish partners, it was possible to maintain contacts and even develop cooperation, which emphasizes the importance of these connections.

At the same time, tourism, which determines not only the individual level of economic interaction, but also the economic development of the Finnish border regions [6], that are largely dependent on Russian tourists, has certainly become the most affected by the pandemic. In March 2020, the railway connection between St. Petersburg and Helsinki was suspended [23], which with restrictions on entry to Finland predetermined a complete reduction in the tourist flow. However, the positive impact of the closure of borders was a reduction in the smuggling of Finnish goods included in the Russian sanctions list, and therefore their prices on the black market have increased dramatically [24]. Nevertheless, when the first signs of the end of the pandemic appeared, it was the Finnish direction that opened for St. Petersburg residents one of the first. At the end of January 2021, air traffic between St. Petersburg and Helsinki was restored, although this was done primarily for the return of Finnish citizens [25], but this fact testified to the prospects for the future restoration of ties between the cities.

In the context of the reorientation of events to the online format, interaction in the field of culture continued, the development of which was observed during the sanctions period [7]. One of the successful projects was the

“Kotka Days”, held in September 2020, which generally strengthened the ties of sister cities and, therefore, are potentially important for economic contacts. The use of the Zoom platform made it possible to ensure the participation of representatives of the Finnish city – the mayor and the director of city administration development – and Finnish entrepreneurs, as well as the Consul General of Finland in St. Petersburg and the head of the administration of the Kronstadt district, that is also sister city for Kotka (the participation of municipal authorities turns the event into a multi-level one). It is important to emphasize that during the event, several round tables were held, affecting the fields of education, tourism and entrepreneurship with discussing infrastructure projects, i. e. the parties looked to the future [26]. Even earlier in June, the online Kotka Day was held, with the participation of E. Grigoriev, musical performances and virtual exhibitions [27] interested for citizens. But the events were not widely distributed: about 250 direct participants, only dozens of people in its social networks, and there was no large public discussion [28].

Discussion and Conclusion

Economic cooperation between St. Petersburg and Finland has withstood the challenges of the pandemic. Initially, it had a negative impact on the trade turnover between the countries, but already in 2021 there was a tendency to restore both exports and imports to the values of the period preceding the epidemic. On the other hand, even earlier, due to the policy of sanctions and the reorientation of St. Petersburg's ties to other partners, Finland's role in the city's foreign trade was declining, and COVID-19 only exacerbated this trend, since whole city's trade turnover was recovering faster. At the same time, the place of the St. Petersburg in Russian-Finnish trade relations continues to be pivotal. In 2020-2021 it collected up to 10% of the total trade turnover between the states. Similar processes can be observed in the context of investment interaction: reduction of investment flows after the pandemic, their quantitative recovery by the end of 2021, but with a decrease in the value of the Finnish direction.

The pandemic has not stopped the implementation of various projects aimed at long-term cooperation between the parties. The active use of online platforms allowed to maintain interaction between partners, but the emphasis was placed on the field of culture. The pandemic has nevertheless provided

some opportunities for further development of cross-border cooperation in the field of political contacts and humanitarian interaction. Although cultural and educational ties cannot be replaced by an online form, but it helps to maintain them and provides an opportunity for participation for a wider audience. The only exception is undoubtedly tourism, which cannot be replaced with an online version, so the most important task of the regions was to maintain their attractiveness for tourists from partner cities, at least using online events.

Nevertheless, the study showed that in the conditions of the pandemic, which then became especially acute in the context of the conflict in Ukraine, it turned out to be a possible solution for St. Petersburg to reorient external relations from the European direction to the CIS countries and the Asia-Pacific region, primarily China and Vietnam. The city has its own regional interests and can choose priority areas of international relations based on pragmatism and mutually beneficial cooperation to emphasize its image in the international arena but from Finland like from other Nordic countries there was another approach based on moral diplomacy and human rights principles [29]. We would like to hope that Helsinki will eventually have new Paasikivi and Kekkonen, who will return pragmatism, rationalism and mutually beneficial cooperation to relations with their eastern neighbor.

REFERENCES

1. Suomalaisten luottamus Venäjään horjuu, mutta Nato-kannatukseen se ei vaikuta [Finns' Trust in Russia is Wavering, but it does not Affect Their Support for NATO]. 28.11.2020. *Elinkeinoelämän valtuuskunta*. Available at <https://www.eva.fi/blog/2020/11/28/suomalaisten-luottamus-venajaan-horjuu-mutta-nato-kannatukseen-se-ei-vaikuta/> (accessed: 15.09.2022). (In Finn.).
2. Drobot E.V. Vliyanie sankcionnyh vojn na razvitie vneshnetorgovyh otnoshenij Rossii i Finlyandii [Impact of Sanctioning Wars on the Development of Foreign Trade Relations between Russia and Finland]. *Rossijskoe predprinimatel'stvo*. Т. 18. № 5. P. 815–830. DOI: 10.18334/rp.18.5.37618 (In Russ.).
3. Sutyryn S.F., Vorob'yova I.V. Krupnye finskie kompanii na rossijskom rynke [Large Finnish Companies in the Russian Market]. *Sovremennaya Evropa*. 2019. №. 3. P. 125–138. (In Russ.).
4. Mezhevich N.M., Spiridonova V.V. Osobennosti prigranichnogo sotrudnichestva Sankt-Peterburga i regionov YUgo-Vostochnoj Finlyandii [Features of St. Petersburg and South-Eastern Finland Cross-Border Cooperation]. *Administrative Consulting*. 2017. №. 3. P. 28–36. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2017-3-28-36> (In Russ.).
5. Shlapeko, E.A. Finnish-Russian Projects of Cross-Border Cooperation 30.10.2019. *Baltic Rim Economies*. 2019. №. 3. Available at <https://sites.utu.fi/bre/finnish-russian-projects-of-cross-border-cooperation/> (accessed: 15.09.2022).

6. Stepanova S.V., Shlapenko E.A. Russian Shopping Tourists in the Border Regions of Finland. 29.05.2019. *Baltic Rim Economies*. 2019. № 2. Available at <https://sites.utu.fi/bre/russian-shopping-tourists-in-the-border-regions-of-finland/> (accessed: 15.09.2022).
7. Kontula-Webb, S. The Finnish Institute in St. Petersburg and its Role in the Finnish-Russian Dialogue. 18.12.2019. *Baltic Rim Economies*. 2019. № 5. Available at <https://sites.utu.fi/bre/the-finnish-institute-in-st-petersburg-and-its-role-in-the-finnish-russian-dialogue/> (accessed: 15.09.2022).
8. Kosonen, R., Heliste, P. Bilateral Economic Relations between Finland and Russia: Finnish Firms' Experiences in Northwest Russia. *The Two-Level Game: Russia's Relations with Great Britain, Finland and the European Union*. Aleksanteri Series. 2006. № 2. P. 205–224.
9. Vneshnyaya torgovlya Rossijskoj Federacii [Foreign Trade of the Russian Federation]. *Federal State Statistics Service* Available at https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya (accessed: 28.01.2022). (In Russ.).
10. Statistika vneshnego sektora [External Sector Statistics]. *The Central Bank of the Russian Federation*. Available at https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (accessed: 03.02.2022). (In Russ.).
11. International Trade Statistics. *Tulli. Finnish Customs*. Available at <https://tulli.fi/en/statistics> (accessed: 19.09.2022).
12. Ripsman, N.M., Taliaferro, J.F., Lobell, S.E. Neoclassical Realist Theory of International Politics. Oxford University Press, 2016. 196 p.
13. Duchacek, I.D. The Territorial Dimension of Politics. Within, Among and Across Nations. Boulder, London: Westview Press, 1986. 328 p.
14. Soldatos P. An Explanatory Framework for the Study of Federated States as Foreign-Policy Actors. *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units*. Oxford University Press, 1990. P. 34–53.
15. Akimov Yu. G. Auksiliarnaya paradiplomatiya: ispol'zovanie vneshnih svyazey subnacional'nyh edinic dlya resheniya nacional'nyh vneshnepoliticheskikh zadach (proshloe i nastoyashchee) [Auxiliary Paradiplomacy: Using the External Relations of Sub-National Units to Solve National Foreign Policy Tasks (Past and Present)]. *Vneshnepoliticheskie interesy Rossii: istoriya i sovremennost'*. Sbornik materialov IX Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Otv. redaktor A.N. Skvoznikov. Samara: Izd-vo SAMARAMA, 2021. P. 66–72. (In Russ.).
16. Paquin, S. Paradiplomatie et relations internationales. Théories des stratégies internationales des régions face à la mondialisation [Paradiplomacy and International Relations. Theories and International Strategies of Regions in the Face of Globalization]. Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2004. 189 p. (In French).
17. Volkov A.M. Severnye strany Evropy posle krizisa [Nordic Countries after Crisis]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2014. № 4. P. 62–71. (In Russ.).
18. Vneshnyaya torgovlya sub"ektov SZFO. Sankt-Peterburg [Foreign Trade of the Subjects of the Northwestern Federal District. Saint-Petersburg]. *Severo-Zapadnoe tamozhennoe upravlenie*. Available at <http://sztu.customs.ru/folder/147140> (accessed: 23.03.2022). (In Russ.).
19. ABB i «Rosseti Lenenergo» osnastili zaryadnymi stanciyami trassu «Skandinaviya» [ABB and Rosseti Lenenergo have Equipped the Scandinavia Highway with Charging Stations].

- 03.11.2020. *ABB News*. Available at <https://new.abb.com/news/ru/detail/70072/abb-i-rossieti-lieneniergho-osnastili-zariadnymi-stantsiiami-trassu-skandinavii> (accessed: 03.02.2022). (In Russ.).
- 20.** Kompaniya "DOK" protestirovala sistemu svyazi "poezd-zemlya" na linii Sankt-Peterburg – Hel'sinki [The DOK Company Tested the Train-Earth Communication System on the St. Petersburg – Helsinki Line]. 02.11.2020. *ComNews. Novosti cifrovoj transformacii, telekommunikacij, veshhanija i IT*. Available at <https://www.comnews.ru/content/211367/2020-11-02/2020-w45/kompaniya-dok-protestirovala-sistemu-svyazi-poezd-zemlya-linii-sankt-peterburg-khelsinki> (accessed: 03.02.2022). (In Russ.).
- 21.** Sankt-Peterburg i YUzhnaya Kareliya obsudili perspektivy vzaimodejstviya v ramkah programm prigranichnogo sotrudnichestva [St. Petersburg and South Karelia Discussed Prospects for Cooperation within the Framework of Cross-Border Cooperation Programs]. 03.02.2021. *Komitet po vneshnim svyazyam Sankt-Peterburga*. Available at <http://kvs.spb.ru/news/59254/> (accessed: 03.02.2022). (In Russ.).
- 22.** XXI Mezhdunarodnyj jekonomicheskij forum «Den' Baltijskogo morja» 2021 [XXI International Economic Forum "Baltic Sea Day" 2021]. *HELKOM*. Available at http://helcom.ru/baltic_sea_day/2021 (accessed: 03.02.2022). (In Russ.).
- 23.** Passazhirskie zhelezodorozhnye perevozki mezhdru Finlyandiej i Rossiej vremenno prekrashchayutsya [Passenger Rail Transport between Finland and Russia is Temporarily Suspended]. 17.03.2020. *TASS, Russian news agency*. Available at <https://tass.ru/obschestvo/8000293> (accessed: 07.02.2022). (In Russ.).
- 24.** Oltermannin hinta nelinkertaistui Pietarin pimeillä markkinoilla, koska pandemia on vaikeuttanut juuston salakuljetusta Suomesta [Oltermann's Price Quadrupled on St. Petersburg's Black Market Because the Pandemic has Made it Difficult to Smuggle Cheese from Finland]. 03.11.2020. *Helsingin Sanomat*. Available at <https://www.hs.fi/ulkomaat/art-2000006772648.html> (accessed: 05.02.2022). (In Finn.).
- 25.** Mezhdunarodnoe aviasoobshhenie vozobnovitsja eshho iz vos'mi regionov Rossii [International Flights will Resume from Eight More Regions of Russia]. 31.01.2021. *Rossiyskay agazeta*. Available at <https://rg.ru/2021/01/31/mezhdunarodnoe-aviasoobshchenie-vozobnovitsia-eshche-iz-vosmi-regionov-strany.html> (accessed: 15.02.2022). (In Russ.).
- 26.** Itäinen rantarata ja sen kasvuvaikutukset esillä Pietarin Kotka-päivässä [Eastern Beach Railway and its Growth Effects on Display at St. Petersburg's Kotka Day]. 30.09.2020. *Kotkan Kaupunki*. Available at <https://www.kotka.fi/2020/09/itainen-rantarata-ja-sen-kasvuvaikutukset-esilla-pietarin-kotka-paivassa/> (accessed: 23.02.2022). (In Finn.).
- 27.** «Kotka vstrechaet druzej» – 11 iyunya sostoyalsya Den' g. Kotki v Sankt-Peterburge ["Kotka Meets Friends" – On June 11, Kotka Day was Held in St. Petersburg]. 15.06.2020. *BezFormata*. Available at <https://sanktpeterburg.bezformata.com/listnews/iyunya-sostoyalsya-den-g-kotki/84846611/> (accessed: 24.02.2022). (In Russ.).
- 28.** Den' Kotki v onlajn formate sobral bolee 250 uchastnikov [Online Kotka Day Brought Together More than 250 Participants]. 01.10.2020. *Committee for External Relations of Saint-Petersburg*. Available at <http://kvs.spb.ru/news/57034/> (accessed: 21.02.2022). (In Russ.).
- 29.** Eriksson, J. Sweden: Small State, Middle Power, or Moral Superpower? *Middle Powers in Asia and Europe in the 21st Century*. Ed. by G. Giacomello, B. Verbeek. London: Lexington Books, 2020. P. 181–202.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Suomalaisten luottamus Venäjään horjuu, mutta Nato-kannatukseen se ei vaikuta. 28.11.2020 // Elinkeinoelämän valtuuskunta. Available at <https://www.eva.fi/blog/2020/11/28/suomalaisten-luottamus-venajaan-horjuu-mutta-nato-kannatukseen-se-ei-vaikuta/> (accessed: 15.09.2022).
2. Дробот Е.В. Влияние санкционных войн на развитие внешнеторговых отношений России и Финляндии // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18. № 5. С. 815–830. DOI: 10.18334/gr.18.5.37618.
3. Сутырин С.Ф., Воробьева И.В. Крупные финские компании на российском рынке // Современная Европа. 2019. № 3. С. 125–138.
4. Межевич Н.М., Спиридонова В.В. Особенности приграничного сотрудничества Санкт-Петербурга и регионов Юго-Восточной Финляндии // Управленческое консультирование. 2017. № 3. С. 28–36. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2017-3-28-36>.
5. Shlapeko, E.A. Finnish-Russian Projects of Cross-Border Cooperation 30.10.2019. *Baltic Rim Economies*. 2019. №. 3. Available at <https://sites.utu.fi/bre/finnish-russian-projects-of-cross-border-cooperation/> (accessed: 15.09.2022).
6. Stepanova, S.V., Shlapeko, E.A. Russian Shopping Tourists in the Border Regions of Finland. 29.05.2019. *Baltic Rim Economies*. 2019. № 2. Available at <https://sites.utu.fi/bre/russian-shopping-tourists-in-the-border-regions-of-finland/> (accessed: 15.09.2022).
7. Kontula-Webb, S. The Finnish Institute in St. Petersburg and its Role in the Finnish-Russian Dialogue. 18.12.2019. *Baltic Rim Economies*. 2019. № 5. Available at <https://sites.utu.fi/bre/the-finnish-institute-in-st-petersburg-and-its-role-in-the-finnish-russian-dialogue/> (accessed: 15.09.2022).
8. Kosonen, R., Heliste, P. Bilateral Economic Relations between Finland and Russia: Finnish Firms' Experiences in Northwest Russia. *The Two-Level Game: Russia's Relations with Great Britain, Finland and the European Union*. Aleksanteri Series. 2006. № 2. P. 205–224.
9. Внешняя торговля Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya (дата обращения: 28.01.2022).
10. Статистика внешнего сектора // Центральный банк Российской Федерации: [сайт]. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: 03.02.2022).
11. International Trade Statistics. *Tulli. Finnish Customs*. Available at <https://tulli.fi/en/statistics> (accessed: 19.09.2022).
12. Ripsman, N.M., Taliaferro, J.F., Lobell, S.E. Neoclassical Realist Theory of International Politics. Oxford University Press, 2016. 196 p.
13. Duchacek, I.D. The Territorial Dimension of Politics. Within, Among and Across Nations. Boulder, London: Westview Press, 1986. 328 p.
14. Soldatos P. An Explanatory Framework for the Study of Federated States as Foreign-Policy Actors. *Federalism and International Relations: The Role of Subnational Units*. Oxford University Press, 1990. P. 34–53.
15. Акимов Ю.Г. Ауксилиарная парадипломатия: использование внешних связей субнациональных единиц для решения национальных внешнеполитических задач (прошлое и настоящее) // Внешнеполитические интересы России: история и совре-

менность. Сборник материалов IX Всероссийской научной конференции. Отв. редактор А.Н. Сквозников. Самара: Изд-во САМАРАМА, 2021. С. 66–72.

16. Paquin, S. *Paradiplomatie et relations internationales. Théories des stratégies internationales des régions face à la mondialisation*. Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2004. 189 p.

17. Волков А.М. Северные страны Европы после кризиса // *Мировая экономика и международные отношения*. 2014. № 4. С. 62–71.

18. Внешняя торговля субъектов СЗФО. Санкт-Петербург // Северо-Западное таможенное управление: [сайт]. URL: <http://sztu.customs.ru/folder/147140> (дата обращения: 23.03.2022).

19. АBB и «Россети Ленэнерго» оснастили зарядными станциями трассу «Скандинавия». 03.11.2020. // *ABB News*: [сайт]. URL: <https://new.abb.com/news/ru/detail/70072/abb-i-rossieti-lieneniergho-osnastili-zariadnymi-stantsiiami-trassu-skandinavii> (дата обращения: 03.02.2022).

20. Компания "ДОК" протестировала систему связи "поезд–земля" на линии Санкт-Петербург – Хельсинки. 02.11.2020 // *ComNews*. Новости цифровой трансформации, телекоммуникаций, вещания и ИТ: [сайт]. URL: <https://www.comnews.ru/content/211367/2020-11-02/2020-w45/kompaniya-dok-protestirovala-sistemu-svyazi-poezd-zemlya-linii-sankt-peterburg-khelsinki> (дата обращения: 03.02.2022).

21. Санкт-Петербург и Южная Карелия обсудили перспективы взаимодействия в рамках программ приграничного сотрудничества. 03.02.2021 // Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга: [сайт]. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_foreign/news/206343/ (дата обращения: 03.02.2022).

22. XXI Международный экономический форум «День Балтийского моря» 2021 // ХЕЛКОМ: [сайт]. URL: http://helcom.ru/baltic_sea_day/2021 (дата обращения: 03.02.2022).

23. Пассажирские железнодорожные перевозки между Финляндией и Россией временно прекращаются. 17.03.2020 // Информационное агентство ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/obshchestvo/8000293> (дата обращения: 07.02.2022).

24. Oltermannin hinta nelinkertaistui Pietarin pimeillä markkinoilla, koska pandemia on vaikeuttanut juuston salakuljetusta Suomesta. 03.11.2020. *Helsingin Sanomat*. Available at <https://www.hs.fi/ulkomaat/art-2000006772648.html> (accessed: 05.02.2022).

25. Международное авиасообщение возобновится ещё из восьми регионов России. 31.01.2021 // *Российская газета*: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2021/01/31/mezhdunarodnoe-aviasoobshchenie-vozobnovitsia-eshche-iz-vosmi-regionov-strany.html> (дата обращения: 15.02.2022).

26. Itäinen rantarata ja sen kasvuvaikutukset esillä Pietarin Kotka-päivässä. 30.09.2020. *Kotkan Kaupunki*. Available at <https://www.kotka.fi/2020/09/itainen-rantarata-ja-sen-kasvuvaikutukset-esilla-pietarin-kotka-paivassa/> (accessed: 23.02.2022).

27. «Котка встречает друзей» – 11 июня состоялся День г. Котки в Санкт-Петербурге. 15.06.2020 // *BezФормата*: [сайт]. URL: <https://sanktpeterburg.bezformata.com/listnews/iyunya-sostoyalsya-den-g-kotki/84846611/> (дата обращения: 24.02.2022).

28. День Котки в онлайн формате собрал более 250 участников. 01.10.2020 // Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга: [сайт]. URL: <http://kvs.spb.ru/news/57034/> (дата обращения: 21.02.2022).

29. Eriksson, J. Sweden: Small State, Middle Power, or Moral Superpower? *Middle Powers in Asia and Europe in the 21st Century*. Ed. by G. Giacomello, B. Verbeek. London: Lexington Books, 2020. P. 181–202.

Сведения об авторах / Information about authors

Попов Дмитрий Игоревич – магистрант факультета гуманитарных наук.
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
E-mail: dp04@mail.ru

Новикова Ирина Николаевна – декан факультета международных отношений,
профессор кафедры европейских исследований.
Санкт-Петербургский государственный университет.
E-mail: i.novikova@spbu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Popov Dmitrii I. – Master’s Degree Student. Faculty of Humanities. National Research University Higher School of Economics.
E-mail: dp04@mail.ru

Novikova Irina N. – Dean of the School of International Relations, Professor of the Department of European Studies. Saint Petersburg State University.
E-mail: i.novikova@spbu.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.03.2023. Одобрена после рецензирования 22.04.2023. Принята 07.05.2023.
Received 28.03.2023. Approved after reviewing 22.04.2023. Accepted 07.05.2023.*

научная статья
УДК: 325.14
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.5

Интеграция боснийских беженцев в Швеции

Иванов Павел Сергеевич ✉

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

✉ ivanov2.ps@edu.spbstu.ru; <https://orcid.org/0009-0003-6081-644X>

Моркина Марта Александровна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

morkina_ma@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8253-3374>

Аннотация. Миграционная политика шведского королевства нацелена на максимальную интеграцию приезжих в свое общество. Примером успешной реализации шведской миграционной политики может служить интеграция боснийцев, массово бежавших из своей страны по причине вооруженного конфликта в Югославии. В статье показано, что шаги, предпринятые правительством Швеции, привели к всеобъемлющему вливанию новопривывших во все сферы жизни общества. Перейдя от политики временного приема боснийцев к политике их активной интеграции в жизнь шведского общества, руководство королевства предприняло ряд мер: была увеличена квота приема беженцев из Югославии, для них стал доступен рынок труда, предоставлялись равные с коренным населением права и возможности. Адаптивные меры включали в себя быструю переквалификацию боснийцев под стандарты шведского образования, поддержку новой для страны мусульманской религии, создание общественных организаций, контролирующей процессы адаптации и интеграции мигрантов. Одновременно с этим было установлено, что в миграционной политике Швеции того времени были допущены и некоторые ошибки. Так, бесконтрольное расселение беженцев осуществлялось без учета потребностей локальных рынков труда, некоторые регионы страны оказались перенаселены мигрантами, что сказалось на уровне безработицы. Несмотря на это, большинство боснийских беженцев успешно адаптировались и стали полноправными членами шведского общества, что является следствием предоставления им возможности самостоятельно выбирать степень интеграции в Швеции и новаторских для того времени интеграционных механизмов. На основе проведенного исследования был сделан вывод о том, что опыт Швеции в вопросе интеграции боснийских беженцев можно признать успешным и требующим дальнейшего изучения.

Ключевые слова: Швеция; югославский конфликт; миграционная политика; мигранты; ассимиляция

Для цитирования: Иванов П.С., Моркина М.А. Интеграция боснийских беженцев в Швеции // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 2. С. 65–83. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.5

© Иванов П.С., Моркина М.А., 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 325.14

DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.5

Integration of Bosnian Refugees in Sweden

Pavel S. Ivanov ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ ivanov2.ps@edu.spbstu.ru; <https://orcid.org/0009-0003-6081-644X>

Marta A. Morkina

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
morkina_ma@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8253-3374>

Abstract. *The migration policy of the Kingdom of Sweden is aimed at maximizing the integration of newcomers into their society. An example of the successful implementation of the Swedish migration policy is the integration of Bosnians, who fled their country in large numbers due to the armed conflict in Yugoslavia. This paper proves that the steps taken by the Swedish government led to a comprehensive infusion of newcomers into all areas of society. Moving from a policy of temporary admission of Bosnians to a policy of their active integration into the life of Swedish society, the government of the kingdom took a number of measures: the quota for accepting refugees from Yugoslavia was increased, the labor market became available for them, and equal rights and opportunities were provided with the indigenous population. Adaptive measures included the rapid retraining of Bosnians to the standards of Swedish education, support for the new Muslim religion for the country, and the creation of public organizations that control the processes of adaptation and integration of migrants. At the same time, it was found that some mistakes were made in the migration policy of Sweden at that time. Thus, the uncontrolled resettlement of refugees was carried out without considering the needs of local labor markets, some regions of the country were overpopulated by migrants, which affected the unemployment rate. Despite this, the majority of Bosnian refugees successfully adapted and became full members of Swedish society, which is a consequence of giving them the opportunity to choose their own degree of integration in Sweden and innovative integration mechanisms for that time. Based on these results, it was concluded that Sweden's experience in the integration of Bosnian refugees can be considered successful and requires further study.*

Keywords: Sweden; Yugoslav conflict; migration policy; migrants; assimilation

For citation: Ivanov, P.S., Morkina, M.A. Integration of Bosnian Refugees in Sweden. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 2. P. 65–83. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.5

© Ivanov, P.S., Morkina, M.A., 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

В настоящее время в Европе остро стоит вопрос миграции беженцев. Их количество постоянно увеличивается, и, весьма вероятно, данная

тенденция сохранится в силу нынешних обстоятельств в мире. Так, в первой половине 2022 г. в ЕС было подано 405 500 заявлений о предоставлении убежища (из них 365 400 заявлений впервые). Это на 63% больше, чем за тот же период в 2021 г., а также на 21% больше, чем до пандемии коронавируса (тот же период в 2019 г.). В марте 2022 г. количество заявок превысило 80 000, что является самым высоким месячным уровнем с 2016 г. (рис. 1) [1].

Рис. 1. Ходатайства о предоставлении убежища в ЕС в период с 2019–2020 гг. [1].

Международная миграция вызвана экономическими, социальными и политическими проблемами, среди которых, в частности, можно назвать военные конфликты или низкий уровень жизни населения.

На сегодняшний день многие страны Европы продолжают принимать большое число мигрантов из разных частей планеты. Это становится серьезной проблемой для местных жителей принимающих стран. С ростом числа мигрантов в европейских странах ухудшается общая ситуация, связанная с ростом криминала, демографическим кризисом, дестабилизацией общества, ухудшением санитарно-эпидемиологической обстановки, а также с увеличением бюджетных трат на социальные выплаты переселенцам, что приводит к экономическим кризисам, сотрясающим Европу [2, с. 25–26].

Политики, экономисты, политологи и социологи со всего мира пытаются найти правильное решение для успешной интеграции беженцев в общество принимающих их стран. В рамках интеграционных стратегий

ЕС эта концепция в основном касается политических и экономических мер, однако не менее важным представляется социальный и культурный аспекты. В мультикультурном обществе проводится грань между интеграцией, для которой характерно принятие культуры большинства культурой меньшинства при отсутствии антагонистических настроений, и ассимиляцией, при которой происходит поглощение культуры мигрантов культурой принимающей стороны. Интеграция основана на способности общества предоставлять равные возможности и права всем гражданам, независимо от их этнического происхождения и вероисповедования, а сами мигранты имеют право сохранять культурную идентичность и самостоятельно принимают решение о том, в какой степени входить в принимающее общество. При ассимиляции мигрантам предлагается использовать имеющиеся экономические, политические и культурные ресурсы принимающей страны, они должны принять социальные и культурные особенности того или иного государства, а также участвовать в жизни общества наравне с местными жителями [3, с. 1]. В условиях постоянного роста миграции во всех регионах мира правильный выбор миграционной политики определяет благополучие общества в целом.

Таким образом, актуальность статьи заключается в том, что пример шведской миграционной политики в отношении боснийских беженцев может послужить материалом для изучения и внедрения практики успешной интеграции мигрантов в страны пребывания как с политической, экономической, так и социальной точек зрения.

Научная гипотеза данного исследования заключается в предположении: чем меньше государство навязывает мигрантам полную ассимиляцию, предлагает интегрироваться в той степени, в какой новоприбывший сам того хочет, предоставляя при этом равные права и возможности, то интеграция осуществляется быстрее и эффективнее. Примером тому является успешная интеграция боснийских беженцев в Швеции.

Целью исследования является выявить специфику феномена успешной адаптации боснийцев в шведское общество. В связи с этим, авторами были рассмотрены вопросы, связанные с причинами миграции боснийцев в Швецию и мерами, принимаемыми правительством для интеграции беженцев из Боснии и Герцеговины. Проанализированы

факторы, повлиявшие на процесс успешной интеграции боснийских мигрантов, отмечены ошибки, допущенные шведским правительством при приеме беженцев. В качестве иллюстрации приведены литературные произведения, в которых описано отношение мигрантов к полной ассимиляции в стране.

Перспектива исследования видится в том, что данная статья может послужить дальнейшему исследованию миграционной политики других стран, в том числе России, с целью изучения того, как реальная интеграция мигрантов отличается от заявленного государством курса. Подобные исследования помогут подтвердить или опровергнуть выдвинутую авторами статьи научную гипотезу.

При исследовании материалов были использованы статистический, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический и историко-генетический методы. Вопрос миграции боснийцев, связанный с проблемой войны в Югославии, рассматривался такими зарубежными авторами как Хагебутрос Дж. (Hageboutros J.) (2016) [4], Барслунд М. (Barslund M.) (2017) [5], Уловссон Д. (Olovsson D.) (2007) [6]. В работе использовались материалы из конституции Швеции [7], письма правительства в риксдаг (шв. Regeringens skrivelse) [8], статистические данные с сайта Европейской комиссии [1], а также данные с официальных сайтов организаций, таких как Шведский миграционный Совет (шв. Migrationverket) [9], Национальное управление среднего образования (шв. Skolverket) [10]. В России тема интеграции боснийских беженцев в Швеции мало изучена.

Новизна работы заключается в комплексном анализе успешной интеграции боснийцев в Швеции сквозь призму проводимой миграционной политики, заключающейся в отказе от ассимиляции и переходе к полной «мягкой» интеграции. Кроме того, впервые для иллюстрации шведской миграционной политики в статье были использованы художественные произведения автора боснийского происхождения З. Бечевича (Bečević Z.) (2009) [11].

Материалы и результаты исследования

В 1950-е и 1960-е годы промышленность Швеции нуждалась в приросте рабочей силы, что было компенсировано привлечением трудовых

мигрантов из стран Северной Европы, а позднее из ФРГ, Италии, Греции и Югославии. Шведская миграционная политика в то время являлась политикой ассимиляции [12, p. 253]. Многие прибывшие вернулись домой, что подтверждает научную гипотезу о том, что навязывание культуры принимающей страны неизменно вызывает отторжение у мигрантов [6, p. 31].

В 1975 г. шведский риксдаг принял решение о новых возможностях для приезжих и национальных меньшинств. Его суть заключалась в трех словах: «Равенство, свобода выбора и взаимодействие» (шв. Jämlikhet, valfrihet, samverkan). Это означало, что отныне мигранты имели равные права и обязанности с коренными шведами, а также сами решали, в какой степени им сохранять свой язык, культуру и идентичность. Тем самым правительство сделало Швецию привлекательной для мигрантов со всего мира [6, p. 256].

К середине 1980-х гг. число просителей убежища в королевстве значительно увеличилось, что стало причиной разногласий в проводимой Швецией миграционной политике. Либеральная партия, Партия зеленых и Левая партия требовали перемен [13, с. 30–31]. В связи с этим Закон об иностранцах 1976 г., который характеризовался предоставлением равных прав иностранным гражданам и приоритетом семейной миграции, был пересмотрен. Беженцы, не подпадающие под действие Женевской конвенции, лишались права предоставления убежища, однако после выборов 1991 г. Швеция вновь вернулась к открытости и доброжелательности ко всем приезжим беженцам, и миграционная политика была перенаправлена на курс интеграции [14, p. 5–6].

Югославский кризис 1991–2002 гг., приведший к распаду Социалистической Федеративной Республики Югославии (далее СФРЮ), стал самым кровавым конфликтом со времен Второй мировой войны. После прекращения попечительства белградских властей и вследствие провозглашения независимости ряда субъектов, таких как Хорватия, Македония и Словения, настало время для повторения подобного сценария и в Социалистической Республике Боснии и Герцеговины, которая являлась третьим по численности населения субъектом СФРЮ (около 4,5 млн. жителей). В ней проживали этнические боснийцы (44%), в

большинстве своем являющиеся мусульманами, сербы (31%), исповедующие православие, и католики-хорваты (17%). Референдум о независимости Боснии и Герцеговины прошёл 29 февраля 1992 г. без участия сербов, населяющих территории данной республики. Результаты референдума были отвергнуты лидерами боснийских сербов, которые в то время создали свою собственную республику [15, с. 94–96].

После провозглашения независимости разгорелась война, в которой сербы из Боснии получили поддержку от правительства Сербии, возглавляемого Слободаном Милошевичем, и Югославской Народной Армии. Вскоре боевые действия распространились по территории всей республики Югославия. Они характеризовались ожесточёнными боевыми действиями, беспорядочными обстрелами городов и сёл, этническими чистками, массовыми изнасилованиями, геноцидом. Осада Сараево и резня в Сребренице стали печально знаменитыми событиями этой войны [15].

Причиной начала столь тяжелых времен для Балканского полуострова стали национальные разногласия между народами, проживающими на этой территории. По мнению помощника бывшего госсекретаря США Ричарда Холброка, власти сербского Белграда вели агрессивную кампанию в отношении хорватов и мусульманского населения Югославии, в число которых входили и боснийцы [16, р. 12].

Конец гражданской войне в Республике Босния и Герцеговина положило Дейтонское соглашение, подписанное в 1995 г., в котором было объявлено о прекращении огня и разделении враждующих сторон [15, с. 94–96].

По итогам войны общее число беженцев составило более чем 2,2 млн. человек. Многие из них перебрались в другие бывшие югославские республики, где впоследствии подверглись еще большему давлению со стороны властей [15, с. 96].

Около 650 000 беженцев смогли иммигрировать в ряд европейских стран за пределами бывшей Югославии и приобрести временную защиту в Европейском Союзе [12, р. 50].

Самое большое количество боснийских мигрантов в период прохождения боевых действий на территории Боснии и Герцеговины

приняли пять европейских государств: Германия (320 тыс.), Австрия (86,5 тыс.), Швеция (58,7 тыс.), Нидерланды (22 тыс.) и Дания (17 тыс.) [5].

Так как для выбора места миграции для беженцев существует два основополагающих критерия – наличие диаспоры в той или иной стране и географическая близость – Германия и Австрия приняли самый значительный удар по приему беженцев, а, учитывая долю местного населения каждого из принимающих государств, Австрия несла на себе самое тяжелое бремя. Этому способствовала географическая близость страны к границам конфликта, а также давние исторические связи, когда Босния была оккупирована Австро-Венгерской империей в 1878 г. [5].

Ведущие европейские страны уже имели опыт работы с относительно большим количеством беженцев после окончания Второй мировой войны. Тяжелая экономическая обстановка в конце 1960-х годов вынудила ряд европейских стран принимать на своей территории большое число трудовых мигрантов, в том числе из Югославии. Оставшиеся с тех времен гастарбайтеры активно привлекали к себе родственников и друзей, вынужденных бежать от ужасов войны [12, p. 50–51].

Швеция пережила большой приток югославских иммигрантов еще в период между 1940 и 1970 годами, главным образом под влиянием экономических возможностей и потребностей рынка труда в обрабатывающей промышленности, которая в то время развивалась быстрыми темпами. В связи с этим и в Швеции сформировалась обширная боснийская диаспора [13, p. 4].

Во времена Боснийской войны (1992–1995) экономическая обстановка во всех принимающих мигрантов странах была неблагоприятной. Глобальная рецессия после краха в 1987 г. фондового рынка «черного понедельника» была характерна для конца 1980-х и начала 1990-х гг. Во многих странах наблюдалось резкое увеличение цен на нефть и снижение темпов экономического роста. Кризис сопровождался незначительным повышением уровня безработицы во всех развитых европейских государствах [5].

Поначалу, как и другие европейские страны, Швеция предполагала краткосрочное размещение беженцев из Югославии на своей территории. Большинство шведов были уверены, что наплыв боснийских мигрантов –

временное явление [5]. Но в 1992 г. правительство выступило с инициативой перейти от политики временного приема беженцев к политике, подразумевавшей работу по активной адаптации к жизни в Швеции как с новоприбывшими боснийцами, так и с теми, кто живет в Швеции уже какое-то время, а также с коренным населением по принятию новых членов общества [17].

В качестве чрезвычайной меры риксдаг выделил 42 000 долларов на обеспечение условий для постоянного проживания боснийских беженцев. Это означало, что Швеция была готова оставить мигрантов из Боснии и Герцеговины на постоянной основе, не рассматривая личные дела просящих убежище. Квота для беженцев 1992–1993 гг. приоритетно выделялась беженцам Балканской войны [6, р. 6–8].

В стране начали действовать специальные государственные институты, главным из которых была Интеграционная коллегия (шв. Integrationsverket), в задачи которой входили: постоянный мониторинг интеграционных проблем в различных слоях общества и всех сферах его деятельности; популяризация идеи двустороннего участия в процессе интеграции (как иммигрантов, так и коренного населения); противостояние этнической дискриминации, расизму и ксенофобии; разработка конкретных мер интеграционной помощи для новоприбывших и административная поддержка муниципалитетов, на базе которых такие меры осуществлялись [17].

Для беженцев, получивших постоянное место жительства, был открыт доступ на шведский рынок труда. Швеция ввела дополнительные образовательные курсы для иммигрантов, прибывших с югославскими паспортами. Они были рассчитаны на полтора года и включали в себя уроки шведского языка, а также среднее дополнительное образование на выбор [17].

У боснийцев была возможность повысить уровень образования, полученного в родной стране, для повышения уровня знаний до стандартов шведского образования. Тем самым их шансы устроиться на высококвалифицированную работу увеличивались, и боснийцы активно пользовались этим [17].

Работодатели в течение шести месяцев получали от Шведского национального управления занятости (шв. Arbetsförmedlingen) пятидесятипроцентную субсидию на заработную плату для беженцев старше 20-ти лет. По мнению экспертов, эта инициатива привела к улучшению доступа иммигрантов к рынку труда. Боснийцы получали из казны государства социальную помощь, именуемую «вступительным пособием» (шв. Introduktionsersättning), которая предназначалась для обеспечения первостепенных нужд [8].

После подписания Дейтонского соглашения возвратная миграция боснийцев была добровольной, а не принудительной репатриацией, как в некоторых странах Европы. Кроме того, был создан ряд шведских волонтерских организаций, а также специальные программы и проекты для желающих вернуться в Боснию, а Шведский миграционный Совет (шв. Migrationsverket) оказывал им финансовую помощь [9].

Большая проблема возникла с вхождением новой для Швеции религии в общество. Долгое время страна была гомогенной не только в этническом, но и в конфессиональном плане. Вплоть до 1951 г., когда в Швеции был принят закон о свободе вероисповедания (шв. Religionsfrihetslag), шведская государственность базировалась на принципе «Одна нация, один народ, одна вера» (шв. En nation, ett folk, en tro). На протяжении почти четырехсот лет «одной верой» шведов было лютеранство [7].

Со времен первых массовых переездов мусульман в Швецию в стране появилась необходимость поддержания и развития иммигрантской мусульманской культуры и исламских религиозных традиций.

В крупных городах Швеции, где проживает более 90% живущих в стране мусульман, были построены мечети: суннитские – в Стокгольме, Мальмё, Упсале и Вестеросе; шиитская – в Тролльхеттане; мечеть ахмадитов – в Гётеборге. В каждом из этих городов есть и так называемые подвальные мечети. Всего же в стране 150 официально зарегистрированных мусульманских организаций [17].

Первая крупная организация, объединившая мусульманские приходы в Швеции – FIFS (шв. Förenade Islamiska Föreningar i Sverige) [18]. В связи с культурно-этническими конфликтами и идеологических

расхождений появилось и Объединение мусульман-боснийцев (шв. BHIRF – Bosnien-Hercegovinas Islamiska riksförbund), основной задачей которого является объединение верующих выходцев-боснийцев, распространение информации об исламе и мусульманах в Швеции [19].

Успешную ассимиляцию беженцев из бывшей Югославии в Швеции можно наблюдать на примере политиков, занимавших высокие государственные должности в стране. Это и бывший депутат Европарламента от либералов Ясенко Селимович (шв. Jasenko Selimović), и самый молодой министр правительства Швеции Аида Хаджиалич (шв. Aida Hadzialić), и бывший депутат парламента от социал-демократов Ясенко Оманович (шв. Jasenko Omanović). Помимо политиков на важных постах несколько боснийских беженцев занимают руководящие должности в ведущих шведских компаниях, таких как Nordea, Ericsson и Volvo, некоторые стали знаменитыми спортсменами [20], например, Златан Ибрагимович (шв. Zlatan Ibrahimović) и деятелями культуры, например, журналистка Негра Эфендич (шв. Negra Efendić) и писатель Зульмир Вечевич (шв. Zulmir Večević).

Исследование, проведенное в университете Линнея в 2016 г. показало, что благодаря принятым мерам более высокая доля боснийцев по сравнению с беженцами из других стран нашла работу в Швеции. В возрастной группе 20–24 лет занятость была практически на том же уровне, что и у местных шведов, а доля занятых в возрасте 25–29 лет была даже немного выше, чем у людей, родившихся в Швеции [21].

Боснийским беженцам было легче интегрироваться в шведское общество в связи со сходством в уровне образования в Югославии, где основное общее образование было обязательным до 15 лет, а учащихся мотивировали в получении среднего образования до 19 лет. Эта система во многом схожа со шведской, где школа обязательна до 16 лет, и большинство учеников затем переходят в старшие классы средней школы [10].

Шведские власти знали о довольно высоком уровне грамотности прибывших боснийцев в то время. В шведском правительственном документе 1993 г. оптимистично отмечается, что интеграция этих людей должна быть облегчена, поскольку речь идет об относительно однородной и хорошо образованной группе [22].

Одной из причин быстрой адаптации в шведском обществе исповедующих ислам боснийцев стал тот факт, что этот народ не является последователем строгих законов и обычаев мусульманской веры, как принято в Арабских странах и на Ближнем Востоке. Босния и Герцеговина в составе Югославии была светским государством, где религия не играла важнейшую роль в системе государственного управления и во всех сферах жизни. Кроме этого, боснийцы внешне не отличаются от среднестатистического европейца, что тоже послужило одним из факторов их довольно простого вливания в шведский социум [17].

Однако не все действия Швеции по выполнению плана приема боснийцев были верными. Система «саморасселения» (шв. *egenbosätning*) приводила к географической концентрации новопривывших в неблагополучных городских районах, уже заселенных по большей части мигрантами [25, p. 21]. Политика распределения беженцев по всей Швеции с целью избежать создания концентрированных групп и, следовательно, инициировать более быстрый процесс интеграции, не учитывала тот факт, что некоторые муниципалитеты больше других страдали от высокой безработицы, последовавшей за финансовым кризисом. Это имело неприятные последствия как для мигрантов, попавших по распределению в эти муниципалитеты, так и для местного населения. В период с 1993 по 1994 г. только 24% из них в возрасте от 20 до 59 лет нашли работу через четыре года [20].

Еще одной ошибкой следует признать слишком долгое время для признания уровня навыков высокообразованных прибывших мигрантов, которым приходилось полтора года проходить специальные адаптивные курсы [20].

Дискуссия

Все вышеперечисленные обстоятельства объясняют положительную динамику интеграции мигрантов из Боснии и Герцеговины в Швеции, проявившуюся в том, что новопривывшие, став полноценными членами шведского общества, приняли шведскую культуру, быт и т. п., не потеряв при этом своей идентичности. Миграционная политика Швеции 1990-х гг. на данном примере доказала возможность решения проблемы интеграции беженцев в общество страны пребывания без социокультурного давления.

Максимальная интеграция в новое общество на всех уровнях часто является целью многих мигрантов. Так, например, биография известного шведского писателя греческого происхождения Теодора Каллифатидеса (шв. Theodor Kallifatides) являет собой пример такой интеграции. Во многих своих произведениях он обращается к опыту миграции, включающему в себя чувство отчужденности и отчаянное желание стать естественной частью шведского общества и культуры, быть принятым местным населением в качестве «своего». Примером может быть его роман «Прошлое – это не сон» (шв. *Det gångna är inte en dröm*, 2010) [23].

Однако, не всегда успешная культурная интеграция, а порой даже и полная ассимиляция, воспринимается самими мигрантами положительно. Так, упоминавшийся ранее писатель Зульмир Бечевич в романе «Дневники Свенхаммеда» (шв. *Svenhammeds journaler*, 2009) [11] обращает внимание читателей на обратную сторону успешной интеграции, а именно на полную потерю культурных корней так называемым «вторым поколением» мигрантов. Сам писатель родился в 1979 г. в Орашье, но в 1992 г. его семья была вынуждена бежать в Швецию, поэтому неудивительно, что, как и многие другие писатели-мигранты, свое творчество он посвящает исследованию проблем культурной идентичности новоприбывших [24, с. 1439]. Как видно из названия романа, имя главного героя состоит из двух – скандинавского имени Свен и важного, общего для всего мусульманского мира имени Мохаммед: родители сознательно пошли на этот шаг, желая объединить две культуры и считая Швецию вторым домом, где можно спокойно и в безопасности растить детей. О происхождении родителей Свенхаммеда читателю ничего неизвестно, кроме того, что они прибыли из одной из мусульманских стран. В Швеции они остаются «на обочине» общества: отец содержит лавку, где продает фрукты и овощи, мать не имеет никакого занятия, помимо приготовления пищи на всю семью, оба не владеют шведским языком в должной степени. Сын должен был стать «связующим звеном», неким «мостом» между ними и Швецией, взяв лучшее от двух культур, однако этого не происходит: как он сам признается на страницах своего дневника, он не принадлежит ни к одной из культур: «Первое: Я родился в Швеции, но я не швед. Второе: Я знаю шведский лучше, чем шведы, но я не швед. Третье: Шведский, вообще-то,

единственный язык, который я знаю, но я все равно не швед» (шв. «Ett: Jag är född i Sverige, men jag är inte svensk. Två: Jag kan svenska bättre än svenskarna, men jag är inte svensk. Tre: Svenska är faktiskt det enda språk jag kan, men jag är ändå inte svensk.») [11, p. 6]. Более того, в своем желании вырастить шведа, родители не научили его говорить на родном для них языке, при этом сам подросток воспринимает это весьма болезненно: «Я так никогда и не получил возможности изучать мой родной язык. Я никогда им этого не прощу» (шв. «Jag fick aldrig möjligheten att lära mig hemspråket. Jag kommer aldrig förlåta dem för det») [11, p. 15]. Свенхаммед, выросший в культурном вакууме, не имеет фундамента, на котором мог бы выстроить самоидентичность, чувствует свою неполноценность и стыдится ее: «...у меня нет никаких корней... у меня нет другого родного языка... я говорю только по-шведски, – ответил я, и по какой-то причине, я не знаю, почему, я почувствовал, как стыд пронизывает все мое тело» (шв. «...jag har inga rötter... jag har inget modersmål... jag kan bara svenska», svarade jag, och av nån anledning, jag vet inte varför, kände jag skammen genomsyra min kropp») [11, p. 42]. Примечательно, что автор не раскрывает, из какой страны прибыли родители Свенхаммеда – из Боснии и Герцеговины или другой мусульманской страны. Проблема является, по мнению писателя, универсальной для всех мигрантов: в погоне за лучшей жизнью для своих детей, родители лишают их какой-либо культурной принадлежности вообще. Вероятно, наблюдая за интеграцией бывших соотечественников и, возможно, своей собственной, автор предупреждает о возможных последствиях попыток полностью ассимилироваться в новом обществе.

Заключение

Подводя итог, можно отметить, что в период распада Югославии в правовых нормах европейских стран существовали различия по дальнейшей судьбе мигрантов. У большинства государств Европы, принимающих беженцев-жертв Балканской войны, был определенный сценарий действий. Они не планировали изначально принимать боснийцев на постоянной основе и не предпринимали никаких усилий по интеграции беженцев в свои страны, репатриировав большинство мигрантов из Боснии и Герцеговины после Дейтонского соглашения. Швеция с первых дней

вела дружественную политику по отношению к прибывшим из Югославии иммигрантам.

Пример интеграции боснийских беженцев и их быстрой адаптации к жизни в Швеции можно признать положительным. Уже второе поколение полностью интегрировалось в шведское общество, считается полноправной и, в целом, благополучной частью общества, сохранив при этом свою идентичность и культуру. Этому способствовало несколько благоприятных факторов: продуманная политика властей Швеции и заинтересованность в интеграции переселенцев, вынужденных бежать от войны.

К ошибкам можно отнести не всегда взвешенный подход к расселению боснийских мигрантов, создание концентрированных групп в неблагополучных районах шведских городов, длительную переквалификацию высокообразованных кадров.

Швеция благодаря политике «открытых дверей» и сейчас является европейской страной, привлекательной для миграции, поэтому исследование процесса интеграции боснийцев очень важно с точки зрения современных реалий. Несмотря на то, что было допущено много ошибок, данный опыт нужно изучать, анализировать и прорабатывать, так как рост числа мигрантов в мире создает огромное количество проблем как для беженцев, так и для принимающих стран, препятствует их экономическому развитию и приводит к политической, социальной и экономической нестабильности [26, р. 6–7].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Statistics on migration to Europe. Overall Figures of Immigrants in European Society. 01.01.2022. *European Commission*. Available at: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/promoting-our-european-way-life/statistics-migration-europe_en#:~:text=In%202021%2C%20asylum%20seekers%20came,than%20in%202019%2C%20before%20COVID (accessed: 03.02.2023).
2. Нарочницкая Е.А. «Кризис беженцев» и иммиграционный вопрос в Европе // Актуальные проблемы Европы. 2016. №4. С. 20–37.
3. Кириллова А.И. Ассимилированность мигрантов (типологический подход) // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2010. Т. 10. Вып. 4. С. 205–211.
4. Hageboutros, J. The Bosnian Refugee Crisis. A Comparative Study of German and Austrian Reactions and Responses. *Swarthmore International Relations Journal*. 2016. Iss. 1. P. 50–60. DOI: 10.24968/2574-0113.1.12.

5. Barslund, M., Busse, M., Lenaerts, K., Ludolph, L., Renman, V. Integration of Refugees: Lessons from Bosnians in Five EU Countries. *Intereconomics. Review of European Economic Policy*. 2017. Vol. 52. № 5. P. 257–263. Available at: [file:///D:/Downloads/integration-of-refugees-lessons-from-bosnians-in-five-eu-countries%20\(4\).pdf](file:///D:/Downloads/integration-of-refugees-lessons-from-bosnians-in-five-eu-countries%20(4).pdf) (accessed: 20.01.2023).
6. Olovsson, D. Return Migration from Sweden to Bosnia and Herzegovina. A Study of the Refugees Who Arrived to Sweden in 1993 and 1994. Växjö University. School of Management and Economics, 2007. 44 p.
7. Religionsfrihetslag (1951:680). Sveriges Riksdag. Available at: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/religionsfrihetslag-1951680_sfs-1951-680 (accessed: 20.01.2023).
8. Regeringens skrivelse 1997/98:23. Sveriges Riksdag. Available at: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/skrivelse/invandrings--och-flyktingpolitiken_GL0323/html (accessed: 16.01.2023).
9. Migrationsverket. Available at: <https://www.migrationsverket.se/> (accessed: 21.01.2023).
10. Skolverket. Available at: <https://www.skolverket.se/> (accessed: 19.01.2023).
11. Bečević, Z. Svenhammends journaler. Stockholm: Alfabetabokförlag, 2009. 186 p.
12. Hellstam, D. Sverige på svenska. Lund: Folkuniversitetets förlag, 2000. 264 p.
13. Бутенко В. Миграционная политика Швеции: до и после 2015 года // Миграционные мосты в Евразии: новые подходы к формированию миграционной политики в интересах устойчивого развития: Материалы XI Международного научно-практического форума, (Москва, 5–6 декабря 2019 г.) / Под. Ред. С.В. Рязанцева, М.Н. Храмовой. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2020. С. 28–34.
14. Emilsson, H. Continuity or Change? The Refugee Crisis and the End of Swedish exceptionalism. *MIM Working Papers Series*. 2018. № 18(3). 22 p.
15. Анникова В.А., Радусинович М. Этнические конфликты на территории бывшей Югославии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2015. Т. 15. № 4. С. 94–102.
16. Saeed, A. Lessons learned from the Bosnian Conflict. James Madison University. 2014. 51 p.
17. Веретевская А.В. Мусульмане в Швеции: обострение интеграционного кризиса 12.09.2013 // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторических перспектив, интернет-портал «Перспективы». [эл. доступ]. URL: https://www.perspektivy.info/book/musulmane_v_shvecii_obostrenije_integracionnogo_krizisa_2013-09-12.htm (дата обращения: 12.01.2023).
18. Förenade Islamiska Föreningar i Sverige. Available at: <https://fifs.se/> (accessed: 17.01.2023).
19. Bosnien-Hercegovinas Islamiska riksförbund. Available at: <https://izb.se/o-nama/> (accessed: 17.01.2023).
20. Roden, L. What Lessons Can Sweden Learn from its Yugoslavian Refugees. 18.09.2017. *The Local*. Available at: <https://www.thelocal.se/20170918/what-lessons-can-sweden-learn-from-its-yugoslavian-refugees/> (accessed: 17.01.2023).
21. Efendić N. Bosniers integration sticker ut – gåta för forskare. 14.09.2016. *Svenska Dagbladet*. Available at: <https://www.svd.se/a/JXqM8/bosniers-integration-sticker-ut-gata-for-forskare> (accessed: 15.01.2023).

22. Ekenberg, K. Bosnier bäst på Svenssonliv 17.08.2008. *Arbetarbladet*. Available at: <https://www.arbetarbladet.se/2008-08-17/bosnier-bast-pa-svenssonliv> (accessed: 10.01.2023).
23. Kallifatides, T. *Det gångna är inte en dröm*. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 2010. 233 p.
24. Моркина М.А. Фигура Матери в современной шведской литературе о мигрантах как фактор формирования культурной идентичности. // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2021. Том 14. Вып. 5. С. 1435–1441.
25. Brochmann, G., Hagelund, A. Migrants in the Scandinavian Welfare State: The emergence of a social policy problem. *Nordic Journal of Migration Research*. 2011. Vol. 1. Iss. 1. P. 13–24. DOI: 10.2478/v10202-011-0003-3.
26. Zegarac, J. *Becoming integrated – pathways and navigation within a Swedish municipality. A case study about Bosnians integration processes in Värnamo*. University of Göteborg, Department of Social Work, 2015. 66 p.

REFERENCES

1. Statistics on migration to Europe. Overall Figures of Immigrants in European Society. 01.01.2022. *European Commission*. Available at: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/promoting-our-european-way-life/statistics-migration-europe_en#:~:text=In%202021%2C%20asylum%20seekers%20came,than%20in%202019%2C%20before%20COVID (accessed: 03.02.2023).
2. Narohnitskaya Ye.A. Krizis bezhentsev i immigratsionnyy vopros v Yevrope [The Refugee Crisis and the Immigration Issue in Europe]. *Aktualnyye problemy Yevropy*. 2016. №4. P. 20–37. (In Russ.).
3. Kirillova A.I. Assimilirovannost migrantov (tipologicheskiy podkhod) [Assimilation of Migrants (Typological Approach)]. *Vestnik NGU. Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki*. 2010. T. 10. № 4. P. 205–211. (In Russ.).
4. Hageboutros, J. The Bosnian Refugee Crisis. A Comparative Study of German and Austrian Reactions and Responses. *Swarthmore International Relations Journal*. 2016. Iss. 1. P. 50–60. DOI: 10.24968/2574-0113.1.12.
5. Barslund, M., Busse, M., Lenaerts, K., Ludolph, L., Renman, V. Integration of Refugees: Lessons from Bosnians in Five EU Countries. *Intereconomics. Review of European Economic Policy*. 2017. Vol. 52. № 5. P. 257–263. Available at: [file:///D:/Downloads/integration-of-refugees-lessons-from-bosnians-in-five-eu-countries%20\(4\).pdf](file:///D:/Downloads/integration-of-refugees-lessons-from-bosnians-in-five-eu-countries%20(4).pdf) (accessed: 20.01.2023).
6. Olovsson, D. *Return Migration from Sweden to Bosnia and Herzegovina. A Study of the Refugees Who Arrived to Sweden in 1993 and 1994*. Växjö University. School of Management and Economics, 2007. 44 p.
7. Religionsfrihetslag (1951:680) [Freedom of Religion Act (1951:680)]. *Sveriges Riksdag*. Available at: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/religionsfrihetslag-1951680_sfs-1951-680 (accessed: 20.01.2023). (In Swed.).
8. Regeringens skrivelse (1997/98:23) [The Government's Letter (1997/98:23)]. *Sveriges Riksdag*. Available at: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/skrivelse/invandrings--och-flyktingpolitiken_GL0323/html (accessed: 16.01.2023). (In Swed.).

9. Migrationsverket [The Swedish Migration Agency]. Available at: <https://www.migrationsverket.se/> (accessed: 21.01.2023). (In Swed.).
10. Skolverket [The Swedish National Agency for Education]. Available at: <https://www.skolverket.se/> (accessed: 19.01.2023). (In Swed.).
11. Bečević Z. Svenhammends journaler [Svenhammed's Diaries]. Stockholm: Alfabeta Bokförlag, 2009. 186 p. (In Swed.).
12. Hellstam D. Sverige på svenska [Sweden in Swedish]. Lund: Folkuniversitetets förlag, 2000. 264 p. (In Swed.).
13. Butenko V. Migratsionnaya politika Shvetsii: do i posle 2015 goda [Migration Policy in Sweden: Before and After 2015]. *Migratsionnye mosty v Evrazii: novye podhody k formirovaniyu migratsionnoj politiki v interesah ustojchivogo razvitija*: Materialy XI Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma, (Moskva, 5–6 dekabrja 2019 g.). Pod. Red. S.V. Rjazanceva, M.N. Hramovoj. M.: Izd-vo «Jekon-Inform», 2020. P. 28–34. (in Russ.).
14. Emilsson, H. Continuity or Change? The Refugee Crisis and the End of Swedish exceptionalism. *MIM Working Papers Series*. 2018. № 18(3). 22 p.
15. Annikova V. A., Radusinovich M. Etnicheskiye konflikty na territorii byvshey Yugoslavii [Ethnic Conflicts in the Territory of the Former Yugoslavia]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov*. 2015. T. 15. № 4. P. 94–102. (in Russ.).
16. Saeed, A. Lessons learned from the Bosnian Conflict. James Madison University. 2014. 51 p.
17. Veretevsckaya A.V. Musulmane v Shvetsii: obostreniye integratsionnogo krizisa [Muslims in Sweden: the Aggravation of the Integration Crisis]. 12.09.2013. *Setevoye izdaniye Tsentra issledovaniy i analitiki Fonda istoricheskikh perspektiv*, internet-portal «Perspektivy». [el. dostup]. URL: https://www.perspektivy.info/book/musulmane_v_shvecii_obostreniye_integratsionnogo_krizisa_2013-09-12.htm (data obrashcheniya: 12.01.2023). (In Russ.).
18. Förenade Islamiska Föreningar i Sverige [United Islamic Associations in Sweden]. Available at: <https://fifs.se/> (accessed: 17.01.2023). (In Swed.).
19. Bosnien-Hercegovinas Islamiska riksförbund [Islamic Association of Bosnia and Herzegovina in Sweden]. Available at: <https://izb.se/o-nama/> (accessed: 17.01.2023). (In Swed.).
20. Roden, L. What Lessons Can Sweden Learn from its Yugoslavian Refugees. 18.09.2017. *The Local*. Available at: <https://www.thelocal.se/20170918/what-lessons-can-sweden-learn-from-its-yugoslavian-refugees/> (accessed: 17.01.2023).
21. Efendić N. Bosniers integration sticker ut – gåta för forskare [Bosnians' integration stands out – puzzle for researchers]. 14.09.2016. *Svenska Dagbladet*. Available at: <https://www.svd.se/a/JXqM8/bosniers-integration-sticker-ut-gata-for-forskare> (accessed: 15.01.2023). (In Swed.).
22. Ekenberg K. Bosnier bäst på Svenssonliv [Bosnian Best at Svenssonliv]. 17.08.2008. *Arbetsblad*. Available at: <https://www.arbetsblad.se/2008-08-17/bosnier-bast-pa-svenssonliv> (accessed: 10.01.2023). (In Swed.).
23. Kallifatides T. Det gångna är inte en dröm [The Past is not a Dream]. Stockholm: Albert Bonniers Förlag, 2010. 233 p. (In Swed.).
24. Morkina M. A. Figura Materi v sovremennoy shvedskoy literature o migrantakh kak faktor formirovaniya kulturnoy identichnosti [Mother Figure in the Modern Swedish

Literature about Migrants as Factor of Cultural Identity Formation]. *Philology. Theory & Practice*. 2021. Vol. 14. Iss. 5. P. 1435-1441. (In Russ.).

25. Brochmann, G., Hagelund, A. Migrants in the Scandinavian Welfare State: The emergence of a social policy problem. *Nordic Journal of Migration Research*. 2011. Vol. 1. Iss. 1. P. 13–24. DOI: 10.2478/v10202-011-0003-3.

26. Zegarac, J. Becoming integrated – pathways and navigation within a Swedish municipality. A case study about Bosnians integration processes in Värnamo. University of Göteborg, Department of Social Work, 2015. 66 p.

Сведения об авторах / Information about authors

Иванов Павел Сергеевич – магистрант Высшей школы международных отношений. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: ivanov2.ps@edu.spbstu.ru; ORCID: 0009-0003-6081-644X

Моркина Марта Александровна – старший преподаватель Высшей школы международных отношений. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: morkina_ma@spbstu.ru; ORCID: 0000-0002-8253-3374

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Ivanov Pavel S. – master student of the Higher School of International Relations. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: ivanov2.ps@edu.spbstu.ru; ORCID: 0009-0003-6081-644X

Morkina Marta A. – senior lecturer of the Higher School of International Relations, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: morkina_ma@spbstu.ru; ORCID: 0000-0002-8253-3374

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.02.2023. Одобрена после рецензирования 09.03.2023. Принята 01.04.2023.
Received 19.02.2023. Approved after reviewing 09.03.2023. Accepted 01.04.2023.*

научная статья
УДК 304.2
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.6

Причины межкультурных конфликтов и адаптация иммигрантов в Швеции

Вологина Наталья Владимировна
Белорусско-Российский университет, Могилев, Республика Беларусь
nvshel@mail.ru

Погодин Сергей Николаевич ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ pogodin_sn@spbstu.ru

***Аннотация.** Особенности иммиграции в Швеции заключаются в том, что иммигранты в основном ориентированы на удовлетворение потребностей рынка труда страны. Постепенно Швеция превратилась из страны однородной нации в мультикультурную страну. Социальная неоднородность в Швеции приводит не только к возникновению конфликтов на национальной почве, но провоцирует ситуации, вызванные «новой бедностью», что связано с ухудшением социально-экономического положения иммигрантов. Национальный вопрос напрямую связан с социальным, провоцируя конфликтные ситуации в шведском обществе. Многие вопросы остаются спорными и требуют дальнейшего развития органами власти. Дебаты по миграционным вопросам выявили, что проблема мультикультурализма многоплановая. Конец XX столетия был обусловлен новым подходом к миграционной политике. Главное внимание было обращено на существующую сегрегацию в таких областях как образование, занятость, жилищная политика, и в целом на борьбу с дискриминацией иммигрантов. Решение этих проблем власти видели в стимулировании самостоятельной активности иммигрантов и вовлечении их в социальную жизнь шведского общества. Сложившаяся ситуация в Швеции стала серьезным вызовом своему благополучию, обычному образу жизни, традиционному образу жизни, гражданскому и национальному достоинству. Выработка ответов на создавшиеся вызовы проходит с максимальной тщательностью, при активном участии общественного мнения. Государство, общество в целом и отдельные граждане определяют свою деятельность на принципах взаимного уважения, а возникающие проблемы решаются на основе компромиссов. Все это способствует социальным трансформациям с менее болезненными последствиями.*

Ключевые слова: шведское общество; иммиграция; иммиграционные процессы; иммиграционная политика; адаптация мигрантов; межкультурный конфликт

Для цитирования: Вологина Н.В., Погодин С.Н. Причины межкультурных конфликтов и адаптация иммигрантов в Швеции // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 2. С. 84–96. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.6

© Вологина Н.В., Погодин С.Н., 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 304.2

DOI: 10.48612/RG/RGW.26.2.6

Causes of Intercultural Conflicts and Adaptation Immigrants in Sweden

Natalia V. Vologina

Belarusian-Russian University, Mogilev, Republic of Belarus
nvshel@mail.ru

Sergey N. Pogodin ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ pogodin_sn@spbstu.ru

Abstract. *The peculiarities of immigration in Sweden are that immigrants are mainly focused on meeting the needs of the country's labor market. Gradually, Sweden turned from a country of a homogeneous nation into a multicultural country. Social heterogeneity in the country leads not only to the emergence of conflicts on national grounds, but also provokes conflicts caused by "new poverty", which is associated with the deterioration of the socio-economic situation of immigrants. The national issue is directly related to the social one, provoking conflict situations in Swedish society. Many issues remain controversial and require further development by the authorities. The debate on migration issues revealed that the problem of multiculturalism is multifaceted. The end of the twentieth century was due to new approaches in migration policy. The main attention was paid to the existing segregation in such areas as education, employment, housing policy and, in general, the fight against discrimination against immigrants. The authorities saw the solution to these problems in stimulating the independent activity of immigrants and involving them in the social life of Swedish society. The current situation in Sweden has become a serious challenge to their well-being, normal lifestyle, traditional traditions, civic and national dignity. The development of responses to the challenges that have arisen takes place with the utmost care, with the active participation of public opinion. The State, society as a whole and individual citizen determine their activities on the principles of mutual respect, and emerging problems are solved on the basis of compromises. All this contributes to social transformations with less painful consequences.*

Keywords: Swedish society; immigration; immigration processes; immigration policy; adaptation of migrants; intercultural conflict

For citation: Vologina, N.V., Pogodin, S.N. Causes of Intercultural Conflicts and Adaptation Immigrants in Sweden. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 1. P. 84–96. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.6

© Vologina, N.V., Pogodin, S.N., 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Как и многие развитые страны, Швеция после окончания Второй мировой войны постепенно превратилась в страну с низким уровнем

рождаемости. В первые послевоенные годы рождаемость в стране была на высоком уровне. Однако в конце XX века наблюдалось большое снижение рождаемости. Постепенно Швеция превращалась в страну с низким приростом населения [1]. Такая неблагоприятная демографическая ситуация в обозримом будущем может вызвать значительные экономические проблемы, которые приведут к нехватке рабочих рук, особенно это скажется в общественном секторе, в частности медицинском обслуживании, сфере образования и многих других социальных услуг.

В последние годы в отечественной литературе были опубликованы работы, посвященные проблемам адаптации иммигрантов в Швеции. Общие вопросы миграционной политики в странах Северной Европы и в частности шведский опыт получили освещение в работе А.М. Волкова [2]. А.С. Погодина [3] рассматривала процессы социальной адаптации мигрантов. Проблемы мультикультурализма в Швеции освещаются в работе М.В. Ключниковой [4], И.В. Гришин [5] исследовал процесс интеграции иммигрантов в шведское общество.

Данное исследование анализирует работы шведских и российских авторов, посвященные проблемам адаптации иммигрантов. В научный оборот введены малоизвестные статистические данные по участию иммигрантов в этнических конфликтах в Швеции.

Постановка проблемы и материалы

Отличительной чертой иммиграции в Швеции, в отличие от иммиграции в других промышленно развитых странах, является то, что иммигранты ориентированы на решение потребностей рынка труда страны. Однако большая часть шведских компаний испытывает все больше затруднений с нехваткой квалифицированной рабочей силы. Особенно это проявляется в машиностроении, сварочном производстве, в технологических отраслях производства, здравоохранении. Эта нехватка проявляется за пределами промышленных центров Швеции.

Иммигранты, прибывающие в Швецию, в большей своей составляющей частью не являются высококвалифицированными работниками, что создает определенные трудности в проблемах их занятости в стране. В этой ситуации остро стоит вопрос вовлечения иммигрантов в социокультурную составляющую шведского общества.

Высокий уровень иммиграции постепенно превратил однородную шведскую нацию в мультикультурную страну. Подобная ситуация может стать большой политико-экономической проблемой. Не исключены межэтнические конфликты на национальной почве, а также велика вероятность появления так называемой «новой бедности». Она связана с резким ухудшением социально-экономического положения иммигрантов. Таким образом национальный вопрос переходит в социальный, создавая конфликтные ситуации в шведском обществе.

Швеция проводит интеграционную политику в отношении мигрантов с 1975 года. С тех пор данная политика претерпела немало изменений, но до сих пор существуют секторы, неохваченные реформой. Многие вопросы остаются спорными и требуют решения органами власти. Дебаты [2, с. 109–110] по стратегически важным миграционным вопросам определялись не только опасениями возникновения конфликтных ситуаций, но и тем, что сама проблема мультикультурализма вызывает неопределенность и многозначность теоретических построений и конкретных политических решений.

Однако согласно духу политической культуры страны, реформы проводились после тщательной исследовательской работы, в которой принимали участие все заинтересованные стороны: представители профсоюзов, предпринимательского корпуса, иммигрантских организации, государственной власти, ученые. Работа некоторых исследовательских комитетов длилась годами, решения рассылались на обсуждение и затем вновь ложились на стол для рассмотрения. Это была обычная практика принятия решений, достижения компромисса.

С 1990-х годов была предпринята новая разработка критериев для иммиграционной политики в Швеции. Она получила название «политики интеграции». В центре внимания оказались вопросы, связанные с большим распространением сегрегации в занятости, получением жилья, образования среди иммигрантов. Они вызвали большую дискуссию, не только связанную с дискриминацией и неравенством иммигрантов, а также с разобщенностью шведского общества, но и стремлением к сокращению государственных расходов на поддержку иммигрантов.

Шведские власти выступали за стимулирование самостоятельности иммигрантов, их активное участие в социальной жизни шведского

общества [6]. Главным направлением этой политики стало «обеспечение занятостью иммигрантов, путем создания новых рабочих мест или переквалификация их на другие наиболее востребованные профессии» [6, с. 88]. Социальная политика предусматривает предоставление широких политических прав иммигрантам, активное их привлечение к работе органов местного самоуправления. Все эти действия должны были стимулировать электоральное участие иммигрантов в политической жизни стран. Таким образом была поставлена задача распространения механизмов, характерных для шведской модели политической жизни, на все иммигрантское сообщество.

Выбранная политика привела к тому, что иммигранты стали составной частью общества в Швеции. Значительную роль в координации политики в отношении иммигрантов стали играть религиозные организации [7]. Среди них стоит выделить Шведскую лютеранскую церковь. Приток иммигрантов из многих стран мира изменил религиозную жизнь Швеции. Из лютеранской моногамной страны Швеция постепенно стала двигаться в сторону религиозного плюрализма. Это привело к тому, что во многих регионах страны роль Шведской лютеранской церкви стала постепенно снижаться, что привело к поиску новых форм работы с иммигрантами в условиях мультикультурного общества [8].

Многие шведские политики сильно обеспокоены наличием в стране отдельных элементов исламского экстремизма. Некоторые из них выступали с очень воинственными заявлениями по отношению ко всем представителям исламского сообщества проживающих в Швеции. Йимми Окессон (Per Jimmie Åkesson, с 2005 г. председатель партии Шведские демократы), опубликовал осенью 2009 г. в ведущей газете страны статью «Мусульмане являются нашей величайшей иностранной угрозой» [9]: «Как шведский демократ, я считаю ислам самой большой внешней угрозой для нас со времен Второй мировой войны, и обещаю использовать все свои силы для изменения нынешнего курса во время выборов в следующем году» [10].

Примером острых дискуссий по вопросам мультикультурного общества стало обсуждение в Швеции запрета на ношение паранджи и других внешних аксессуаров исламского костюма [11]. В январе 2010 года в стране были проведены общенациональные дебаты [13]. В этих дебатах

приняли участие: лидер Социал-демократической рабочей партии Швеции Мона Салин и Премьер-министр Швеции Фредерик Рейнфельдт. Лидер СДРПШ¹ категорически отвергла принятие закона о запрете ношения паранджи. Премьер-министр высказался более осторожно. Но на следующий день Фредерик Рейнфельдт назвал закон «контрпродуктивным». Далее он высказался о необходимости проведения публичных обсуждений, которые бы затрагивали более обширный спектр проблем: «Прежде всего, важно, чтобы молодые девушки, которые переехали сюда или родились в семьях иммигрантов, услышали из уст первых лиц государства, формирующих общественное мнение, заявления о том, что мы верим в нашу собственную концепцию свободы, которая также включает и их» [10].

Среди коренного населения Швеции существенно возросло недовольство сложившейся ситуацией в сфере миграционной политики, значительно возросло негативное отношение по отношению к исламским общинам [12]. Этим активно пользуются различные крайне правые политические силы и исламофобные организации. Например, остроту мультикультурного конфликта в Швеции подчеркнуло убийство Александры Мезхер, 22-летней работницы центра по приему беженцев, произошедшее 25 января 2016 года [14]. Центр, где была зарезана девушка, находится недалеко от Гетеборга и занимается размещением несовершеннолетних лиц, ищущих убежища и прибывших в Швецию без взрослых опекунов. Злоумышленник был первоначально идентифицирован как 15-летний мужчина из Сомали, но позже его возраст был определен как минимум 18 лет [15].

Премьер-министр Швеции, Стефан Лёвен, прокомментировал этот инцидент на Радио Швеции следующим образом: «В Швеции довольно много людей сильно обеспокоены тем, что такие случаи будут повторяться все чаще, поскольку Швеция принимает так много детей и молодых людей, приезжающих без сопровождения взрослых» [15]. Данное нападение привлекло общественное внимание к проблеме перенаселенности в центрах для просителей убежища в Швеции, а также возможности

---

¹ СДРПШ – Социал-демократическая рабочая партия Швеции.

взрослых иммигрантов злоупотреблять шведским законодательством, регистрируясь обманным путем в качестве несовершеннолетних.

За смертью Александры Мезхер последовало заметное увеличение масштабов насилия в отношении иммигрантов в среде крайне правых шведских активистов. Убийство девушки иногда рассматривается как причинный фактор в успехе анти-иммиграционных групп, например, Солдат Одина.

Солдаты Одина – это международная анти-иммигрантская организация, возникшая в октябре 2015 года в Финляндии. Организация была создана в ответ на европейский миграционный кризис, приведший к большому притоку беженцев [16].

Их главная цель состоит не только в том, чтобы защитить людей, особенно женщин, от преступников в лице иммигрантов, но и помочь всем, независимо от их этнического происхождения. Активисты утверждают, что в их состав входит около 600 членов, разбитых на 25 групп по всей Финляндии, Швеции, Норвегии, Польши, Германии, Эстонии, Венгрии, а также в Великобритании и Соединенных Штатах. Солдаты Одина начали патрулировать улицы в нескольких городах и населенных пунктах Швеции с марта 2016 г. [17].

Шведские власти не всегда реально могут держать под контролем сложную ситуацию в межэтнических и межконфессиональных отношениях. Примером тому может служить ситуация в третьем по величине городе Швеции – Мальме. Население города около 350 тыс. человек. В настоящее время в городе наблюдается невидимое противостояние между властями города и радикально настроенной частью исламского сообщества. Бурное развитие города началось после возведения моста между Швецией и Данией, соединившего Мальме с Копенгагеном. Сегодня в городе проживает около 50 тысяч человек, которые относят себя к исламской общине.

В 1984 г. в Мальме была возведена соборная мечеть, она стала первой мечетью в Скандинавии [18]. На прилегающей к мечети территории были построены библиотека, медресе, в целом составившие Исламский центр.

Начиная с 2003 г., была зарегистрирована серия поджогов Исламского центра, во время одного он полностью сгорел. В 2014 г. в Швеции была совершена серия поджогов мечетей [19]. Усилиями

руководства Исламского центра, он в кратчайшие сроки был восстановлен и стал доступен для всех желающих. Бейзат Бекиров, выходец из Македонии, руководитель Исламского центра, в своих выступлениях отмечает, что центр приглашает к открытому сотрудничеству всех желающих [18]. Подтверждением этих слов является эмблема Исламского центра – она состоит из пяти переплетенных символов ведущих мировых религий.

К сожалению, имеет место много негативных случаев, вызванных действиями представителей мусульманской диаспоры. В декабре 2008 г. в Мальме в течение нескольких дней проходили массовые беспорядки. Они были вызваны действиями исламской молодежи в знак протеста на отказ Совета города Мальмы продлить аренду подвального помещения, которое использовалось Исламским культурным обществом в течение шестнадцати лет в качестве мечети.

На это здание регулярно совершались нападения. Самым впечатляющим было нападение под новый 2010 г. В окно было выпущено несколько пуль. Только по чистой случайности никто не пострадал [20].

Все эти действия, как со стороны иммигрантов, так и со стороны радикально настроенных шведов приводят к обострению межнациональных отношений. В складывающейся ситуации постепенно нарастает недовольство коренных шведов существующей системой социальной помощи мигрантам. По шведскому законодательству данная система одинаково обеспечивает все население Швеции. Складывается следующая картина: многодетная семья иммигрантов получает такие же пособия, как и коренные шведы. Но при этом коренное население платит высокие налоги, в отличие от иммигрантов. Все это содействует распространению национализма и ксенофобии.

Складывающаяся ситуация создает условия, при которых работы первыми лишаются иммигранты. В этих условиях около миллиона иммигрантов, являющихся шведскими гражданами, испытывают на себе дискриминационные последствия. В своих национальных общинах иммигранты становятся полностью изолированными и лишаются полной интеграции в шведское общество.

Второе поколение иммигрантов существенно отличается от своих родителей. Особенно остро эти межкультурные противоречия проявляются у детей иммигрантов. Они оказываются в ситуации, при которой

вынуждены лавировать между традиционализмом своей семьи и культурой страны пребывания. С малых лет они сталкиваются со шведскими нормами поведения, подчиниться которым были вынуждены. Они впитывают в себя иное, непривычное и часто неприемлемое для ближайших родственников миропонимание.

Такая ситуация приводит к тому, что молодые иммигранты второго поколения теряют свои естественные связи со своей исторической родиной: языком, традициями, культурой. В то же время они не могут до конца влиться в культурное пространство, и в полной мере придерживаться традиций шведского общества. Возникает конфликт поколений и конфликт этнического самоопределения, на которые нередко накладывается острая социальная проблема растущей безработицы у иммигрантов, с худшим, чем у коренного населения, материальным положением.

Проблемы, постепенно нараставшие в иммиграционной политике с конца 70-х годов XX века, естественно, привлекли внимание властей, пытавшихся осознать, где корни ошибок, допущенных политиками в этой области, что привело к делению шведского общества на «мы» и «они» – феномена, не допустить который и были призваны принимаемые ими программы. Шведский опыт свидетельствует, что проблема иммиграции не может оставаться вне внимания общества и государства. Но даже изоциренная иммиграционная политика государства и практическая дееспособность гражданского общества не гарантируют успешной гармонизации интересов и отношений между коренным и иммигрантским населением.

Иммигранты из мусульманских стран, проживающие в Швеции, стараются жить отдельными анклавами и не стремятся адаптироваться к новым условиям. Закрытость, нежелание иммигрантов идти на контакты с коренным населением Швеции, приводит к негативному отношению к ним. В свою очередь это приводит к возникновению конфликтов, распространению открытого национализма и экстремизма.

Существенную угрозу национальной безопасности Швеции, как и любого другого государства, представляет наиболее опасная форма организованной преступной деятельности – экстремизм, включая его крайнюю форму – терроризм. Понимание происхождения проблемы

терроризма поставило перед шведскими политиками задачу преодоления всех форм национализма и этнической дискриминации.

В настоящее время противодействие экстремизму как идеологии нетерпимости, возбуждения ненависти либо вражды, унижения достоинства человека либо группы лиц стало главным направлением гарантии национальной безопасности Швеции [21].

Заключение

Швеция оказалась в ситуации, когда ее благополучию, гражданскому и национальному достоинству, образу жизни и традициям оказывается противодействие. Решение этих вызовов активно обсуждается на государственном и местном уровне. Активное участие в этом процессе принимают широкие слои шведского общества. Они определяют свою деятельность на взаимном уважении, а решение проблем на основе компромиссов.

Анализ деятельности шведского правительства в отношении иммигрантов позволяет нам сделать следующий вывод: современная социальная политика предоставляет широкие политические права иммигрантам, что в свою очередь привлекает их в работе органов местного самоуправления. Активную роль в адаптации иммигрантов играют религиозные организации. Все это способствует ведению конструктивных переговоров и сохранению традиций «шведской модели», позволяет сберечь ее своеобразие, суть, придать дополнительный импульс, который, в свою очередь, дает возможность принимать взвешенные политические решения в новых условиях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Åke Nilsson. Efterkrigstidens invandring och utvandring. Statistiska centralbyrån 2004. Demografiska Rapporter. 2004:5. Stockholm, 2004. S. 6. Available at: http://www.scb.se/statistik/_publikationer/be0701_1950i02_br_be51st0405.pdf (accessed: 20.01.2022).
2. Волков А.М. Мигранты в странах Северной Европы: шведский опыт // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 4. С. 104–119.
3. Погодина А.С. Социально-адаптационные процессы мигрантов в Швеции // Царскосельские чтения. 2010. № XIV. Т. II. С. 288–292.
4. Ключникова М.В. Швеция: влияние политики мультикультурализма на государство всеобщего благосостояния // Современная Европа. 2014. № 2 (58). С. 54–68.

5. Гришин И.В. Интеграция иммигрантов в Швеции (социально-политический аспект) // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 1. С. 40–56.
6. Лихачев И.В. Скандинавская модель социальной политики в отношении мигрантов (на примере Швеции) // Вестник магистратуры. 2018. № 1–3 (76). С. 88–90.
7. Лукин Р.Н. Церковь и общество в Швеции: современный шведский либерализм и консерватизм // Современная Европа. 2011. № 2 (46). С. 125–138.
8. Чернышева О.В. Добрые самаритяне. Церковь Швеции считает опеку над иммигрантами своим христианским долгом. 10.02.2007 // Независимая Газета – Религии: [сайт]. URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=20777> (дата обращения: 02.11.2022).
9. Åkesson: Muslimerna är vårt största utländska hot. 19 oktober 2002. Aftonbladet Available at: <https://www.aftonbladet.se/debatt/a/VRx8zd/akesson-muslimerna-ar-vart-storsta-utlandska-hot> (accessed: 18.01.2022).
10. Плещунов Ф.О. Ислам в Швеции: кризис интеграционной и миграционной политики. 28 апреля 2010 // Институт Ближнего Востока: [эл. доступ]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=10550> (дата обращения: 08.11.2022).
11. Швеция: Исламский дресс-код охраняется законом. 19.11.2020 // Azan.kz – Исламский информационно-образовательный портал: [сайт]. URL: <https://azan.kz/ahbar/read/shvetsiya-Islamskiy-dress-kod-ohranaetsya-zakonom-12724> (дата обращения: 06.11.2022).
12. Statistics Sweden. Available at <https://www.scb.se/en/> (дата обращения: 06.01.2022).
13. Thurfjell, K., Stensson, C., Nilsson, D. Inget stöd för svenskt burka-förbud. 28.01.2010. Svenska Dagbladet. Available at <https://www.svd.se/a/fb6cc1a7-b288-3c9b-bfdc-555625bcb600/inget-stod-for-svenskt-burka-forbud> (accessed: 10.11.2022).
14. Giertz, E. Alexandra Mezher, 22, mördades på jobbet. 25 jan 2016. Expressen. Available at <https://www.expressen.se/gt/alexandra-mezher-22-mordades-pa-jobbet/> (accessed: 18.11.2022).
15. Sydviik, P. Migrationsverket: Misstänkte Alexandra-mördaren är vuxen. 11.02.2016. Göteborgs Posten. Available at <http://www.gp.se/nyheter/g%C3%B6teborg/migrationsverket-misst%C3%A4nkte-alexandram%C3%B6rdaren-%C3%A4r-vuxen-1.26020> (accessed: 26.11.2022).
16. «Солдаты Одина» хотят защитить финнов от беженцев. 09 октября 2015 // Фонтанка.Ру: [сайт]. URL: <https://www.fontanka.ru/2015/10/09/fin23204/> (дата обращения: 12.11.2022).
17. Röstlund, L., Wiman, E. Soldiers of Odin inifrån. 2016. Aftonbladet. Available at <http://soldiersofodin.story.aftonbladet.se/> (accessed: 18.01.2022).
18. Islamic Center I Malmö, Sweden. Available at <http://www.mosken.se/> (accessed: 19.10.2022).
19. Поджоги мечети в Швеции в 2014 г. // ВикибриФ: [сайт]. URL: https://ru.wikibrief.org/wiki/2014_mosque_arson_attacks_in_Sweden (дата обращения: 28.10.2022).
20. Skottlossning mot moské i Malmö. 31.12.2009. Svenska Dagbladet. Available at <https://www.svd.se/a/8e8022b5-7d3c-34e9-b15c-f3d33759e3b1/skottlossning-mot-moske-i-malmo> (accessed: 15.11.2022).
21. Terrorism och Extremism. Säkerhetspolisen. Available at <https://sakerhetspolisen.se> (accessed: 23.01.2022).

REFERENCES

1. Åke Nilsson. Efterkrigstidens invandring och utvandring [Post-War Immigration and Emigration]. Statistiska centralbyrån 2004. Demografiska Rapporter. 2004:5. Stockholm, 2004. S. 6. Available at http://www.scb.se/statistik/_publikationer/be0701_1950i02_br_be51st0405.pdf (accessed: 20.01.2022). (In Swed.).
2. Volkov A.M. Migranty v stranah Severnoj Evropy: shvedskij opyt [Migrants in the Nordic Countries: the Swedish Experience]. *Vestnik Instituta jekonomiki Rossijskoj akademii nauk*. 2018. № 4. P. 104–119. (In Russ.).
3. Pogodina A.S. Social'no-adaptacionnye processy migrantov v Shvecii [Social Adaptation Processes of Migrants in Sweden]. *Carskosel'skie chtenija*. 2010. № XIV. T. II. P. 288–292. (In Russ.).
4. Kljuchnikova M.V. Shvecija: vlijanie politiki mul'tukul'turalizma na gosudarstvo vseobshhego blagosostojanija [Sweden: The Impact of Multiculturalism Policies on the Welfare State]. *Sovremennaja Evropa*. 2014. № 2 (58). P. 54–68. (In Russ.).
5. Grishin I.V. Integracija immigrantov v Shvecii (social'no-politicheskij aspekt) [Integration of Immigrants in Sweden (Socio-Political Aspect)]. *Juzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk*. 2019. T. 20. № 1. P. 40–56. (In Russ.).
6. Lihachev I.V. Skandinavskaja model' social'noj politiki v otnoshenii migrantov (na primere Shvecii) [Scandinavian Model of Social Policy Towards Migrants (on the Example of Sweden)]. *Vestnik magistratury*. 2018. № 1–3 (76). P. 88–90. (In Russ.).
7. Lukin R.N. Cerkov' i obshhestvo v Shvecii: sovremennyj shvedskij liberalizm i konservatizm) [Church and Society in Sweden: Contemporary Swedish Liberalism and Conservatism]. *Sovremennaja Evropa*. 2011. № 2 (46). P. 125–138. (In Russ.).
8. Chernysheva O.V. Dobrye samaritjane. Cerkov' Shvecii schitaet opeku nad immigrantami svoim hristianskim dolgom [Good Samaritans. The Church of Sweden Considers Guardianship of Immigrants its Christian Duty]. 10.02.2007. *Nezavisimaja Gazeta – Religii*: Available at <https://rusk.ru/st.php?idar=20777> (accessed: 02.11.2022). (In Russ.).
9. Åkesson: Muslimerna är vårt största utländska hot [Åkesson: The Muslims are Our Biggest Foreign Threat]. 19 oktober 2002. *Aftonbladet*. Available at <https://www.aftonbladet.se/debatt/a/VRx8zd/akesson-muslimerna-ar-vart-storsta-utlandska-hot> (accessed: 18.01.2022). (In Swed.).
10. Pleshhunov F.O. Islam v Shvecii: krizis integracionnoj i migracionnoj politiki [Islam in Sweden: the crisis of integration and migration policy]. 28 aprilja 2010. *Institut Blizhnego Vostoka*. Available at <http://www.iimes.ru/?p=10550> (accessed: 08.11.2022). (In Russ.).
11. Shvecija: Islamskij dress-kod ohranjaetsja zakonom [Sweden: Islamic Dress Code Protected by Law]. 19.11.2020. *Azan.kz – Islamskij informacionno-obrazovatel'nyj portal*. Available at <https://azan.kz/ahbar/read/shvetsiya-Islamskij-dress-kod-ohranyaetsya-zakonom-12724> (accessed: 06.11.2022). (In Russ.).
12. Statistics Sweden. Available at <https://www.scb.se/en/> (accessed: 06.01.2022).
13. Thurffjell, K., Stensson, C., Nilsson, D. Inget stöd för svenskt burka-förbud [No Support for Swedish Burqa-Ban]. 28.01.2010. *Svenska Dagbladet*. Available at <https://www.svd.se/a/fb6cc1a7-b288-3c9b-bfdc-555625bcb600/inget-stod-for-svenskt-burka-forbud> (accessed: 10.11.2022). (In Swed.).

14. Giertz, E. Alexandra Mezher, 22, mördades på jobbet [Alexandra Mezher, 22, was Murdered at Work]. 25 jan 2016. *Expressen*. Available at <https://www.expressen.se/gt/alexandra-mezher-22-mordades-pa-jobbet/> (accessed: 18.11.2022). (In Swed.).
15. Sydvik, P. Migrationsverket: Misstänkte Alexandra-mördaren är vuxen [Migration Agency: The Suspected Alexandra Killer is an Adult]. 11.02.2016. *Göteborgs Posten*. Available at <http://www.gp.se/nyheter/g%C3%B6teborg/migrationsverket-misst%C3%A4nkte-alexandram%C3%B6rdaren-%C3%A4r-vuxen-1.26020> (accessed: 26.11.2022). (In Swed.).
16. «Soldaty Odina» hotjat zashhitit' finnov ot bezhencev ["Soldiers of Odin" Want to Protect the Finns from Refugees]. 09 oktjabrja 2015. *Fontanka.Ru*. Available at <https://www.fontanka.ru/2015/10/09/fin23204/> (accessed: 12.11.2022). (In Russ.).
17. Röstlund, L., Wiman, E. Soldiers of Odin inifrån [Soldiers of Odin from Within]. 2016. *Aftonbladet*. Available at <http://soldiersofodin.story.aftonbladet.se/> (accessed: 18.01.2022). (In Swed.).
18. Islamic Center I Malmö, Sweden. Available at <http://www.mosken.se/> (accessed: 19.10.2022).
19. Podzhogi mecheti v Shvecii v 2014 g. [Mosque Burning in Sweden in 2014]. *Wikibrief*. Available at https://ru.wikibrief.org/wiki/2014_mosque_arson_attacks_in_Sweden (accessed: 28.10.2022). (In Russ.).
20. Skottlossning mot moské i Malmö [Shooting at Mosque in Malmö]. 31.12.2009. *Svenska Dagbladet*. Available at <https://www.svd.se/a/8e8022b5-7d3c-34e9-b15c-f3d33759e3b1/skottlossning-mot-moske-i-malmo> (accessed: 15.11.2022). (In Swed.).
21. Terrorism och Extremism [Terrorism and Extremism]. Säkerhetspolisen. Available at <https://sakerhetspolisen.se> (accessed: 23.01.2022).

Сведения об авторах / Information about authors

Вологина Наталья Владимировна – доцент, кандидат политических наук, проректор по учебной работе. Белорусско-Российский университет.

E-mail: nvshel@mail.ru

Погодин Сергей Николаевич – профессор, доктор исторических наук, директор Высшей школы международных отношений. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: pogodin_sn@spbstu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Vologina Natalia V. – Candidate of Sciences in Politics, Associated Professor, vice-rector for academic work. Belarusian-Russian University.

E-mail: nvshel@mail.ru

Pogodin Sergey N. – Professor, Doctor of History, Director of the Higher School of International Relations. Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University.

E-mail: pogodin_sn@spbstu.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.01.2023. Одобрена после рецензирования 24.05.2023. Принята 24.05.2023.
Received 19.01.2023. Approved after reviewing 24.05.2023. Accepted 24.05.2023.*

научная статья
УДК: 325
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.7

Релокация как социально-экономический и правовой институт

Белослудцев Александр Николаевич
Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия
belosludcev@ak-magnat.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4778-4346>

Дзюба Елена Вячеславовна
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
 elenacz@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3833-516X>

***Аннотация.** Ставится проблема формирования социально-экономического и правового института релокации в современной России. В ходе исследования были получены следующие результаты: зафиксирована динамика употребления единицы «релокация» в русскоязычном дискурсе (прежде всего – научном) с 1990-х гг. по настоящее время. Выделены области научного знания, в которых упоминается общенаучный термин «релокация» в его первичном значении («перемещение»), при полном отсутствии единицы в лингвистических и специальных русскоязычных словарях, опубликованных до 2022 г.; отмечено широкое употребление единицы в правоприменительной практике. Установлено, что с 2011 до 2022 гг. употребление слова «релокация» стремительно растет в научных публикациях, нормативно-правовых и правоприменительных актах, что свидетельствует о полномасштабном вхождении единицы в русскоязычный дискурс. При этом границы употребления термина существенно сужаются до сфер экономики, финансов, трудовых отношений. Отмечено, что за словом / термином «релокация» стоит объемный по содержанию и охвату ситуативной составляющей концепт, позволяющий фиксировать наличие социально-экономического феномена и отдельной институции – релокация. Выявлены факторы формирования социально-экономического института релокации в России: миграционные процессы и привлечение трудовых ресурсов из стран бывшего СССР; оптимизация производства и проблема моногородов, повлекшие перемещения работников, оборудования, структурных подразделений предприятий в другие регионы; развитие крупного бизнеса: федеральных торговых сетей, финансовых учреждений, операторов связи и др., перемещавших в регионы производственные процессы, структурные подразделения, персонал; локализация производств иностранных компаний в России; рост международных инвестиций в развитие российских компаний; «офшоризация» российской экономики; развитие информационных технологий; смена поколений; пандемия, возможность удаленной работы; геополитические факторы, связанные со стремлением России к формированию многополярного мира. Выдвинуто положение, что социально-экономический институт релокации, как и любой институт, функционирование которого обеспечивается установленными, формализованными правилами, ведет к формированию специального правового*

института релокации. Установлено, что наличие субъектов институциональных отношений, отчетливо выраженной цели подобных перемещений, системы специально созданных государственных контрольных органов, регулирующих данные процессы, системы правил и механизмов правового регулирования этих явлений — все это свидетельствует о необходимости признать существование релокации как социально-экономического и правового института.

Ключевые слова: термин «релокация»; институциональность; социальные и правовые нормы; перемещение предприятий, капитала, инвестиций, трудовых ресурсов

Для цитирования: Белослудцев А.Н., Дзюба Е.В. Релокация как социально-экономический и правовой институт // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 2. С. 97–123. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.7

© Белослудцев А.Н., Дзюба Е.В., 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 325

DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.7

Relocation as a Socio-Economic and Legal Institution

Alexander N. Belosludtsev

Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics,
Saint Petersburg, Russia

belosludcev@ak-magnat.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4778-4346>

Elena V. Dziuba ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

✉ elenacz@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3833-516X>

Abstract. *The authors problematize the formation of the socio-economic and legal institution of relocation in Russia. During the research, the following results were obtained: The dynamics of the use of the unit «relocation» in the Russian-language discourse (primarily scientific) from the 1990s up to the present moment is recorded. The emphasis is on the diversity of areas of scholarly knowledge that incorporate the term «relocation» in its basic sense of «transposition» while linguistic and special Russian-language dictionaries published before 2022 do not fix it; a special focus is laid on the widespread usage of the term in the law enforcement practice. It is established that from 2011 to 2022 the application of the word «relocation» is growing rapidly in academic papers; regulatory and law enforcement acts and this process indicates a legally competent inclusion of the unit into the Russian-language discourse. Upon that, the usage of the term is significantly restricted to the spheres of economics, finance, and labor relations. It is noted that behind the word/term «relocation» there is a concept that is extensional in content and scope of the situational component that enables to fix the presence of a socio-economic phenomenon and a separate institution – relocation. The authors point out the factors of the formation of the socio-economic institution of relocation in Russia: migration processes and attraction of workforce from the countries of the former USSR; production optimization and the problem of company towns, which led to the movement of workers, equipment, structural units of enterprises to other regions;*

development of large businesses: federal retail chains, financial institutions, communications service providers, etc., that moved production processes, structural divisions, and personnel to the regions; localization of production facilities of foreign companies in Russia; growth of international investment in the development of Russian companies; «offshoring» of the Russian economy; development of information technologies; change of generations; pandemic and possibility of remote work; geopolitical factors that are associated with Russia's desire to form a multipolar world. It is claimed that the socio-economic institution of relocation, like any other institution, functioning of which is ensured by the established, formalized rules, leads to the formation of a special legal institution of relocation. It is also emphasized that the presence of subjects of institutional relations, a clearly expressed goal of relocation processes, a system of specially created supervisory government bodies regulating the process of relocation, a system of rules and mechanisms for the legal regulation of relocation processes is confirmation of the need to recognize the existence of relocation as a socio-economic and legal institution.

Keywords: the term "relocation"; institutionality; social and legal institutions; movement of enterprises, capital, investments, labor resources

For citation: Belosludtsev, A.N., Dziuba, E.V. Relocation as a Socio-Economic and Legal Institution. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 2. P. 97–123. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.7

© Belosludtsev A.N., Dziuba, E.V., 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Жизнь общества меняется под воздействием социальных, экономических, политических процессов. Происходящие изменения ведут к формированию новых видов общественных отношений, требующих наличия соответствующего терминологического аппарата, социальных и правовых норм, государственных (межгосударственных) органов, необходимых для обеспечения функционирования таких отношений. Система организации общественных отношений, образованная для достижения определенных целей, включающая в себя правила поведения участников отношений и механизм обеспечения соблюдения таких правил, рассматривается как общественный институт. Становление и развитие общественных институтов наиболее активно происходит в период значительных изменений в общественной жизни. История современной России на всех этапах, начиная с распада СССР и до настоящего времени, связана с существенными социально-экономическими, культурными и политическими преобразованиями, под воздействием которых было образовано большое количество новых общественных институтов

(институт частной собственности, институт предпринимательской деятельности, институт представительной власти, институт свободы слова и вероисповедания и мн. др.). Образованию институтов как во всем мире, так и в России, также способствует научно-технический прогресс, порождающий новые виды общественных отношений, например, в сфере цифровых технологий. В качестве социального института в настоящее время рассматривается Интернет, социальные сети, криптовалюта и мн. др. Одним из институтов, ставшим продуктом общественных преобразований в России и в глобальном мире в к. XX – нач. XXI вв., является социально-экономический институт релокации.

Материалы и результаты исследования

Релокация: от термина к институту

Слово «релокация» в русскоязычном дискурсе впервые появляется в научных публикациях и выступает как общенаучный термин. По данным РИНЦ (Национальная библиографическая база данных научного цитирования, аккумулирующая более 12 миллионов публикаций), эта терминологическая единица встречается в работах начала 1990-х годов [1; 2]. Термин употребляется в статьях по медицине, при этом реализует общее значение «перемещение / смещение чего-либо». Нельзя утверждать, что авторы названных работ первыми использовали термин «релокация», что он не употреблялся в более ранних источниках, однако в РИНЦ таких публикаций, датированных до 1991 г., не содержится. Столь низкое (двукратное) употребление терминологической единицы при этом не может объясняться только возможным отсутствием в РИНЦ ряда источников. При поисковом запросе по слову «перемещение» (близким значению термина «релокация») в РИНЦ за период с 1991 г. по 2000 г. найдено более 10 тысяч работ (10 938). Частотность использования термина «релокация» значительно возрастает в период с 2001 по 2010 гг.: в РИНЦ зафиксировано 49 публикаций из разных областей научного знания, например (рубрики ГРНТИ): Геология / Геофизика [3; 4]; Автоматика. Вычислительная техника [5]; Энергетика / Ядерная техника [6; 7]; Медицина и здравоохранение / Клиническая медицина [8; 9]; География [10]; Культура. Культурология [11]; Социология [12]; Экономика, Экономические науки / Экономика труда / Трудовые ресурсы / Организация

и управление / Стратегический менеджмент, Стратегическое планирование [13; 14; 15; 16; 17].

При этом с середины 2000-х гг. употребление термина «релокация» заметно смещается в сторону социально-экономических наук и связано с изучением миграционных процессов, рынка труда, управления персоналом (термин используется для обозначения перемещения персонала и рабочих мест).

В начале 2010-х гг. в указанном значении термин входит в правовой дискурс, в частности – в сферу правового регулирования трудовых отношений. Слово «релокация» фиксируется в юридических документах, правоприменительных актах. Приведем некоторые примеры контекстов, в которых употребляется термин «релокация», из судебных решений, датированных в период с 2010 г. по 2015 г.: 1) «...в соответствии с соглашением о релокации № 336 от 01.09.2010 г., заключенном между ОАО «МДМ Банк» и <ФИО>, начальнику операционного офиса (истцу) оплачивались расходы по найму жилого помещения. Размер оплаты найма жилого помещения был установлен 18000 рублей после вычета НДФЛ, что составляет 20690 рублей. Денежные средства для оплаты расходов по найму жилого помещения выплачивались работнику путем включения в Индивидуальную премию (Премия руководителя). Фактически работодатель оплачивал аренду жилого помещения для своего сотрудника, из чего следует, что данная выплата является расходами работодателя, а не премией (заработной платой), причитающейся работнику. Данная выплата не является заработной платой работника и поэтому не должна учитываться при расчете средней заработной платы...»¹; «... По сообщению представителя ответчика, на официальном сайте ООО «Проктер энд Гэмбл Сервисез» в разделе корпоративных документов опубликована «Политика внутренней релокации». В соответствии с п. В (Поддержка), в случае, когда работник переводится на работу в другую местность, работодатель предоставляет ему следующие льготы и условия: Оплата за счет работодателя поездки для поиска дома, оплата вознаграждения риэлтора за поиск жилья, расходы на переезд, пособие на

---

¹ Решение Центрального районного суда г. Хабаровска от 22 августа 2011 г. по делу № 2-4782011.

прочие расходы в размере 1/12 от годовой заработной платы до удержания налогов, компенсация расходов на временное жилье...»²; «...Работодатель, изменяя место работы, путем изменения административно-территориальных границ, а именно населенного пункта, в котором работал Истец, существенно ухудшает положение, делая невозможным проезд на работу и с работы, не предлагая никаких дополнительных соглашений о компенсации на поиск нового жилья, на проживание в новом городе, повышений заработной платы. ДД.ММ.ГГГГ и ДД.ММ.ГГГГ было написано заявление на выдачу трудовой книжки, однако ни в день увольнения, ни по день вынесения решения суда трудовая книжка Истцу не выдана... Согласно п. 2.1. Распоряжения № от ДД.ММ.ГГГГ «Об исполнении приказа Генерального директора от ДД.ММ.ГГГГ за № до ДД.ММ.ГГГГ должен быть утвержден окончательный список сотрудников, подлежащих релокации (переводу) в <адрес> в связи с изменением организационной структуры МР «Поволжье». Данный список суду не представлен, доказательств того, что в окончательном списке сотрудников значится Истец Ответчиком не представлено, что дает основания суду полагать, что данная должность Истца в <адрес> была сохранена...»³; «... Согласно Регламенту взаимодействия обществ, входящих в контур управления Топливной компании, по программе релокации и оказанию содействия в трудоустройстве работников, релокация – трудоустройство работника, участника программы релокации, в другое общество, входящее в контур управления Топливной компании или на предприятие отрасли, заключившее соглашение о взаимодействии с ОАО «ТВЭЛ», связанное с переездом из одного города в другой, и осуществление комплекса мероприятий по организации переезда и адаптации на новом месте работы; в п. 2.1.1 указаны общества, входящие в контур управления Топливной компании, а из п. 2.1.3.2. следует, что участие в программе релокации осуществляется на основании письменного заявления работника, направленного работодателю...»⁴.

---

² Решение Головинского районного суда г. Москвы от 31 октября 2013 г. по делу № 2-4802/201331.

³ Решение Октябрьского районного суда г. Уфы от 02 июня 2015 года по делу № 2-3473/2015.

⁴ Решение Калининского районного суда г. Новосибирска от 17 ноября 2015 г. по делу № 2-3151/2015.

В аналогичном значении (перемещение / привлечение персонала) термин «релокация» используется в «Концепции кадрового обеспечения стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации на период до 2020 г.» (утв. Минпромторгом РФ 16.01.2012), в которой было определено направление по созданию конкурентоспособной продукции, соответствующей передовым мировым стандартам в области автомобилестроения. Одной из ключевых задач в этом направлении являлось создание в долгосрочной перспективе серьезных конкурентных преимуществ на мировом уровне за счет обеспечения автомобилестроительной отрасли достаточным количеством высококвалифицированного персонала, способного решать поставленные цели. При этом большинство кадровых проблем отрасли, как указывали авторы Концепции, имеет системные решения и требует скоординированных действий всех участников процесса, включая образовательные учреждения, промышленные предприятия в сфере автомобилестроения и органы исполнительной власти. В числе текущей проблемы автопроизводителей, по мнению авторов «Концепции...» 2012 г., является неравномерное распределение трудового ресурса в регионах присутствия автопроизводителей и отсутствие механизмов регулирования рынка труда (программы целевой подготовки, релокации персонала и т. д.) при значительном изменении объемов производства. С учетом изложенного в «Концепции...» релокация персонала направлена на обеспечение автомобилестроительной отрасли достаточным количеством высококвалифицированного персонала путем распределения трудового ресурса в регионах присутствия автопроизводителей.

Термин «релокация» в указанном выше значении используется в Приказе Министерства здравоохранения РФ от 30 декабря 2014 г. № 954 «Об утверждении стратегии развития федерального государственного унитарного предприятия "Научно-производственное объединение по медицинским иммунобиологическим препаратам "Микроген" Министерства здравоохранения Российской Федерации на период до 2020 г.», в котором указано, что с целью недопущения потери человеческого капитала Предприятия для ключевых сотрудников будет разработана и внедрена программа релокации на существующие филиалы на максимально комфортных условиях (организация переезда, обустройства и

проживания для работников и их семей) (п. 5.5.3. Приказа).

С середины 2010-ых гг. значение термина в правоприменительных актах расширяется и выходит за рамки собственно трудового права, что видно из анализа судебных решений: «...В связи с принятием публичным акционерным обществом РОСБАНК решения о релокации операционного офиса «Центр» 22.03.2017 г. ответчик направил <ФИО> уведомление о расторжении договора...»⁵; «...02.12.2016 г. Комитетом по корпоративному управлению и вознаграждениям Банка «ГПБ» утверждена концепция развития Операционного сервиса Банка «ГПБ» до 2021 г., одобрен проект «Релокация и централизация функций Операционного сервиса Банка «ГПБ», что подтверждается выпиской из протокола заседания указанного Комитета от 02.12.2016 г. № 9; «... 21.03.2018 г. на основании распоряжения Банка «ГПБ» № 159 «О проведении мероприятий по реализации второго этапа Проекта «Релокация и централизация функций Операционного сервиса Банка «ГПБ», включенного в Программу «Централизация обеспечивающих функций», решением Комитета по корпоративному управлению и вознаграждениям от 02.12.2016 г. (протокол № 9) филиал приступил к передаче процессов и функций учета, оформления операций клиентов, расчетных и банковских операций Филиала Банка «ГПБ» «Среднерусский» в профильные структурные подразделения головного офиса Банка «ГПБ», в соответствии с планом мероприятий, являющимся приложением к данному распоряжению...»⁶; «...одновременно с заявлением Банком представлено ходатайство о восстановлении пропущенного срока. В обоснование ходатайства заявителем указано на то, что сопровождением процедур банкротства, а именно подачей заявлений о включении в реестр требований кредиторов физических лиц, осуществляется с уровня Байкальского банка ПАО Сбербанк, в связи с этим Дальневосточный банк ПАО Сбербанк, информацией о наличии долга не обладало, что связано с релокацией процесса сопровождения задолженности кредитов физических лиц в другой территориальный

---

⁵ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Саратовского областного суда от 07.08.2018 по делу № 33-4833

⁶ Решение Центрального районного суда г. Тулы от 11.12.2018 по делу № 2-2771/18

банк...»⁷; «...В обоснование заявления о принятии обеспечительных мер конкурсный кредитор обращает внимание суда на то, что анализ документации Должника и материалов настоящего дела позволил Кредиторам прийти к выводу, что причинами банкротства стал ряд совокупных причин: ...умышленное бездействие управляющей компании, завышавшей прямо влияющие на размер её вознаграждения финансовые показатели деятельности завода путём неформирования объективно необходимых резервов на будущую релокацию производства и, как следствие, остановка работы завода к дате истечения срока аренды производственной площадки...»⁸.

Приведенные примеры позволяют проследить динамику частотности использования термина «релокация» и развитие его семантики в научном и правовом дискурсе. Возникший как общенаучный термин в значении «смещение / перемещение», он постепенно начинает использоваться более часто для обозначения процессов в сфере миграции, управления персоналом и организации труда. Примерно на рубеже 2000–2010 гг. наблюдается начало употребления термина в правоприменении, в частности – в значении «переезд / перевод сотрудников в другую местность (другой населенный пункт)». Слово «релокация» выносится в названия юридических документов: «Политика внутренней релокации», «Соглашение о релокации», «Программа релокации» и т. п. В локальных нормативных правовых актах закрепляются определения термина «релокация», ср.: 1) трудоустройство работника (участника программы релокации) в другое общество, входящее в контур управления компании, связанное с переездом из одного города в другой; 2) осуществление комплекса мероприятий, по организации переезда и адаптации на новом месте работы; 3) организация переезда, обустройства и проживания для работников и их семей; 4) действия, направленные на обеспечения отрасли достаточным количеством высококвалифицированного персонала путем распределения трудового ресурса в регионах.

С середины 2010-ых гг. значение термина, как и область его

---

⁷ Определение Арбитражного суда Хабаровского края от 11 сентября 2018 года по делу № А73-3679-4/2018

⁸ Определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 13.08.2021 по делу № А56-94223/2020/суб.3/о.м.2

применения, расширяются. Фиксируются такие контексты: «релокация операционного офиса», «релокация функций операционного сервиса», «релокация процесса», «релокация производства». В период 2011–2023 гг. число употреблений термина «релокация» стремительно растет и в научных работах (по состоянию на 08.02.2023 г. по поисковому запросу «релокация» в РИНЦ найдено 949 источников). Термин встречается в таких контекстах: «релокация производства» [18], «релокация производственных процессов» [19; 20], «релокация инвестиций» [21]. Эти факты примечательны тем, что при установлении данного термина в разных научных и профессионально значимых русскоязычных дискурсах слово «релокация» не фиксируется ни в одном из словарей (как толковых, так и специализированных), опубликованных до начала 2023 года (проверены словари 1961–2022 гг. издания).

*Факторы формирования социально-экономического и правового
института релокации*

Очевидно, что возникновению в России такого социально-экономического явления, как релокация, понимаемого в научном и правовом дискурсе как перемещение предприятий, производственных процессов, капитала, инвестиций, трудовых ресурсов, способствовали конкретные социальные, экономические и политические факторы.

1. В 1990-е и 2000-е гг. такими факторами являлись глобальные миграционные процессы и привлечение значительного количества трудовых ресурсов из стран бывшего СССР;

2. Важными факторами также стали оптимизация производства, закрытие ряда промышленных предприятий, проблема моногородов, повлекшие перемещения большого числа работников, оборудования, структурных подразделений учреждений из одного региона в другой;

3. На релокационные процессы повлияло развитие крупного бизнеса: федеральных торговых сетей, финансовых учреждений, операторов связи и т. п., перемещавших в связи с экспансией в регионы большое количество производственных (рабочих) процессов, структурных подразделений, персонала. Приведем в качестве примера некоторые факты: «для обеспечения мобильности рабочей силы предприятиями-лидерами реализуется комплекс мероприятий по релокации персонала. На

территории Российской Федерации лидерами в этой области являются «Газпром», «Сбербанк», «Северсталь», «Лукойл», «Росатом», «Билайн», «Unilever», «Procter & Gamble», «Метро». Основной целью релокации персонала является обеспечение эффективного распределения рабочей силы с целью предотвращения и (или) устранения дефицита специалистов определенной квалификации... Под релокацией понимают перераспределение рабочей силы в места, где имеющиеся знания и навыки наиболее востребованы или где невозможно нанять местного специалиста необходимой квалификации» [22, с. 64];

4. В более поздний период, в первую декаду XXI в., к перечисленным факторам присоединились процессы локализации производств иностранных компаний в России. Такие процессы полиаспектно рассматривались разными исследователями, ср. фрагменты некоторых работ: «Положительным примером является деятельность российских компаний в отраслях энергетического машиностроения и двигателестроения: при активном сотрудничестве с зарубежными партнерами была достигнута практически полная локализация процессов в производстве, эксплуатации и сервисе...» [23, с. 14–15]. «Среди отраслей локализации отмечаются такие, как автомобилестроение («KIA», «Hyundai», «Renault», «Nissan», «BMW», «Volvo», «Toyota», «Volkswagen», «Mercedes-Benz»), производство техники и оборудования, включая электронику («Siemens», «LG Electronics», «Samsung Electronics», «Sony Electronics»), табачная промышленность, бытовая химия («Procter & Gamble», «Henkel»), фармацевтика («Sanofi»), производство автошин («Nokian Tyres»), косметика и парфюмерия («L’Oreal» и «Л’Этуаль»), пищевая промышленность («Nestle», «Danon»), семеноводство («Syngenta»), производство упаковки («Tetra Pak»), товаров для дома («IKEA», «Leroy Merlin»)» [24, с. 33–34].

5. Важным основанием для развития релокации стал рост международных инвестиций российских компаний. «Россия в 2012 г. вышла на второе место после Китая среди развивающихся стран – в числе ведущих международных инвесторов следующие компании: «Лукойл», «Газпром», «Евраз», «Мечел», «Северсталь», «Русал» и др.» [25, с. 190, 193].

6. Значительную роль в расширении явления релокации сыграла т. н. «офшоризация» российской экономики. Во время предвыборной

кампании начала 2012 г. вопрос о репатриации капитала имел особую популярность: «о необходимости возвращения денег в страну говорили многие: С. Миронов, М. Прохоров и В. Путин, который еще в декабре 2011 г. обвинил ряд энергокомпаний страны в отмыывании денег через офшоры и выстраивании коррупционных схем через подставные организации» [26]. Приведем некоторые факты, иллюстрирующие это положение: «По данным ЦБР, общий размер накопленных российских инвестиций за границей на начало 2012 г. составил около 1.24 трлн. долл., увеличившись за годы нового века в пять раз. Можно с уверенностью утверждать, что реальный объем капитала, ушедшего из страны за всю ее новейшую историю, несколько больше: часть вывезенных ранее денежных средств материализована российскими физическими и юридическими лицами в недвижимость, использована ими на оплату товаров и услуг, передана в управление трастовым компаниям и т. д.» [27, с. 68]; «В соответствии с выборочными оценками журнала «Эксперт» из 50 крупнейших российских компаний рейтинга с совокупной выручкой 16 трлн. руб., принадлежащих частному капиталу и не являющихся дочерними структурами иностранных корпораций, 46% либо зарегистрированы за рубежом, либо там находится центр прибыли или центр принятия решений. Чистый отток капитала из РФ по итогам 2014 г. составил около 150 млрд. долл. США...» [28, с. 140]. Приведенные примеры свидетельствуют о высокой степени развития релокации ресурсов (в первую очередь – финансовых) в десятые годы XXI в.

7. Однако решающим фактором распространения релокационных процессов явилось развитие информационных технологий, которое «позволило финансовому капиталу приобрести бóльшую мобильность и предоставило возможность стремительного перемещения между странами в зависимости от степени благоприятности предоставляемых ими условий для ведения бизнеса» [28, с. 138]. Значение информационных технологий для развития релокационных процессов отмечает Э.А. Гасанов: «Технологическая конвергенция представляет собой, по сути, структурную трансформацию экономики, в которой соединяются различные субъекты производственных отношений, объекты и ресурсы инвестирования, технологии и способы их трансфера. Применительно к кластерной структуре экономики технологическая конвергенция ведет к новой релокации производительных сил, перестраивая научно-инновационные,

производственные, логистические, управленческие, рыночные связи не только по территориальному, но экстерриториальному принципу. Кластеры конвергентных технологий – агломераты нового типа – производят блага Четвертой промышленной революции – результат широкой диффузии nano-биотехнологий, информационно-когнитивных, биоинформационных технологий. Агломерация фирм в сетевых кластерах идет по «бесцентричному» сетевому принципу, согласно которому движение материальных, информационных, финансовых ресурсов происходит при помощи современных коммуникаций и информационных сетей, и координация деятельности фирм строится вокруг технологий, а не ресурсов» [29, с. 76].

8. Актуальным фактором развития релокации стал психологический. Ю.В. Гермашова, исследуя направления мотивации сотрудников, со ссылкой на специалистов компании «Ingate» (занимается продвижением услуг и товаров с помощью цифровых технологий)⁹ отмечает, что «поколения X и Y жили в послевоенные годы и беспокойное время, поэтому они стремятся уйти от проблем, от нежелательной ситуации. Их мотивами выступали страх потерять работу, зарплату, уверенность в завтрашнем дне. Поколение Z выросло в относительно стабильное время, поэтому они легче относятся к переменам. Молодежь стремится к чему-то: достичь своих целей, добиться успеха, самореализоваться... Поколение X избегает смены рабочего места, потому что люди не знают, что их ждет на другой работе. Они боятся потерять стабильность, хорошую зарплату. Поколение Z более лояльно относится к переездам в новый город, страну, смене деятельности. Они рассматривают этот вариант как возможность получить уникальные знания, более высокую зарплату» [30, с. 149].

9. Пандемия, связанная с распространением COVID-19, существенно повлияла на динамику развития релокационных процессов в России. До пандемии явление дистанционной работы существовало, но носило скорее частный характер, было обусловлено спецификой деятельности и / или индивидуальными запросами работников определенных категорий. Масштабно практика удаленной работы развернулась при ковидных

---

⁹ Тренды в мотивации сотрудников в 2020 году: [сайт]. URL: <https://blog.ingate.ru/podcasts/trendy-motivatsii-sotrudnikov-v-2020-godu/> (дата обращения: 08.02.2023).

ограничениях. А.Ю. Завалишин, Н.Ю. Костюрина отмечают: «В период пандемии COVID-19 наиболее адаптированными и экономически успешными оказались люди, имеющие возможность заработка через интернет, в первую очередь, создатели интернет-контента, включая специалистов по рекламе, продвижению товаров, развитию маркетплейсов, копирайтеров, фотостокеров, иллюстраторов, онлайн-репетиторов, журналистов и других, не привязанных к месту специалистов» [31, с. 129]. Очевидно, что такая категория сотрудников могла себе позволить перемещения с одного места жительства на другое (насколько это позволяли ковидные ограничения) без смены трудоустройства. Эти факты многократно фиксировали масс-медиа, корпоративные сайты, блоги, чаты и т. д.; ср., например: «Пандемия коронавируса и массовая миграция бизнеса в онлайн открыла новые профессиональные горизонты для IT-специалистов... Многие айтишники из России и стран СНГ, засидевшиеся на удаленке в родных краях, все чаще стали рассматривать предложения зарубежных работодателей»¹⁰.

10. Смена «пандемийной» релокации иной, вызванной геополитическими факторами, произошла в связи с событиями февраля-марта 2022 г. Специалисты фиксируют существенные изменения в российском «бизнес-ландшафте». Так, М.О. Болобонова отмечает: «Геополитические и экономические события резко изменили бизнес-ландшафт в Российской Федерации... На этом фоне российские предприниматели все чаще рассматривают возможность ведения бизнеса в странах ближнего и дальнего зарубежья: в поиске более устойчивых экономико-политических условий для развития предпринимательства, модернизации оборудования и технологий, особенно в сфере IT, а также в отношении экспортно-импортных компаний» [32, с. 9]. 2022 г. стал точкой отсчета стремительного развития релокации ресурсов и бизнеса, о чем свидетельствуют многочисленные зафиксированные сегодня факты и статистические данные: «...наблюдается тенденция оттока специалистов в сфере цифровых технологий из страны. Ряд иностранных компаний сектора ИКТ (Информационно-коммуникационные технологии)

---

¹⁰ Релокация в эпоху пандемии. Нужна ли она инженерам из России и СНГ? [сайт]. URL: <https://habr.com/ru/company/exness/blog/571446/> (дата обращения: 08.02.2023).

предлагает российским специалистам релокацию в их зарубежные отделения...» [33, с. 149]; «Согласно сайту RB.RU, уже 74% опрошенных предпринимателей ощутили негативное влияние санкций на свой бизнес, а более трети планируют его релокацию в другую страну» [34, с. 284]. Как указывает Стрыгина С.В., по данным, полученным Dsight (платформа аналитики НИ-ТЕСН рынков и стартапов) в результате опроса представителей стартапов в июне – июле 2022 г., к релокации в зарубежные страны стремится 40% опрошенных [35, с. 102].

Вышеизложенные факторы и установленные положения доказывают, что под влиянием специфических социально-экономических и политических факторов в России произошло институциональное оформление общественных отношений, обозначаемых как «релокация», иными словами, сформировался социально-экономический институт релокации, который нуждается, как показывает анализ правоприменительной практики, в правовом обосновании и урегулировании.

Дискуссия

Институциональные признаки релокации

По верному замечанию Е.Н. Соболевой, всякий социальный (в т. ч. социально-экономический) институт является субъектно ориентированным. Исследователь подчеркивает: «В основе института лежат отношения между хозяйствующими субъектами, которые затем выходят за рамки конкретных взаимодействий и начинают существовать как объективная реальность, что, в свою очередь, оказывает обратное влияние на отношения между экономическими агентами – формирует их поведение...» [36, с. 179].

С позиции системно-структурной организации и функционирования феномен института рассматривается как набор взаимосвязанных составляющих, взаимообусловленное функционирование которых определено конвенционально, что выражается в следующих моментах: «Во-первых, институт представляет собой определенную систему организации деятельности людей, имеющих различные интересы и выполняющих различные роли... Институт создается прежде всего для достижения определенной цели, решения определенных задач. Во-вторых, для реализации поставленных целей формируются взаимосвязанные

организации, выполняющие различные функции и представляющие некую систему. В-третьих, эта система имеет, как правило, свои формальные и неформальные нормы, выработанные обществом для урегулирования поведения людей, вступающих во взаимоотношения по какому-либо поводу. В-четвертых, эти нормы не только должны быть известны, но и должны соблюдаться, для этого институт должен иметь механизм их обеспечения...» [37, с. 167].

На нормативной стороне функционирования социальных институтов делает акцент Ю.Б. Шубников: «Право, выполняя функцию инструмента формализации и закрепления в обществе институтов, порожденных общественной практикой, используется государством и гражданским обществом для целенаправленного применения институтов в обеспечении поступательного развития общества. В этой своей функции право предоставляет возможность обществу осознанно через правовые инструменты (закон, суд, органы государственной власти) не только использовать институты, но и совершенствовать их, приспособляясь к постоянно меняющимся условиям и нуждам общества» [38, с. 21].

В связи с вышеизложенным возникает вопрос, всякий ли институт в основе своего существования и функционирования имеет правовую норму. Ряд исследователей отвечает на этот вопрос утвердительно, ср.: «Безусловно, институт нельзя сводить к нормам права – в этом случае теряется просто необходимость в нем как отдельной категории. Вместе с тем, уже само рассмотрение тех структур, которые обычно относят к институтам, как то: государственно-политические системы, семья, церковь, структуры материального и духовного производства, институты собственности и образования, медиаструктуры и проч. – заставляет признать правовой аспект обязательным: каждая из этих систем имеет достаточно четко определенные формальные “ограничения”» [39, с. 61]. При этом отнюдь не отрицается, что, во-первых, «институциональные ограничения могут выступать не только в виде юридической системы современного цивилизованного общества, но и в виде «обычного права»; во-вторых, «внутри института, имеющего то или иное правовое оформление, могут существовать требования, не имеющие правового аспекта (например, психологические аспекты взаимоотношения в семье, обращение на «ты» или «вы» среди родственников и т. п.)» [39, с. 61].

Однако вывод весьма однозначен: «Аспект формальных ограничений кажется ... обязательным в определении института, без него, как нам представляется, нет и самого института...» [39, с. 61].

Данные утверждения, касающиеся системно-структурной организации института, его функционирования и правового регулирования отношений субъектов в рамках института, всецело применимы к феномену релокации. Релокации, как социальному явлению, присущи все институциональные признаки. Во-первых, это касается субъектов институциональных отношений. Субъектами здесь выступают, например, собственники юридических лиц, осуществляющие перемещение предприятий; сами юридические лица, перемещающие структурные подразделения, производственные процессы, финансовые активы, трудовые ресурсы; физические лица, вступающие в трудовые и гражданско-правовые отношения, предполагающие релокацию. Релокационные процессы имеют отчетливо выраженную цель – необходимость организовать процесс перемещения предприятий, производственных процессов, капитала, инвестиций, трудовых ресурсов для достижения экономических эффектов (развитие, расширение и оптимизация производства, увеличение прибыли и сокращение расходов).

Во-вторых, реализации указанной цели способствует система специально созданных государственных контрольных органов, регулирующих процесс релокации (Федеральные таможенная, налоговая, миграционная службы, Федеральная служба по финансовому мониторингу и т. д.).

В-третьих, система релокационных отношений и деятельность регулирующих их организаций осуществляется на основании соответствующих правил, в т. ч. формальных, закрепленных в нормативно-правовых актах. Так, релокация капитала, в частности – порядок открытия, ведения и закрытия счетов в иностранных банках российскими юридическими и физическими лицами, порядок переводов денежных средств на счета, открытые в банках, расположенных за пределами Российской Федерации, порядок ввоза в Российскую Федерацию и вывоз из Российской Федерации денежных средств, – регулируется валютным и таможенным законодательством: Федеральным законом № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», Таможенным кодексом

Российской Федерации, принятыми в соответствии с ними актам валютного и таможенного законодательства. Процессы в сфере релокации производства, т. е. ввоз на территорию Российской Федерации и вывоз из Российской Федерации техники, оборудования, материалов, регламентируется нормами таможенного законодательства. Релокация трудовых ресурсов (привлечение иностранных работников российскими работодателями), например, регулируется Федеральным законом № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Нормы права, закрепляющие формальные правила социально-экономического института релокации, образуют правовой институт релокации.

Заметим при этом, что само понятие «институт», как указывает С.В. Патрушев, изначально пришло в социальные дисциплины именно из юриспруденции, где под ним понимается совокупность правовых норм, регулирующих определенные общественные отношения» [40, с. 9]. В свою очередь П. Салин, цитируя С.С. Алексеева [41], отмечает, что «правовые институты есть не что иное, как “образованные” и “опредмеченные” социальные явления, которые в результате отчуждения обрели собственное бытие и воплощены во внешне очерченные, структурно определенные, твердые и устойчивые формы существования и функционирования и потому способны выступить в качестве твердой и постоянной основы или критерия поведения людей, имеющих непрерывный по действию и определенный по содержанию характер» [42, с. 109].

В-четвертых, соблюдение регулирующих релокационные отношения правил обеспечивается соответствующими механизмами. Так, исполнение требований таможенного, валютного, миграционного законодательства, регулирующего правоотношения в сфере релокации, обеспечивается нормами административного и уголовного права. Например, часть 1 ст. 15.25 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) предусматривает ответственность за осуществление валютных операций, расчеты по которым произведены, минуя счета в уполномоченных банках или счета (вклады) в банках и иных организациях финансового рынка, расположенных за пределами России, в случаях, не предусмотренных валютным законодательством Российской Федерации,

либо осуществление валютных операций, расчеты по которым произведены за счет средств, зачисленных на счета (вклады) в банках и иных организациях финансового рынка, расположенных за пределами России, в случаях, не предусмотренных валютным законодательством Российской Федерации; статьей 193.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) предусмотрена ответственность за перевод денежных средств на банковские счета нерезидентов РФ с представлением кредитной организации документов, связанных с проведением таких операций и содержащих заведомо недостоверные сведения об основаниях, целях и назначении перевода; за незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, совершенное в крупном и особо крупном размере, установлена ответственность статьей 200.1 УК РФ; за незаконное привлечение к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства предусмотрено наказание статьей 18.15 КоАП РФ; ответственность за организацию незаконного въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан или лиц без гражданства, их незаконного пребывания в Российской Федерации или незаконного транзитного проезда через территорию Российской Федерации установлена статьей 322.1 УК РФ.

Закрепление юридической ответственности за нарушение формальных норм социально-экономического института релокации, наличие системы органов, реализующих применение санкций к правонарушителям, свидетельствуют о наличии механизма, обеспечивающего соблюдение правил данного института.

Вышеуказанные признаки позволяют однозначно утверждать, что релокация является социально-экономическим институтом, в основе которого лежат отношения в сфере перемещения предприятий, производственных процессов, капитала, инвестиций, трудовых ресурсов.

Заключение

Исследование показало, что, несмотря на отсутствие в опубликованных до 2022 г. вкл. лингвистических и специализированных словарях слова/термина «релокация», единица употребляется в научном дискурсе разных областей знания и активно используется в

правоприменительной практике. Анализ научных источников, нормативно-правовых и правоприменительных актов продемонстрировал стремительный рост употребления слова в период с 2011 до 2022 гг., что свидетельствует о вхождении единицы в русскоязычный дискурс. Более того, за словом «релокация» стоит весьма объемный по своему содержанию и охвату ситуативной (денотативной) составляющей концепт, позволяющий фиксировать наличие социально-экономического феномена и отдельной институции – релокация. Становлению данного социально-экономического института в России способствовал целый ряд факторов: 1) глобальные миграционные процессы и привлечение значительного количества трудовых ресурсов из стран бывшего СССР; 2) оптимизация производства, закрытие ряда промышленных предприятий, проблема моногородов, повлекшие перемещения большого числа работников, оборудования, структурных подразделений предприятий из одного региона в другой; 3) развитие крупного бизнеса: федеральных торговых сетей, финансовых учреждений, операторов связи и т. п., перемещавших в связи с экспансией в регионы большое количество производственных (рабочих) процессов, структурных подразделений, персонала; 4) процессы локализации производств иностранных компаний в России; 5) рост международных инвестиций российских компаний; 6) «офшоризация» российской экономики; 7) развитие информационных технологий; 8) смена поколений: новое поколение более лояльно относится к переездам в новый город, страну, смене деятельности; 9) пандемия и возможность удалённой работы; 10) геополитические факторы, связанные со стремлением некоторых стран (в первую очередь – России) к формированию многополярного мира.

Социально-экономические институты, как феномены, чье функционирование обеспечивается установленными правилами, в том числе формальными, влечет за собой формирование специального правового института. Это всецело относится и к релокации. Сложившиеся обязательные компоненты и признаки процессов перемещения предприятий, капитала, инвестиций, трудовых ресурсов свидетельствуют об их особом – институциональном – статусе. Наличие субъектов институциональных отношений, отчетливо выраженной цели подобных перемещений, системы специально созданных государственных

контрольных органов, регулирующих данные процессы, системы правил и механизмов правового регулирования этих явлений – все это свидетельствует о необходимости признать существование релокации как социально-экономического и правового института.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рагимов Ф.Р. Анатомия, диагностика, радикальное хирургическое лечение отхождения аорты и легочной артерии от правого желудочка сердца: автореф. дис. ... докт. мед. наук. Москва, 1991. 46 с.
2. Негмаджанов Б.Б. Пластика влагалища из сегмента толстой кишки и феминизирующая реконструкция наружных гениталий: автореф. дис. ... докт. мед. наук. Москва, 1993. 46 с.
3. Кулаков И.Ю. Структура верхней мантии под Южной Сибирью и Монголией по данным региональной сейсмотомографии // Геология и геофизика. 2008. Т. 49. № 3. С. 248–261.
4. Добряков И.С. Особенности разработки Ленинградского и Русановского месторождений Карского моря с помощью морских ледостойких стационарных платформ // Горные ведомости. 2010. № 11(78). С. 66–71.
5. Терешкин А.В. Разработка и исследование метода защиты от удаленных атак на основе диверсификации программного обеспечения: автореф. дис. ... канд. тех. наук. Таганрог, 2007. 16 с.
6. Носатов В.Н. Моделирование аварийных режимов реакторов типа ВВЭР: автореф. дис. ... канд. тех. наук. Москва, 2005. 26 с.
7. Пассаж Г., Стефанова С., Петков П. [и др.]. Расчетное исследование температурных и геометрических характеристик топлива ВВЭР на АЭС "Козлодуй" (Болгария) при нормальных условиях эксплуатации // Атомная энергия. 2006. Т. 101. № 5. С. 336–342.
8. Бокерия Л.А., Лобачева Г.В., Ярустовский М.Б. [и др.]. Интенсивная терапия полиорганной недостаточности у новорожденных после кардиохирургических вмешательств // Анестезиология и реаниматология. 2005. № 2. С. 62–66.
9. Бутрим Е.В. Критические обструктивные поражения дуги и перешейка аорты у новорожденных (диагностика, тактика дооперационного ведения): автореф. дис. ... канд. мед. наук. Москва, 2007. 24 с.
10. Слука Н.А. Современные геодемографические процессы в мировых городах: автореф. дис. ... докт. геогр. наук. Москва, 2006. 46 с.
11. Данчевская О.Е. Американские индейцы в этно-культурной политике США конца XX – начала XXI вв.: автореф. дис. ... канд. культурологии. Москва, 2006. 22 с.
12. Юдина Т.Н. Миграционная политика как составляющая демографического будущего России // Социальная политика и социология. 2007. № 3. С. 90–101.
13. Фоменко Е.В. Малый бизнес на стартовой прямой // Вестник Торгово-промышленной палаты Краснодарского края. 2007. № 6. С. 6–8.
14. Симонова О.В. Окно в Россию // Управление человеческим потенциалом. 2008. № 4. С. 298–302.

15. Андреева О.В. Рынок труда столиц и регионов // Управление человеческим потенциалом. 2008. № 1. С. 12–19.
16. Слободин А.О., Соколов К.О., Сергеичева И.А. Внутрифирменная управленческая релокация // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 19(157). С. 132–134.
17. Данина Н.А. Практика управления персоналом в условиях кризиса: перспектива есть! // Мотивация и оплата труда. 2009. № 1. С. 50–57.
18. Самосенок Л.Н. Типология эффектов региональной экономической интеграции // Российское предпринимательство. 2013. № 2(224). С. 118–124.
19. Зверев Ю.М. Экономическая глобализация, интернационализация производства и формирование международных производственных сетей // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. № 1. С. 23–27.
20. Долгов С.И. Развитие процесса глобализации и деятельность ВТО // Российский внешнеэкономический вестник. 2013. № 8. С. 3–11.
21. Резников С.Н. Проблемные аспекты и направления современной и будущей трансформации глобальных цепей поставок // Институты и механизмы инновационного развития: мировой опыт и российская практика. Курск, 2013. С. 261–266.
22. Балашова Е.С., Красовская И.П., Майорова К.С. [и др.] Актуальные технологии современной экономики и инфраструктуры: цифровая и инновационная экономика. СПб.: ФГБОУ ВО "Санкт-Петербургский государственный морской технический университет", 2020. 375 с.
23. Тополева Т.Н. Локализация производства: международный опыт и императивы России в условиях санкционного режима // Управленческие науки. 2022. Т. 12. № 2. С. 6–20. DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-2-6-20.
24. Лаврикова Ю.Г., Андреева Е.Л., Ратнер А.В. Локализация зарубежного производства как инструмент развития экспортной базы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 3. С. 24–38. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.2.
25. Кондратов Д.И. Международные инвестиции российских компаний и финансовых институтов // Век глобализации. 2015. Вып. № 2(16). С. 190–208.
26. Шульга Н. Офшоризация российской экономики – мотивы, последствия, методы борьбы // Мировое и национальное хозяйство. 2013. №2(25). [эл. ресурс]. URL: <https://mirec.mgimo.ru/2013/2013-02/ofshorizaciya-rossijskoj-ekonomiki-motivy-posledstviya-metody-borby> (дата обращения: 08.02.2023).
27. Квашнина И.А., Оболенский В.П. Ввоз и вывоз капитала: эффекты для России // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 1. С. 63–76.
28. Пузакова Е.П., Шепель Т.С. Проблема конфликта национальных и корпоративных интересов в условиях офшоризации мировой и российской экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 6(339). С. 137–145.
29. Гасанов Э.А. Становление сетевых кластеров в эпоху технологической конвергенции // Экономика и управление инновациями. 2021. № 3(18). С. 75–86. DOI: 10.26730/2587-5574-2021-3-75-86.
30. Гермашова Ю.В. Современные направления мотивации сотрудников // Современные исследования проблем управления кадровыми ресурсами. М.: ООО "Эдельвейс", 2021. С. 147–150.

31. Завалишин А.Ю., Костюрина Н.Ю. Миграция-2022: новый вектор в развитии глобальной культуры // Реклама, PR и медиа: современное состояние и перспективы развития. СПб: Центр научно-производственных технологий "Астерион", 2022. С. 125–132.
32. Болобонова М.О. Первое заседание Международного экспертного клуба // Бизнес, менеджмент и право. 2022. № 2(54). С. 9.
33. Архипова Н.И. Кадровый потенциал цифровой экономики: современное состояние и перспективы развития // Эффективное управление в целях устойчивого развития. М.: РГГУ, 2022. С. 142–150.
34. Куропятникова А.С., Мечикова М.Н. Государственная поддержка бизнеса и граждан Российской Федерации в условиях санкций // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров. Таганрог: Таганрогский институт управления и экономики, 2022. С. 283–286.
35. Стрыгина С.В. Роль государственно-частного партнерства в деятельности малого бизнеса // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 90-2. С. 100–103.
36. Соболева Е.Н. Место института собственности в смешанной экономической системе // Вестник науки Сибири. 2012. № 4(5) С. 177–181.
37. Файзуллин Т.Ф., Файзуллина А.И. Методологические основы исследования институционализации социально-экономических явлений // Вестник Башкирского университета. 2007. Т. 12. № 4. С. 166–169.
38. Шубников Ю.Б. К вопросу о роли права в развитии общественных отношений в условиях модернизации государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 1(61). С. 18–21.
39. Шмерлина И.А. Понятие «социальный институт»: анализ исследовательских подходов // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 53–69.
40. Патрушев С.В., Айвазова С.Г., Гвоздева Е.А. [и др.] Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / под. ред. С. В. Патрушева. М.: Институт сравнительной политологии РАН, 2006. 586 с.
41. Алексеев С.С. Восхождение к праву. М., 2002. 608 с.
42. Салин П. Соотношение понятий «институт права» и «институт законодательства» в современной российской правовой доктрине // Юридическая мысль. 2007. № 6(44). С. 108–115.

REFERENCES

1. Ragimov F.R. Anatomija, diagnostika, radikal'noe hirurgicheskoe lechenie othozhdenija aorty i legochnoj arterii ot pravogo zheludochka serdca [Anatomy, Diagnosis, Internal Surgical Treatment of Aortic and Pulmonary Artery Discharge from the Right Ventricle of the Heart]: avtoref. dis. ... dokt. med. nauk. Moskva, 1991. 46 s. (In Russ.).
2. Negmadzhanov B.B. Plastika vlagalishha iz segmenta tolstoj kishki i feminizirujushhaja rekonstrukcija naruzhnyh genitalij [Vaginoplasty from a Segment of the Large Intestine and Feminizing Reconstruction of the External Genitalia]: avtoref. dis. ... dokt. med. nauk. Moskva, 1993. 46 s. (In Russ.).

3. Kulakov I.Ju. Struktura verhnjej mantii pod Juzhnoj Sibir'ju i Mongoliej po dannym regional'noj sejsmotomografii [Upper Mantle Structure Beneath Southern Siberia and Mongolia, from Regional Seismic Tomography]. *Geologija i geofizika*. 2008. T. 49. № 3. P. 248–261. (In Russ.).
4. Dobrjakov I.S. Osobennosti razrabotki Leningradskogo i Rusanovskogo mestorozhdenij Karskogo morja s pomoshh'ju morskikh ledostojkikh stacionarnyh platform [Peculiarities of the Development of the Leningradskoye and Rusanovskoye Fields in the Kara Sea with the Help of Offshore Ice-Resistant Stationary Platforms]. *Gornye vedomosti*. 2010. № 11(78). P. 66–71. (In Russ.).
5. Tereshkin A.V. Razrabotka i issledovanie metoda zashhity ot udalennyh atak na osnove diversifikacii programnogo obespechenija: avtoref. dis. ... kand. teh. nauk. [Development and Research of a Method of Protection Against Remote Attacks Based on Software Diversification]. Taganrog, 2007. 16 p. (In Russ.).
6. Nosatov V.N. Modelirovanie avarijnyh rezhimov reaktorov tipa VVJeR [Simulation of emergency modes of VVER reactors]: avtoref. dis. ... kand. teh. nauk. Moskva, 2005. 26 p. (In Russ.).
7. Passazh G., Stefanova S., Petkov P. [i dr.]. Raschetnoe issledovanie temperaturnyh i geometricheskikh harakteristik topliva VVJeR na AJeS "Kozloduj" (Bolgarija) pri normal'nyh uslovijah jekspluatacii [Computational Investigation of the Temperature and Geometric Characteristics Of VVER Fuel In The Kozlodui Nuclear Power Plant (Bulgaria) under Normal Operating Conditions]. *Atomnaja jenergija*. 2006. T. 101. № 5. P. 336–342. (In Russ.).
8. Bokerija L.A., Lobacheva G.V., Jarustovskij M.B. [i dr.]. Intensivnaja terapija poliorgannoju nedostatochnosti u novorozhdennyh posle kardiohirurgicheskikh vmeshatel'stv [Intensive Therapy for Multiple Organ Dysfunction in Neonatal Infants after Cardiosurgical Interventions]. *Anesteziologija i reanimatologija*. 2005. № 2. P. 62–66. (In Russ.).
9. Butrim E.V. Kriticheskie obstruktivnye porazhenija dugi i pereshejka aorty u novorozhdennyh (diagnostika, taktika dooperacionnogo vedenija) [Critical obstructive lesions of the aortic arch and isthmus in newborns (diagnosis, preoperative management)]: avtoref. dis. ... kand. med. nauk. Moskva, 2007. 24 p. (In Russ.).
10. Sluka N.A. Sovremennye geodemograficheskie processy v mirovyh gorodah [Modern geodemographic processes in world cities]: avtoref. dis. ... dokt. geogr. nauk. Moskva, 2006. 46 p. (In Russ.).
11. Danchevskaja O.E. Amerikanske indejcy v jetno-kul'turnoj politike SShA konca XX – nachala XXI vv [American Indians in the ethno-cultural policy of the USA in the late XX – early XXI centuries]: avtoref. dis. ... kand. Kul'turologii. Moskva, 2006. 22 p. (In Russ.).
12. Judina T.N. Migracionnaja politika kak sostavljajushhaja demograficheskogo budushhego Rossii [Migration Policy as a Component of the Demographic Future of Russia]. *Social'naja politika i sociologija*. 2007. № 3. P. 90–101. (In Russ.).
13. Fomenko E.V. Malyj biznes na startovoj prjamoj [Small Business on the Starting Line]. *Vestnik Torgovo-promyshlennoj palaty Krasnodarskogo kraja*. 2007. № 6. P. 6–8. (In Russ.).
14. Simonova O.V. Okno v Rossiju [Window to Russia]. *Upravlenie chelovecheskim potencialom*. 2008. № 4. P. 298–302. (In Russ.).

15. Andreeva O.V. Rynok truda stolic i regionov [Labor Market of Capitals and Regions]. *Upravlenie chelovecheskim potencialom*. 2008. № 1. P. 12–19. (In Russ.).
16. Slobodin A.O., Sokolov K.O., Sergeicheva I.A. Vnutrifirmennaja upravlencheskaja relokacija [Intracompany Management Relocation]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009. № 19(157). P. 132–134. (In Russ.).
17. Danina N.A. Praktika upravlenija personalom v uslovijah krizisa: perspektiva est'! [The Practice of Personnel Management in a Crisis: there is a Prospect!]. *Motivacija i oplata truda*. 2009. № 1. P. 50–57. (In Russ.).
18. Samosenok L.N. Tipologija jeffektov regional'noj jekonomicheskoj integracii [Typology of Effects of Regional Economic Integration]. *Rossijskoe predprinimatel'stvo*. 2013. № 2(224). P. 118–124. (In Russ.).
19. Zverev Ju.M. Jekonomicheskaja globalizacija, internacionalizacija proizvodstva i formirovanie mezhdunarodnyh proizvodstvennyh setej [Economic Globalization, Internationalization of Production and the Formation of International Production Networks]. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta*. 2009. № 1. P. 23–27. (In Russ.).
20. Dolgov S.I. Razvitie processa globalizacii i dejatel'nost' VTO [The Development of the Globalization Process and the Activities of the WTO]. *Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik*. 2013. № 8. P. 3–11. (In Russ.).
21. Reznikov S.N. Problemnye aspekty i napravlenija sovremennoj i budushhej transformacii global'nyh cepej postavok [Problematic Aspects and Directions of Modern and Future Transformation of Global Supply Chains]. *Instituty i mehanizmy innovacionnogo razvitija: mirovoj opyt i rossijskaja praktika*. Kursk, 2013. P. 261–266. (In Russ.).
22. Balashova Ye.S., Krasovskaya I.P., Mayorova K.S. [i dr.]. Aktualnyye tekhnologii sovremennoj ekonomiki i infrastruktury: tsifrovaya i innovatsionnaya ekonomika [Actual Technologies of Modern Economy and Infrastructure: Digital and Innovative Economy]. Sankt-Peterburg, 2020. 375 p. (In Russ.).
23. Topoleva T.N. Lokalizatsiya proizvodstva: mezhdunarodnyy opyt i imperativy Rossii v usloviyakh sanktsionnogo rezhima [Localization of Production: International Experience and Imperatives of Russia in the Conditions of Sanctions Regime]. *Upravlencheskiye nauki*. 2022. T. 12. № 2. P. 6–20. DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-2-6-20. (In Russ.).
24. Lavrikova Yu.G., Andreyeva Ye.L., Ratner A.V. Lokalizatsiya zarubezhnogo proizvodstva kak instrument razvitiya eksportnoy bazy [Localization of Foreign Production as a Tool to Develop the Export Base of the Russian Federation]. *Ekonomicheskiye i sotsialnyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. 2019. T. 12. № 3. P. 24–38. (In Russ.).
25. Kondratov D.I. Mezhdunarodnyye investitsii rossijskikh kompaniy i finansovykh institutov [International Investments of Russian Companies and Financial Institutions]. *Vek globalizatsii*. 2015. Vyp. № 2(16). P. 190–208. (In Russ.).
26. Shulga N. Ofshorizatsiya rossijskoj ekonomiki – motivy, posledstviya, metody borby [Offshorization of the Russian Economy – Motives, Consequences, Methods of Struggle]. *Mirovoye i natsionalnoye khozyaystvo*. 2013. №2(25). URL: <https://mirec.mgimo.ru/2013/2013-02/ofshorizaciya-rossijskoj-ekonomiki-motivy-posledstviya-metody-borby> (accessed: 08.02.2023). (In Russ.).

- 27.** Kvashnina I.A., Obolenskiy V.P. Vvoz i vyvoz kapitala: efekty dlya Rossii [Import and Export of Capital: Effects for Russia]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. 2015. № 1. P. 63–76. (In Russ.).
- 28.** Puzakova Ye.P., Shepel T.S. Problema konflikta natsionalnykh i korporativnykh interesov v usloviyakh ofshorizatsii mirovoy i rossiyskoy ekonomiki [The Conflict of National and Corporate Interests and the Offshoring Process in Global and Russian Economies]. *Natsionalnyye interesy: priority i bezopasnost*. 2016. T. № 6(339). P. 137–145. (In Russ.).
- 29.** Gasanov E.A. Stanovleniye setevykh klasterov v epokhu tekhnologicheskoy konvergentsii [Formation of Network Clusters in the Era of Technological Convergence]. *Ekonomika i upravleniye innovatsiyami*. 2021. № 3(18). P. 75–86. (In Russ.).
- 30.** Germashova Yu.V. Sovremennyye napravleniya motivatsii sotrudnikov [Modern Directions of Employee Motivation]. *Sovremennyye issledovaniya problem upravleniya kadrovymi resursami*. Moskva: OOO "Edelveys", 2021. P. 147–150. (In Russ.).
- 31.** Zavalishin A.Yu., Kostyurina N.Yu. Migratsiya-2022: novyy vektor v razvitiy globalnoy kultury [Personnel Potential of the Digital Economy: Current State and Development Prospects]. *Reklama, PR i media: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya*. Sankt-Peterburg: "Asterion", 2022. P. 125–132. (In Russ.).
- 32.** Bolobonova M.O. Pervoye zasedaniye Mezhdunarodnogo ekspertnogo kluba [The First Meeting of the International Expert Club]. *Biznes, menedzhment i pravo*. 2022. № 2(54). P. 9. (In Russ.).
- 33.** Arkhipova N.I. Kadrovyy potentsial tsifrovoy ekonomiki: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya [Personnel Potential of the Digital Economy: Current State and Development Prospects]. *Effektivnoye upravleniye v tselyakh ustoychivogo razvitiya*. Moskva: Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet, 2022. P. 142–150. (In Russ.).
- 34.** Kuropyatnikova A.S., Mechikova M.N. Gosudarstvennaya podderzhka biznesa i grazhdan Rossiyskoy Federatsii v usloviyakh sanktsiy [State Support for Business and Citizens of the Russian Federation under Sanctions]. *Modernizatsiya rossiyskogo obshchestva i obrazovaniya: novyye ekonomicheskkiye oriyentiry, strategii upravleniya, voprosy pravoprimereniya i podgotovki kadrov*. Taganrog: Taganrogskiy institut upravleniya i ekonomiki, 2022. P. 283–286. (In Russ.).
- 35.** Strygina S.V. Rol gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v deyatelnosti malogo biznesa [The Role of Public-private Partnership in the Activities of Small Businesses]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. 2022. № 90-2. P. 100–103. (In Russ.).
- 36.** Soboleva Ye.N. Mesto instituta sobstvennosti v smeshannoy ekonomicheskoy sisteme [The Place of the Institution of Property in a Mixed Economic System]. *Vestnik nauki Sibiri*. 2012. № 4 (5). P. 177–181. (In Russ.).
- 37.** Fayzullin T.F., Fayzullina A.I. Metodologicheskkiye osnovy issledovaniya institutsionalizatsii sotsialno-ekonomicheskikh yavleniy [Methodological Foundations for the Study of the Institutionalization of Socio-Economic Phenomena]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2007. T. 12. № 4. P. 166–169. (In Russ.).
- 38.** Shubnikov Yu.B. K voprosu o roli prava v razvitiy obshchestvennykh otnosheniy v usloviyakh modernizatsii gosudarstva [On the Question of the Role of Law in the Development of Social Relations in the Context of the Modernization of the State]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 2014. № 1(61). P. 18–21. (In Russ.).

39. Shmerlina I.A. Ponyatiye "sotsialnyy institut": analiz issledovatel'skikh podkhodov [The Concept of "Social Institution": Analysis of Research Approaches]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2008. № 4. P. 53–69. (In Russ.).
40. Patrushev S.V., Ayvazova S.G., Gvozdeva Ye.A. [i dr.] *Institutsionalnaya politologiya: Sovremennyye institutsionalizm i politicheskaya transformatsiya Rossii* [Institutional Political Science: Contemporary Institutionalism and the Political Transformation of Russia]. Pod. red. S.V. Patrushev. Moskva: Institut sravnitel'noy politologii, 2006. 586 p. (In Russ.).
41. Alekseev S.S. *Voshozhdenie k pravu* [Rise to the Right]. Moskva, 2002. 608 p. (In Russ.).
42. Salin P. Sootnosheniye ponyatiy «institut prava» i «institut zakonodatel'stva» v sovremennoy rossiyskoy pravovoy doktrine [The Correlation of the Concepts "Institute of Law" and "Institute of Legislation" in Modern Russian Legal Doctrine]. *Yuridicheskaya mysl*. 2007. № 6(44). P. 108–115 (In Russ.).

Сведения об авторах / Information about authors

Белослудцев Александр Николаевич – аспирант кафедры конституционного и международного права, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики; адвокат, Свердловская областная коллегия адвокатов, адвокатская контора № 22. E-mail: belosludcev@ak-magnat.ru; ORCID: 0000-0002-4778-4346

Дзюба Елена Вячеславовна – доктор филологических наук, профессор Высшей школы международных. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. E-mail: elenacz@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3833-516X

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Belosludtsev Alexander N. – Postgraduate student, Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics. Lawyer, Sverdlovsk Regional Bar Association, Law Office 22.

E-mail: belosludcev@ak-magnat.ru; ORCID: 0000-0002-4778-4346

Dziuba Elena V. – Doctor of Philology, Professor of Graduate School of International Relations. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: elenacz@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3833-516X

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.02.2023. Одобрена после рецензирования 27.02.2023. Принята 03.03.2023.
Received 12.02.2023. Approved after reviewing 27.02.2023. Accepted 03.03.2023.*

СТРАНЫ, НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ STATES, NATIONS AND CULTURES

Научная статья
УДК: 394
DOI: 10.48612/RG/RGW.26.2.8

Шведский язык на лингвистических эксклавах Финляндии: особенности бытования и факторы сохранения

Куцоба Ольга Сергеевна ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ olgakucoba@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5673-6338>

Колесников Дмитрий Евгеньевич
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
writer1984@list.ru; <https://orcid.org/0009-0008-4582-6179>

***Аннотация.** Шведский язык является одним из двух государственных языков Финляндии. Основной локализацией распространения шведского языка является южное и западное побережье Финляндии, однако шведское языковое меньшинство встречается во многих других городах Финляндии, в которых подавляющее большинство населения является финноязычным. Актуальность темы обусловлена тем, что действующее правительство Финляндии под руководством Санны Марин озабочено проблемами сохранения и развития двуязычия в стране. В свою очередь шведские языковые острова являются неотъемлемой частью шведского языкового сообщества Финляндии, наиболее сильно подверженной влиянию финской языковой среды. Главной целью исследования является изучение шведоязычной среды на языковых островах Финляндии. Авторы представили определение понятию «шведские языковые острова в Финляндии»; выявили особенности поддержания шведоязычного сообщества на языковых островах Финляндии; установили причины сохранения шведского языка на данных территориях. Основной метод – анализ социолингвистических данных и обобщение материалов, взятых из открытых источников. В результате исследования выявлено, что в финской социологии под языковыми островами понимают финноязычные муниципалитеты с малой долей шведоязычного населения. Наличие шведской школы является ключевой характеристикой для применения понятия «языковой остров» по отношению к такому муниципалитету. Основными проблемами для шведского языкового сообщества на языковых островах Финляндии являются недостаточная сфера применения данного языка и неразвитость культурной инфраструктуры. Наличие*

школьной системы образования, деятельность местных общественных объединений, а также возрастающий интерес финнов к шведской составляющей финской культуры являются основополагающими факторами сохранения шведского языка на данных территориях. Полученные выводы подтверждают культурную значимость шведского языка в Финляндии, так как поддержка существования шведского языка на одноязычных финских территориях обусловлена сознательной деятельностью представителей языкового сообщества, имеющих различное происхождение.

Ключевые слова: финляндские шведы; языковой остров; языковая идентичность; языковое меньшинство; двуязычие

Для цитирования: Куцоба О.С., Колесников Д.Е. Шведский язык на лингвистических эксклавах Финляндии: особенности бытования и факторы сохранения // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып.2. С. 124–135. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.8

© Куцоба О.С., Колесников Д.Е., 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 394

DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.8

The Swedish Language in the Linguistic Exclaves of Finland: Features of Existence and Factors of Preservation

Olga S. Kutsoba ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

✉ olgakucoba@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5673-6338>

Dmitriy E. Kolesnikov

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

writer1984@list.ru; <https://orcid.org/0009-0008-4582-6179>

Abstract. *Swedish is one of the two national languages in Finland. The main localization of the Swedish language is the southern and western coast of Finland, but the Swedish language minority is found in many other cities in Finland, where the vast majority of the population is Finnish-speaking. The chosen topic of the research is relevant because the current Finnish government under the leadership of Sanna Marin is concerned about the problems of maintaining and developing bilingualism in the country. In turn, the Swedish language islands are an integral part of the Swedish language community in Finland, most strongly influenced by the Finnish language environment. The main purpose of this research is to study the Swedish-speaking environment on the language islands in Finland. The main goal of the research is to study the Swedish-speaking environment on the linguistic islands of Finland. The authors presented a definition of the concept of "Swedish language islands in Finland"; revealed the features of maintaining the Swedish-speaking community on the linguistic islands of Finland; determined the cause of the preservation of the Swedish language in these territories. The main method is the analysis of sociolinguistic data and the synthesis of materials taken from open sources. As a result of the study, it was revealed that in Finnish sociology, linguistic islands are understood as Finnish-speaking municipalities with a*

small proportion of the Swedish-speaking population. The presence of a Swedish school is a key characteristic for the application of the concept of "language island" in relation to such a municipality. The main problems for the Swedish language community on the language islands are the narrowness of the scope of this language and the underdevelopment of the cultural infrastructure. The existence of a school education system, the activities of local public associations, as well as the growing interest of Finns in the Swedish component of Finnish culture are fundamental factors in the preservation of the Swedish language in these territories. The results of the investigation confirm the cultural significance of the Swedish language in Finland, since supporting the existence of the Swedish language in monolingual Finnish territories is always a conscious activity of representatives of the linguistic community from different backgrounds.

Keywords: Finland Swedes; language island; language identity; linguistic minority; bilingualism

For citation: Kutsoba, O.S., Kolesnikov, D.E. The Swedish Language in the Linguistic Exclaves of Finland: Features of Existence and Factors of Preservation. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 2. P. 124–135. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.8

© Kutsoba, O.S., Kolesnikov, D.E., 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Шведский язык – один из двух официальных языков Финляндии, он является родным примерно для 5,2% от общего числа населения страны [1], и его статус закреплён в Конституции Финляндской Республики.

Ещё в 1900 г. доля шведского населения в стране составляла 12,9% [2, s. 7], однако политические и социальные процессы, произошедшие в Финляндии в XX веке, привели к значительному сокращению количества шведоязычных жителей [3, с. 47–48]. В исследовании «Стратегия для языковых меньшинств – сравнение актуальности шведского языка в Финляндии» Й. Хэггман утверждает, что шведский язык в Финляндии является языком меньшинства, исчезающим в Европе быстрее всего [4, s. 7].

Большинство шведоязычных жителей Финляндии проживают в определённых областях страны. Общее название этих областей – Svenskfinland (буквально Шведская Финляндия). Согласно одному из крупнейших шведских справочных изданий Национальной энциклопедии, Шведская Финляндия (швед. Svenskainland) – это собирательный термин для обозначения той части Финляндии, которая географически, институционально, идеологически и эмоционально имеет особую связь со шведоязычным населением – финляндскими шведами [5].

Результаты исследования и их обсуждение

С. Кингелин-Орренмаа пишет о том, что Шведская Финляндия состоит из Ньюланда, Аболанда, Аландских островов и Остроботнии, и «пятой провинции», включающей языковые острова Пори, Котка, Тампере и Оулу [6, s. 19]. Действительно, в основном шведоязычное население проживает в трёх прибрежных областях Финляндии, муниципалитеты которых отвечают требованиям для получения двуязычного статуса, и на автономной территории Аландских островов, где шведский язык является единственным официальным [3, с. 13–15].

Для обозначения финноязычных районов, в которых присутствует небольшая доля шведоязычного населения, в финляндской социологии существует особое понятие – «языковые острова» (швед. språköar).

В лингвистической и социолингвистической терминологии употребляются такие понятия, как «языковой остров» и «языковой эксклав», для обозначения небольшого района, жители которого говорят на языке, отличного от языка их окружения. Немецкий исследователь К. Маттхайер выделяет как одну из основных характеристик языкового острова то, что возникшее на определённой территории иноязычное меньшинство, несмотря на постоянные контакты с преобладающим языковым большинством, не подвергается языковой и культурной ассимиляции, либо ассимиляция проходит крайне медленно, так что сложившаяся языковая ситуация продолжает существовать [7, с. 169].

Финский исследователь Г. Лённрот определяет шведские языковые острова как официально финноязычные территории с финляндским шведоязычным меньшинством, обладающие исторической преемственностью и языковой инфраструктурой, подразумевая под языковой инфраструктурой прежде всего школу. При этом несомненно, что для того чтобы иметь возможность поддерживать сообщество, его самобытность, образование и досуг на родном языке, меньшинство должно быть достаточно многочисленным [8, s. 106].

В настоящий момент в Финляндии существует 15 языковых островов: Пори, Хювинкяя, Ювяскюля, Керава, Котка, Коуволла, Лахти, Нурмиярви, Сало, Каарина, Тампере, Хямеэнлинна, Туусула, Вихти и Оулу [9]. В финской литературе часто встречаются обобщённые названия

городов Тампере, Котка, Пори и Оулу – «четыре старых / больших / традиционных языковых острова».

Согласно одной из версий, истоки возникновения шведоязычных эксклавов на полностью финноязычных территориях восходят к XVIII–XIX вв. Тогда в Финляндии начала развиваться целлюлозно-бумажная промышленность, шведоговорящие промышленники со своими семьями переезжали в индустриальные центры, исконным населением которых являлись финны. Данный факт привел к появлению шведоязычных образовательных учреждений в этих прежде исключительно финноязычных районах [10].

Однако в своей докторской диссертации С. Хенриксон отмечает, что появление такой группы шведского населения нельзя однозначно проследить до определенного века или отнести это появление к определенной отрасли. Изучив историю четырех наиболее крупных шведоязычных островов, она пришла к выводу о том, что общее происхождение шведоговорящих эксклавов связано с миграционными процессами времён шведского владычества, шведским административным наследием, существовавшим на всей территории Финляндии, а также с торговлей и бизнесом, которыми часто управляли шведоязычные. Многие языковые острова ещё в начале XX века являлись двуязычными городами, но впоследствии в результате политических и социальных процессов финноязычное население стало в них преобладающим [11, s. 13–15].

С начала XXI века на языковых островах Финляндии отмечается рост числа людей, для которых шведский язык является родным. В Тампере количество зарегистрированных лиц как шведоязычных за период 2007–2017 гг. увеличивалось примерно на 25 человек в год, а в Лахти число говорящих на шведском языке увеличилось с 290 человек в 2000 г. до 427 человек в 2017 г. [12].

Языковые острова Финляндии реализуют закрепленное законом право на возможность выбора базового образования на любом национальном языке независимо от места жительства [13]. На более старых и крупных языковых островах существует возможность прохождения всех ступеней школьного образования на шведском языке, также зачастую есть и частное образование. На более молодых и мелких языковых островах действуют муниципальные школьные системы,

возможность учиться на шведском языке есть только в начальной школе, дошкольное образование обычно организуется в частном порядке [9].

Поскольку именно школа занимает центральное место в поддержании шведоязычного сообщества на языковых островах Финляндии, наибольшая степень нагрузки и ответственности для решения языковых задач ложится на небольшой штат педагогов. Среди таких задач можно выделить укрепление языковых навыков, продвижение мероприятий, создание языкового сообщества, проведение коррекционной работы [13].

Несомненно, выбор в пользу образования на шведском языке в муниципалитетах с подавляющим финноязычным большинством — это сознательный и ответственный шаг, на который идут семьи, считающие важными шведский язык и культуру. Когда речь идёт о привлечении в регион высокообразованных рабочих кадров из других регионов страны, для двуязычных семей наличие шведской школы является значимым условием при выборе места жительства [14].

Таким образом, шведское языковое сообщество на языковых островах Финляндии состоит из финляндских шведов, билингвов, этнических шведов, финнов, переехавших из Швеции, а также иммигрантов, выбравших шведское образование [9].

За последние два десятилетия интерес к шведскому языку в Финляндии возрос не только в двуязычных, но и в одноязычных финских семьях. В 2020 г. в Коуволе было открыто два шведских детских сада. Около половины детей в этих садах происходят из полностью финноязычных семей, для которых важно нахождение ребёнка в обоих культурно-языковых пространствах страны, начиная с самого раннего возраста [15].

В Тампере было проведено исследование, нацеленное на выявление причин, по которым родители отдают своих детей в шведские школы на языковых островах Финляндии. Проведённый среди родителей опрос показал, что наиболее распространёнными причинами выбора шведской школы для своего ребёнка являются изучение шведского языка (98%), развитие социальных навыков в многоязычной среде (92%), развитие толерантности в многоязычной среде (91%), размер школы (89%), сопричастность к шведской культуре (83%). Родители также отметили

такие факторы, как язык детского сада, спокойная атмосфера в школе, двуязычие, хороший контакт между учителями и учениками и безопасность в качестве причины выбора шведской школы в Тампере для своего ребёнка [16, s. 111].

Несмотря на то, что шведский язык является обязательным предметом для изучения во всех финских школах, исходя из наиболее популярного ответа, можно предположить, что родителям, участвовавшим в опросе, важно, чтобы их ребёнок имел более глубокие и основательные знания шведского языка, чем те, которые может предложить финская школа.

Исследование, проведённое в Пори, показало, что большинство учащихся местной шведской школы считает, что обучение на шведском приносит большую пользу, так как шведский язык является преимуществом при приёме на работу и даёт возможность понимать несколько других иностранных языков [17, s. 32].

Успешным примером вовлечения в шведоязычную среду на языковых островах Финляндии может служить шведская школа в Лахти. За последние годы количество учеников в ней неуклонно возрастало, поэтому три года назад школа переехала в более просторное здание. Ректор школы отмечает, что «сейчас у нас заканчивается место, и все классные помещения заняты. Рекордное количество детей, восемнадцать учащихся, пойдут в дошкольные учреждения осенью» [18, s. 27].

Однако на всех языковых островах Финляндии финский язык является наиболее распространённым языком общения как вне школы, так и в самих шведских школах. Переход со шведского на финский в процессе повседневного общения широко распространён среди говорящих на шведском языке на языковых островах. Разница в идентичности студентов между языковыми островами и Шведской Финляндией заключается в том, что учащиеся на языковых островах считают себя в большей степени носителями шведского языка, чем финляндские шведы, которые всё чаще ассоциируют себя с билингвами [19].

Как было отмечено ранее, двуязычная деятельность на языковых островах Финляндии в основном связана со школами и детскими садами. Носители шведского языка на языковых островах Финляндии сталкиваются с ещё большими трудностями в использовании и развитии

языка, чем в Шведской Финляндии: в финноязычных муниципалитетах не предоставляется высшее образование на шведском языке, отсутствует шведоязычный сервис, на многих языковых островах нет шведских культурных учреждений.

Сохранение шведской культуры на языковых островах Финляндии во многом обеспечивается благодаря поддержанию традиций, таких как празднование дня Святой Люсии, дня Рунеберга [14]. На некоторых островах это является основной формой выражения собственной идентичности ввиду ограниченности или отсутствия социально-культурной инфраструктуры [17, s. 33].

Для молодёжи и взрослых мероприятия на шведском языке проводятся редко, и это происходит по нескольким причинам. Во-первых, молодые люди в значительной степени стремятся переехать из родного города в Шведскую Финляндию, когда наступает время для поступления в высшее учебное заведение. Во-вторых, говорящие по-шведски на языковых островах Финляндии свободно переходят на финский язык и, в целом, чаще используют финский язык в повседневной жизни, поэтому может показаться, что нет необходимости создавать новые шведские культурные пространства. В-третьих, в местных газетах и на веб-сайтах редко можно найти информацию обо всех шведских или двуязычных мероприятиях [20].

Поддержкой шведоязычной культуры в Финляндии и, в частности, на языковых островах занимается информационный и культурный центр Luskan. Центр проводит различные молодёжные и интеграционные мероприятия с акцентом на общество и культуру: лекции, языковые кафе, воркшопы и др. Отделения центра расположены только на трёх языковых островах: в Тампере, Оулу и Лахти [21]. Жители других языковых островов испытывают недостаток взаимодействия с шведской культурой и считают необходимым открытие подобных культурных центров в своих городах [14].

В вопросе продвижения шведской культуры на языковых островах Финляндии нельзя недооценивать роль местных общественных объединений. Среди них можно выделить ассоциацию «Tavastsvenskar» в Хямеэнлинне, которая активно сотрудничает с местными властями в области расширения шведского культурно-образовательного пространства

в своём городе [14]. Во многих городах существуют свои шведские клубы (швед. Svenska klubben), деятельность которых включает реализацию разнообразных программ с акцентом на культуру, встречи и общение.

Заклучение

В настоящий момент в Финляндии существует 15 шведских языковых островов – финноязычных муниципалитетов, в которых проживает шведоязычное меньшинство и существует своя шведская школа. Несмотря на финноязычное окружение, на таких территориях шведский язык не исчезает. Языковые острова – неотъемлемая часть шведской Финляндии, которая благодаря осознанности и активности местного языкового сообщества является образцовым примером сохранения и продвижения двуязычия в стране.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Statistikcentralens PxWeb databaser. Språk efter ålder och kön landskapsvis. Available at https://pxweb2.stat.fi/PxWeb/pxweb/sv/StatFin/StatFin__vaerak/statfin_vaerak_pxt_11rl.px/table/tableViewLayout1/ (accessed: 20.09.2022).
2. Finlandssvenskrapport nr 43. – Helsingfors: Universitetstryckeriet, 2007. 56 s. Available at <http://www.vasa.abo.fi/users/ffinnas/pdf-filer/finlanssv2005.pdf> (accessed: 20.09.2022).
3. Куцова О.С. Положение шведского языка в Финляндии: история и современность: Вып. квал. раб. бак. СПб, 2021. 84 с. [эл. доступ]. URL: <https://elib.spbstu.ru/dl/3/2021/vr/vr21-5422.pdf/en/info> (дата обращения: 20.09.2022).
4. Häggman, J. Strategier för minoritetsspråk – jämförelser av relevans för svenskan i Finland. Magma, 2021.106 s.
5. Nationalencyklopedin. Svenskfinland. Available at <https://www.ne.se/uppslagsverk/encyklopedi/l%C3%A5ng/svenskfinland> (accessed: 20.09.2022).
6. Kingelin-Orrenmaa, Z. Tammerfors som svensk språkö: en etnografisk studie av språkpolicy som praktiker, processer och val i svenska rum i det inre av Finland. Uleåborg: Uleåborgs universitet, 2019. 282 s.
7. Фурцев Р.В. К вопросу об определении понятия «Языковой остров» // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2017. № 10 (76): в 3-х ч. Ч. 2. С. 167–170.
8. Lönnroth, H. Det femte landskapet? Svenska språköar i Finland som objekt för språkvetenskaplig forskning. I: Berg, Kirsten M., Borg, Kaj, Ingman, Eva, Sandelin, Minna & Åberg, Anne-Maj (red.). En färd i språket: Festskrift till Marketta Sundman på 60-årsdagen. Åbo: Åbo Universitet, 2009. 221 s.
9. Kommunförbundet. Fungerande tvåspråkighet i kommunerna. Utbildning. Available at <https://www.kommunforbundet.fi/informationsprodukter-och-informationstjanster/webbhandbocker/fungerande-tvasprakighet/del-2/9-utbildning> (accessed: 20.09.2022).

10. Henricson, S. "Ingen pratar svenska här" – om svenskan på språköarna. *Språkbruk*, 2005. Available at <https://www.sprakbruk.fi/-/ingen-pratar-svenska-har-om-svenskan-pa-sprakoarna> (accessed: 21.09.2022).
11. Henricson, S. Svenska i finsk miljö: Interaktion, grammatik och flerspråkighet i samtal på svenska språköar i Finland. Helsingfors: Helsingfors Universitet, 2013. 259 s.
12. Holmberg, B. Språklig polarisering kännetecknade det språkpolitiska året 2018. *Språkbruk*, 2005. Available at <https://www.sprakbruk.fi/-/spraklig-polarisering-kannetecknade-det-sprakpolitiska-aret-2018> (accessed: 21.09.2022).
13. Ihalainen, K. Insändare: Språköarnas största utmaning är samtidigt dess styrka. *Hufvudstadsbladet*, 2022. Available at <https://www.hbl.fi/artikel/69d2f58e-9c2c-4432-95ee-67dab348281b> (accessed: 21.09.2022).
14. Miettinen, P. I Tavastehus satsar man svenskt – här firas både Runeberg och Lucia. *Hufvudstadsbladet*, 2022. Available at <https://www.hbl.fi/artikel/da46a3e7-3f82-4b23-bdc1-0a5e1514cc0f> (accessed: 21.09.2022).
15. Savander, J. Svenskt språk och kultur i finskspråkig omgivning. *Folkhälsan*, 2021. Available at https://www.folkhalsan.fi/nyheter/2021/december/daghem_kouvola/ (accessed: 21.09.2022).
16. Kingelin-Orrenmaa, Z. Tammerfors som en dynamisk svensk språkö – Varför väljer familjer Svenska samskolan i Tammerfors till skola för sina barn? / Kosunen R., Lepistö K., Rossi P. (red.) Svenskan i Finland 14. Uleåborg: Uleåborg Universitet, 2014. 236 s.
17. Illman, F. Att gå i en svenskspråkig skola på en språkö En studie i elevers reflektioner i slutet av den grundläggande utbildningen. Vasa: Åbo Akademi, 2020. 57 s.
18. Palmgren, M. Fin samhörighet i språkö i Lahtis. *Nya Östis*, 2022. №13. S. 26–27.
19. Palviainen, Å. Att utveckla en Jyväskyläidentitet: Undervisning på svenska i en finskdominerad miljö // Kieliverkosto, 2013. Available at <http://www.kieliverkosto.fi/article/att-utveckla-en-jyvaskylaidentitet-undervisning-pa-svenska-i-en-finsksdominerad-miljo/> (дата обращения: 21.09.2022).
20. Laurent, L. Vad håller språköarna vid liv? *Magma*studie, 2013. Available at <http://194.136.187.251/post/2013/8/30/vad-haller-sprakoarna-vid-liv> (accessed: 21.09.2022).
21. Foreningen Luckan. Information och kultur. Available at <https://luckan.fi/> (accessed: 21.09.2022).

REFERENCES

1. Statistikcentralens PxWeb databaser. Språk efter ålder och kön landskapsvis [Finland's Statistics PxWeb databases. Language by Age and Gender by Region]. Available at https://pxweb2.stat.fi/PxWeb/pxweb/sv/StatFin/StatFin__vaerak/statfin_vaerak_pxt_11rl.px/table/tableViewLayout1/ (accessed: 20.09.2022). (In Swed.).
2. Finlandssvenskrapport nr 43. [Finnish Swedish Report No. 43]. Helsingfors: Universitetstryckeriet, 2007. 56 s. Available at <http://www.vasa.abo.fi/users/ffinnas/pdf-filer/finlanssv2005.pdf> (accessed: 20.09.2022). (In Swed.).
3. Kutsoba O.S. Polozhenie shvedskogo jazyka v Finljandii: istorija i sovremennost' [The Position of the Swedish Language in Finland: History and Modernity]. Final qualifying work: bachelor's degree. Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2021. 84 p. Available at <https://elib.spbstu.ru/dl/3/2021/vr/vr21-5422.pdf/en/info> (accessed: 20.09.2022). (In Russ.).

4. Häggman, J. Strategier för minoritetsspråk – jämförelser av relevans för svenskan i Finland [Strategies for Minority Languages – Comparisons of Relevance for Swedish in Finland]. *Magma*, 2021. 106 s. (In Swed.).
5. Nationalencyklopedin. Svenskfinland [The National Encyclopedia. Swedish Finland]. Available at <https://www.ne.se/uppslagsverk/encyklopedi/l%C3%A5ng/svenskfinland> (accessed: 20.09.2022). (In Swed.).
6. Kingelin-Orrenmaa, Z. Tammerfors som svensk språkö: en etnografisk studie av språkpolicy som praktiker, processer och val i svenska rum i det inre av Finland [Tampere as a Swedish Language Island: An Ethnographic Study of Language Policy as Practices, Processes and Choices in Swedish Spaces in the Interior of Finland]. Uleåborg: Uleåborgs universitet, 2019. 282 s. (In Swed.).
7. Furtsev R.V. K voprosu ob opredelenii ponyatiya «Yazykovoy ostrov» [To the Question of the Definition of the Concept of "Language Island"]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2017. № 10 (76): v 3-kh ch. Ch. 2. S. 167–170. (In Russ.).
8. Lönnroth, H. Det femte landskapet? Svenska språköar i Finland som objekt för språkvetenskaplig forskning [The Fifth Landscape? Swedish Language Islands in Finland as Objects of Linguistic Research]. I: Berg, Kirsten M., Borg, Kaj, Ingman, Eva, Sandelin, Minna & Åberg, Anne-Maj (red.). *En färd i språket: Festskrift till Marketta Sundman på 60-årsdagen*. Åbo: Åbo Universitet, 2009. 221 s. (In Swed.).
9. Kommunförbundet. Fungerande tvåspråkighet i kommunerna. Utbildning [Association of Municipalities. Functional Bilingualism in the Municipalities. Education]. Available at <https://www.kommunforbundet.fi/informationsprodukter-och-informationstjanster/webbhandbocker/fungerande-tvasprakighet/del-2/9-utbildning> (accessed: 20.09.2022). (In Swed.).
10. Henricson, S. “Ingen pratar svenska här” – om svenskan på språköarna [”Nobody Speaks Swedish Here” – about Swedish on the Language Islands]. *Språkbruk*, 2005. Available at <https://www.sprakbruk.fi/-/ingen-pratar-svenska-har-om-svenskan-pa-sprakoarna> (accessed: 21.09.2022). (In Swed.).
11. Henricson, S. Svenska i finsk miljö: Interaktion, grammatik och flerspråkighet i samtal på svenska språköar i Finland [Swedish in a Finnish Environment: Interaction, Grammar and Multilingualism in Conversations on Swedish Language Islands in Finland]. Helsingfors: Helsingfors Universitet, 2013. 259 s. (In Swed.).
12. Holmberg, B. Språklig polarisering kännetecknade det språkpolitiska året 2018 [Linguistic Polarization Characterized the Language Policy Year 2018]. *Språkbruk*, 2005. Available at <https://www.sprakbruk.fi/-/spraklig-polarisering-kannetecknade-det-sprakpolitiska-aret-2018> (accessed: 21.09.2022). (In Swed.).
13. Ihalainen, K. Insändare: Språköarnas största utmaning är samtidigt dess styrka [Submitter: Language Queues' Biggest Challenge is at the Same Time its Strength]. *Hufvudstadsbladet*, 2022. Available at <https://www.hbl.fi/artikel/69d2f58e-9c2c-4432-95ee-67dab348281b> (accessed: 21.09.2022). (In Swed.).
14. Miettinen, P. I Tavastehus satsar man svenskt – här firas både Runeberg och Lucia [In Hämeenlinna, You are Betting Swedish – Both Runeberg and Lucia are Celebrated Here]. *Hufvudstadsbladet*, 2022. Available at <https://www.hbl.fi/artikel/da46a3e7-3f82-4b23-bdc1-0a5e1514cc0f> (accessed: 21.09.2022). (In Swed.).
15. Savander, J. Svenskt språk och kultur i finskspråkig omgivning [Swedish Language and Culture in a Finnish-Speaking Environment]. *Folkhälsan*, 2021. Available at

https://www.folkhalsan.fi/nyheter/2021/december/daghem_kouvola/ (accessed: 21.09.2022). (In Swed.).

16. Kingelin-Orrenmaa, Z. Tammerfors som en dynamisk svensk språkö – Varför väljer familjer Svenska samskolan i Tammerfors till skola för sina barn? [Tampere as a Dynamic Swedish Language Island - Why do Families Choose the Swedish Coeducational School in Tampere as a School for Their Children?] / Kosunen R., Lepistö K., Rossi P. (red.) Svenskan i Finland 14. Uleåborg: Uleåborg Universitet, 2014. 236 s. (In Swed.).

17. Illman, F. Att gå i en svenskspråkig skola på en språkö. En studie i elevers reflektioner i slutet av den grundläggande utbildningen [Attending a Swedish-Language School on a Language Island. A Study in Students' Reflections at the End of Basic Education]. Vasa: Åbo Akademi, 2020. 57 s. (In Swed.).

18. Palmgren M. Fin samhörighet i språkö i Lahtis [Nice Togetherness in the Language Island in Lahti]. *Nya Östis*, 2022. №13. S. 26–27. (In Swed.).

19. Palviainen, Å. Att utveckla en Jyväskyläidentitet: Undervisning på svenska i en finskdominerad miljö [Developing a Jyväskylä Identity: Teaching in Swedish in a Finnish-Dominated Environment]. *Kieliverkosto*, 2013. Available at <http://www.kieliverkosto.fi/article/att-utveckla-en-jyvaskylaidentitet-undervisning-pa-svenska-i-en-finsksdominerad-miljo/> (accessed: 21.09.2022). (In Swed.).

20. Laurent L. Vad håller språköarna vid liv? [What Keeps the Language Islands Alive?]. *Magmastudie*, 2013. Available at <http://194.136.187.251/post/2013/8/30/vad-haller-sprakoarna-vid-liv> (accessed: 21.09.2022). (In Swed.).

21. Foreningen Luckan. Information och kultur. [The association Luckan. Information and culture]. Available at <https://luckan.fi/> (accessed: 21.09.2022). (In Swed.).

Сведения об авторах / Information about authors

Куцоба Ольга Сергеевна – магистрант Высшей школы международных отношений. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
E-mail: olgakucoba@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5673-6338

Колесников Дмитрий Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент Высшей школы международных отношений. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: writer1984@list.ru; ORCID: 0009-0008-4582-6179

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Kutsoba Olga S. – master student, the higher school of international relations. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: olgakucoba@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5673-6338

Kolesnikov Dmitriy E. – candidate of Historical Sciences, associate professor, the higher school of international relations. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: writer1984@list.ru; ORCID: 0009-0008-4582-6179

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.01.2023. Одобрена после рецензирования 25.03.2023. Принята 30.03.2023.
Received 27.01.2023. Approved after reviewing 25.03.2023. Accepted 30.03.2023.*

research article

DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.9

The Characteristics and Influence of the “Long-Distance Nationalism” on Americans of Indian Origin

Ping Qu ✉

Chengdu Institute of World Affairs, Chengdu, China
✉ 870100179@qq.com

Wang Jianping

South Asia Research Institute of Sichuan University, Chengdu;
Institute for China’s Overseas Interests of Shenzhen University, Shenzhen, China

Abstract. *During the First World War of the 20th century, with the rise of the Indian national independence movement, the American Indian consciousness of “long-distance nationalism” began to awaken. The development of American Indian “long-distance nationalism” has gone through three main stages, and with the continuous expansion of ethnic influence, the nationalist feelings and political practice of ancestral countries are also constantly strengthening, and showing strong elitism color, transnational capital interests’ connection and internal and external mechanism coordination and integration and so on. Under the background of the current “India-Pacific Strategy”, the strengthening of the willingness to cooperate between the United States and India has provided both a cover and an opportunity for the development of “long-distance nationalism” of Indian Americans, and will play a continuous role in American society, US-India relations and even global geopolitics. The “long-distance nationalism” of Indian Americans will further deepen the “common interests” between the United States and India, and this trend will become increasingly prominent with the continuous expansion of Indian influence.*

Keywords: Americans of Indian origin; distance nationalism; immigration politics; India; United States

Funding: Project of Humanities and Social Science Research Base of the Ministry of Education, “political and legal Environment and ‘Belt and Road Initiative’ Construction Research in South Asia” (16JJJDGJW014), and the “American infiltration and impact Research in the Field of Biosafety in South Asia” (skbsh2202-31), a full-time postdoctoral research and development fund project at Sichuan University.

For citation: Ping Qu, Wang Jianping. The Characteristics and Influence of the “Long-Distance Nationalism” on Americans of Indian Origin. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 2. P. 136–148. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.9

© Ping Qu, Wang Jianping, 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

научная статья
УДК: 394
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.9

Особенности и влияние “дистанционного национализма” на американцев индийского происхождения

Пин Цюй ✉
Чэндуский институт мировых отношений, Чэнду, Китай
✉ 870100179@qq.com

Ван Цзяньпин
Научно-исследовательский институт Южной Азии
Сычуаньского университета, Чэнду;
Институт зарубежных интересов Китая
Шэньчжэньского университета, Шэньчжэнь, Китай.

Аннотация. В начале XX века, во время Первой мировой войны, в связи с ростом индийского национального движения за независимость, начинает пробуждаться сознание индийцев американского происхождения в рамках идей “дистанционного национализма” (“long-distance nationalism”). Развитие новой формы этнического национализма индийцев, проживающих в США, проходило в три основных этапа на фоне расширения этнического влияния на национальные идеи через политическую практику страны предков (Индия). Установлено, что такие связи укрепляются, осуществляется транснациональная связь интересов капитала, развиваются внутренние и внешние механизмы координации и интеграции, при этом авторами подчеркивается соблюдение сословности и элитарности. На фоне современной Индийско-Тихоокеанской стратегии развивается готовность к сотрудничеству между Соединенными Штатами и Индией, которая обеспечивает как прикрытие, так и возможность для развития “дистанционного национализма”. Американцы индийского происхождения играют и будут играть постоянную роль в американском обществе, развитии американо-индийских отношений, в том числе и в глобальной геополитике. Концепты “дистанционного национализм” еще больше углубляют “общность интересов” между Соединенными Штатами и Индией, и эта тенденция будет становиться все более заметной с постоянным ростом индийского влияния.

Ключевые слова: американцы индийского происхождения; дальний национализм; иммиграционная политика; Индия; Соединенные Штаты Америки

Финансирование: Исследования поддерживаются за счет научно-исследовательской базы гуманитарных и социальных наук Министерства образования, “Политико-правовая среда и инициатива по созданию поясов и дорог в Южной Азии” (16JDGJW014) и проекта “Американская инфильтрация и воздействие исследований в области биобезопасности в Южной Азии” (skbsh2202-31), а так же фондом исследования и развития докторантуры в Сычуаньском университете.

Для цитирования: Пин Цюй, Ван Цзяньпин. Особенности и влияние “дистанционного национализма” на американцев индийского происхождения // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 2. С. 136–148. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.9

© Пин Цюй, Ван Цзяньпин, 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Introduction and Materials

“Long Distance Nationalism”, also known as “nationalism in ancestral countries”, means that “there is still a strong sense of identity and nationalism between discrete ethnic groups and ancestral countries around the world (even more radical than nationalists in their ancestral countries), and the social movements initiated or participated have become an important force affecting the political ecology of the countries in which ethnic groups are located” [1]. This kind of political practice of discrete ethnic groups began to show prominent in American immigration society from XIX to XX century, and gradually became an important decision-making factor in American internal and foreign affairs, at the same time, it also attracted the continuous attention and research of academic circles. In 1992, Benedict Anderson (Benedict Richard O'Gorman Anderson), a famous American political scientist, formally defined this phenomenon as “distance nationalism” in his masterpiece distance nationalism: the rise of World Capitalism and identity Politics [2]. And through the expansion of anthropological research (by professor Nina Glick-Schiller of Manchester University and others), it has increasingly become an important topic in American immigration research. Due to non-immigration countries, there is a lack of understanding of the difference of nationalist emotion among migrant groups, especially the study of “long-distance nationalism”. At present, only professor Liang Maochun (Jinan University) has made a groundbreaking discussion on “remote nationalism: transnational political identity and practice of discrete ethnic groups”.

Based on the existing research results at home and abroad, and based on the theoretical perspective of “long-distance nationalism”, this paper studies the characteristics, performance and substantive impact of American Indian “long-distance nationalism”.

Results

From the end of the XIX century to the beginning of the XX century, the number of Indian ethnic groups in the United States increased rapidly, and once became the third largest Asian group in the United States on the scale of more than 10,000 people¹. Most of the Indians who lived in the United States in the early days were seafarers from East India (including today Bangladesh and West

---

¹ According to the United States Department of Homeland Security, recorded Indian immigrants to the United States began in 1820, but since then growth has been slow, until the beginning of the 20th century there was more than a thousand growth rates.

Bengal, India) and farmers from West India (Pakistan and Punjab, India), but a significant number of them did not acquire local legal status and were expatriates rather than immigrants living in the United States.

During the First World War of the XX century, with the rise of the Indian national independence movement, the American Indian consciousness of “long-distance nationalism” began to awaken. Britain increased its exploitation of the colonies in World War I and promised under the pressure of the Congress Party that India would become a “self-government” within the British Empire after the war in order to fight for Indian troops. However, instead of fulfilling its promise, Britain, after the war, brutally suppressed the Indian people who fought for their own rights and carried out the Amritze tragedy in Punjab, India”². At that time, the vast majority (85%) of the Indian population in the United States were farmers from Punjab, India [3]. As a result, he was extremely angry with the tragedy in his ancestral country and actively participated in political activities such as donations and demonstrations and solidarity against India in the United States.

However, due to the alliance between the United States and the United Kingdom, as well as the exclusion and discrimination of American whites against Asian immigrants, the “long-distance nationalism” mood and behavior of Indian Americans have aroused strong resentment by the authorities. Not only many Indian expatriates have been deported, but also many laws have been introduced to strictly restrict the immigrants of Indian ethnic groups. For example, the Supreme Court of the United States ruled in 1923 that Indian immigrants could not become American citizens because of their skin color and culture [4]. It not only fundamentally negates the possibility of Indians emigrating to the United States, but also makes Indians who have acquired legal citizenship become once again a marginalized group in American society. With the decline in the number and social status of Indian ethnic groups, the newly awakened “long-distance nationalism” of American Indians returned to silence again, a phenomenon that did not last until 1946³. It was only then that the introduction of the law was reversed.

In the middle and late 20th century, with the continuous improvement of group size, population quality and economic status, the “long-distance

---

² The Amritze massacre was carried out by British colonial forces on April 13, 1919. The colonial government believed that 379 people had been killed, but later the official Indian government believed that about 1000 people had been killed in the crackdown.

³ In 1946, the Luce-Celler Bill not only redeclared the legal American citizenship of Indian immigrants, but also allowed 100 Indians to emigrate legally to the United States each year.

nationalism” of American Indians has been presented in various fields such as political society and so on. “Liyin” is not only a kind of political slogan / posture, but increasingly transformed into a continuous political practice. The Indian population in the United States has grown from 10, 000 in 1965 to more than 1.67 million in 2020, and the improvement in the quality of the population is to make Indian Americans among the high-income ethnic groups in the United States, which provides a material basis for the “long-distance nationalism” surrounding the interests of India, where they personally promote the consumption level of Indian families and the real growth of the country's GDP⁴ through “remittances”. And began to try to use their social status in the United States to exert a comprehensive influence. As Raja Mohan, a prominent strategic scientist published by the Ministry of Foreign Affairs of India, said, he believes that “there are a large number of overseas Indians and outstanding achievements, and they become the strongest support for India's rise and a manifestation of India's global soft power” [5]. The Indian government also recognized the great energy of overseas Indian people at the end of the 20th century, so it specially amended the Indian nationality Law at the Cabinet meeting on May 6, 2003, and decided to grant Indian people living in eight major western developed countries (the United States, France, the Netherlands, the United Kingdom, Italy, Ireland, Canada, Australia, etc.) the status of “dual nationality”. Subsequently, on December 22 of that year, a congressional bill was passed again to allow Indian people with 16 nationalities, such as the United States and the United Kingdom, to apply for Indian nationality at the same time to recognize their dual nationality. This position of the Indian government is not only an affirmation of the overseas Indian people's development of India, but also a way of “political identity” to further stimulate the feelings and actions of overseas Indian “long-distance nationalism”.

At the beginning of the XXI century, Indian Americans have become one of the most important minority groups in the political and economic system of the United States. They play an important role in the positioning and decision-making of US-India relations. They use the external resources they have to directly assist the internal and external problems faced by the ancestral country India. During this period, the social status of Indian Americans has been further improved, the most prominent symbol is that Indians have entered the “core

---

⁴ Gross Domestic Product (GDP) is a measure of the total economic output of a country. It is the sum of all the goods and services produced within a country over a given period.

decision-making level” in the political and economic field of the United States. Both federal / local government and large enterprises have a large number of Indians as leadership. They use their own resources to actively participate in the political practice of the United States, especially pay particular attention to matters related to India's interests, and assist their ancestral countries to achieve a breakthrough in political diplomacy and economic and cultural development. For example, the controversial US-India Nuclear Agreement in 2006⁵.

The reason why it was passed in both houses is entirely the result of the comprehensive influence of Indian Americans in all walks of life in the United States: on the one hand, Indian-American lobbying groups actively enlist the support of members of both houses of Congress; on the other hand, they use the status of some Indian federal officials to organize high-level political forums to promote India's views on the nuclear issue. On the other hand, it is to fully mobilize public opinion and conduct a public defense in famous American media (such as the New York Times, the Washington Times, the National Public Radio, etc.) [6]. A bill essentially “nuclear proliferation” is packaged as an agreement to safeguard the “nuclear non-proliferation regime” and “US-India relations”. Thus, it can be seen that the “long-distance nationalism” of American Indians has been able to safeguard or even expand the interests of their ancestral countries by influencing the core decision-making levels of the United States. As former US Senator Burnbeck commented on the influence of Indian Americans: “the success of Indian immigrants in various fields has contributed to their active involvement in politics, and now Indian Americans have far more influence and ability than they actually have” [7, p. 329].

Discussion

According to the different positions of discrete ethnic groups towards their ancestral countries, Schiller marked anti-colonialism, separatist, seeking regime change and transnational political participation as the characteristics of distance nationalists. American Indian Americans also show the above characteristics in the historical process of American social and political practice, but in the context of the new era, they show the following three aspects of uniqueness.

---

⁵ At first, the Senate and House of Representatives of the United States strongly opposed the “US-India Nuclear Agreement,” believing that this violated the original intention of the United States to establish a “nuclear non-proliferation regime,” and ran counter to the national interests of the United States. But after lobbying for it, US lawmakers changed their position and turned to agree to such a nuclear agreement in India's national interest.

The Color of Elitism is Strong

The biggest difference between Indian Americans and Indian expatriates living in other countries is that their own elite color is extremely strong, which is to some extent influenced by American immigration policy. Before 1965, the American immigration law extended the quota system based on the “national origin clause” in 1920. Indian immigrants to the United States can only rely on a limited number of “family reunion immigrants”, both in terms of population size and quality and skills. In 1965, the United States adopted the Immigration and Naturalization Act (also known as Hart Keller Act), which abolished the quota system and strengthened the openness of “skilled immigration”. Since then, the elite from all walks of life in India have begun to emigrate to the United States. In the first 10 years of the immigration bill alone, 20, 000 scientists, 25000 doctors and 40, 000 engineers in India emigrated to the United States, accounting for as much as 95 per cent of India's total immigration [8, p. 14]. Of course, India's intellectual elite yearning for the United States is also an important reason for a large number of skilled immigrants. According to statistics since the 1970s, the proportion of Indian high-skilled talents choosing the United States as a destination among developed countries is as high as 80% [9].

Because of the high proportion of Indian elite in the United States, it shows the political practice of “long-distance nationalism”, not only traditional demonstrations, electoral solidarity and media propaganda, but also implicit political lobbying, economic assistance and technology transfer with typical elite nationalist behavior. For example, since 2001, Indian Americans have further strengthened their lobbying for both parties in the United States, and the resulting “Indian Policy Seminar in the United States Congress” has become an important platform for Indian Americans to lobby members of Congress to strive for decisions that are beneficial to their own ethnic and ancestral countries, India [10]. As Indian influence continues to expand, James M. Lindsay, former vice chairman of the House Foreign Relations Committee, predicted as early as 2002: “in the next few years, Indian Americans are most likely to develop into an important political force” support [11, p. 762].

Interconnection of Transnational Capital Interests

At present, a large proportion of the chief executives of American multinational corporations are held by American Indian Americans, so they show their “long-distance nationalism” demand for their ancestral country India in the

United States, and at the same time, they represent the interests of transnational capital in the Indian market. Among them, India, as a global arm purchasing power, the United States military-industrial complex attaches great importance to the potential of the Indian market, so it hopes to stimulate nationalism in India and the long-distance nationalism of American Indians by means of regional tensions, and promote the expansion of American military products in the Indian market. This is also an important reason why Indian-American Vivek Lall has been able to serve as senior management of many American military giants, such as Thor, Boeing, Lockheed Martin, General Atomic and so on. Vivek Lall strives to promote arms sales cooperation and military technology exchanges between the United States and India, and has played a key role in almost all US-India military cooperation projects, which is not only the result that American military giants want to see, but also the result of the development of India's military industry and core technology by American Indians. For example, in February 2020, it used his role as a member of the Federal Aviation Advisory Council of the United States to play a key role in a number of important US-India aerospace and defense manufacturing transactions and cooperation. It can even be said that he has promoted the “Pan-Indian Strategic Industrial Cooperation” of the United States on his own [12]. In addition, he also promoted the transfer of manufacturing supply chain to India through the particularity of the military industry, transferring the key and complex F16 wing production line from Israel to India during his tenure in Lockheed Martin [13]. It has promoted the localization of many kinds of American weapons in India.

The “long-distance nationalism” of American Indian executives such as Viviral is common in all industries in the United States, with Indian companies appointing Indian executives to 1/3, far more than other minorities, especially Internet technology companies in Silicon Valley, such as Motorola, Nokia, MasterCard, Microsoft, etc., almost all of them are Indian chief executives. Therefore, in looking at the position of “distance nationalism” of Indian Americans, we should also emphasize the capital interests, market demand and the power brokers endorsed by them, and the combination of them promotes the sustainability of “distance nationalism” of Indian Americans.

Synergetic Integration of Internal and External Mechanisms

Different from the traditional “long-distance nationalism” in the last century, Indian Americans have a high degree of organization in expressing their feelings

and behavior, and attach great importance to the construction of institutionalization, so as to promote the goal of “long-distance nationalism” in the system.

On the one hand, by establishing and strengthening the political cooperation mechanism between the United States and India, Indian Americans provide effective, legal and reasonable official channels for the achievement of the goal of “long-distance nationalism”. Indian Americans actively participated in the political activities of the United States. As early as the 1988 US presidential election, Indian Americans organized US \$100000 and US \$650000 for Republicans and Democrats respectively, initially demonstrating their political power to all sectors of American society. By the beginning of the 21st century, the Biden administration had consolidated the power of Indian Americans in American politics. As many as 17 of the 20 Indian-Americans on the Biden campaign held key positions in the White House, which also marked the overall display of Indian influence in American politics, so that President J. Biden personally admitted that “Indian Americans are taking over the United States” [5, 14]. With their great influence in politics, Indians have established a series of official channels of communication around US-India relations, such as the US-India political Action Committee (USINPAC) and the “connection between Indian and Indian ethnic groups” in the US Congress, which are political tools for Indian Americans to exert influence in US politics and safeguard the interests of Indian and Indian ethnic groups.

On the other hand, Indian Americans strengthen their own internal integration and enhance their own cohesion in order to consolidate the organizational foundation of “long-distance nationalism”. With the continuous improvement of the number and social status of Indian ethnic groups, Indian ethnic organizations representing different interest groups have been rising rapidly since the 1970s, covering political, economic, cultural and other fields [15] instead of competing with each other, these organizations have cooperated and developed with each other, such as the Indian-American Forum on political Education (IAFPE), the Indian Union (AIA) and the National Union of Indian American Associations (NFIA), which facilitated a joint meeting in Washington at the beginning of the XXI century to seek joint efforts to expand their influence, and subsequently held a joint reception on Capitol Hill. To show the unity and social influence of Indian people from all walks of life. In addition, American Indian immigrants have achieved remarkable results in the fields of joint inter-ethnic participation in politics, litigation, resistance to protest, the use

of mass media and other media for their own interests and claims for the rights of their ancestral countries [16].

On the whole, although the purpose of American Indian “long-distance nationalism” is still around the interests of ancestral countries, the specific forms and procedures have broken through Anderson and Schiller's traditional definition of “long-distance nationalism”. Rallies, processions, violent demonstrations and material donations have been replaced by political lobbying, technical assistance and capital bundling. On the one hand, this change is due to the evolution of political practice itself in the context of globalization, on the other hand, it is also determined by the nature of the American Indian class.

*The Political and Economic Influence of Indian
“long-Distance Nationalism”*

“Long-distance nationalism” is a kind of political intention dominated by sensibility, but sensibility is immediate, temporary and even impulsive. Only rational “interest anchoring” can realize this perceptual continuity and deepening, and the result of “interest anchoring” is bound to seek political and economic feedback or the expansion of influence. From this perspective, the reason why American Indian “long-distance nationalism” can continue to ferment is not only emotionally maintaining nostalgia for the ancestral country, but also because of the demands of political and economic interests and the display of influence.

On the one hand, the “long-distance nationalism” of Indian Americans will further deepen the “common interests” between the United States and India, and this trend will become increasingly prominent with the continuous expansion of Indian influence. As early as during the Biden campaign, he publicly said that “as president, I will continue to rely on Indian-Americans to unite the United States and India.” on his own cabinet list nominated in January 2021, only 1 percent of Indian-Americans contributed more than 20 candidates, including Vice President Kamala Harris⁶. Whether it is a public statement or a substantive personnel arrangement, the Biden government has fully reflected the radiation power of the political and economic influence of American Indians. This practical influence has become an important platform and tool for Indians

---

⁶ Kamala Harris, one of her own names, Kamala (Kamala), was taken by her Indian mother Shyamala Gopalan, implying India's national flower "Lotus" in Indian, expressing her deep feelings for her ancestral country, India.

to practice “long-distance nationalism”. The Biden government abandoned its tough position against India on many issues, such as the trade dispute between the United States and India, human rights in Kashmir, and arms sales cooperation between India and Russia, and instead sought to achieve a breakthrough in quasi-alliance relations, such as the basic Exchange and Cooperation Agreement on Geo-Spatial Cooperation signed at the end of 2021 and the Maritime Information sharing Technology Agreement, which is being discussed in early 2022. In fact, India-US relations have been upgraded from ordinary partners to “quasi-allies”.

On the other hand, the “long-distance nationalism” of Indian people will become an important thrust of the “India-Pacific strategy” and will be the coupling point of interests for the two countries to compete with China. Because the United States has always adhered to the Cold War mentality, and there is a realistic territorial dispute between India and China, the two countries have interests in the field of competition with China. Under the background of “India-India strategy,” they have successively formed the “alliance of four countries” between the United States, India, Japan and Australia, and the “four-sided mechanism” between the United States, India, Japan and Israel. The “long-distance nationalism” of American Indians supporting the interests of India will be covered by the continuing tension in Sino-US relations, and at the same time provide opportunities and windows for further deepening the cooperation between the two countries under the “India-Pacific Strategy.” the increasingly close relations between the two countries will once again promote the overall extension of Indian influence in the United States. Although this is an unstable variable for global peace and development, as far as the interests of American Indians are concerned, the “Indian strategy” around the Chinese issue is a treacherous “virtuous circle”.

Of course, there are also huge political differences among Indian Americans, especially the differences in ideology and ruling ideas between the Congress Party and the Indian people`s Party. For example, senior Indian officials in the United States have generally expressed dissatisfaction with Modi's government in the aspects of human rights and farmers' rights and interests in Kashmir. However, it should also be deeply understood that the further strengthening of the willingness to cooperate between the United States and India and the continuous expansion of the influence of American Indians are not only the driving force but also the opportunity to consolidate the ethnic basis and the tendency of public opinion of Indian “long-distance nationalism”.

REFERENCES

1. 梁茂春 Liang Maochun. 远距离民族主义: 离散族群的跨国政治认同与实践 [Distance Nationalism: Transnational Political Identity and Practice of Discrete Ethnic Groups]. 08.05.2020. 世界民族 [World Nationalities]. Available at https://www.sohu.com/a/383673793_618422 (In Chin.).
2. Anderson, B.R.O'G. Long-Distance Nationalism: World Capitalism and the Rise of Identity Politics. Amsterdam: Centre for Asian Studies, 1992. 14 p. Available at http://www.mariteslmendoza.com/english242dfiles/WL_Anderson.pdf (accessed: 12.10.2022).
3. 滕海区 Teng Haiqu. 美国印度裔族群的形成及其经济成就探析 [An Analysis of the Formation and ECONOMIC Achievement of the Indian American ethnic Group]. 10.09.2013. 华侨华人历史研究 [A Study on the History of Overseas Chinese]. Available at http://www.mgyj.com/american_studies/2013/fourth/fourth06.htm (In Chin.).
4. Helweg, A.W., Helweg, U.M. An Immigrant Success Story: East Indians in America. University of Pennsylvania Press, Philadelphia. 1990. 297 p.
5. C. Raja Mohan. Indian diaspora and soft power. *The Hindu*. 2003. Vol. 6. P. 99–115.
6. Kirk, J.A. Indian-Americans and the US-India Nuclear Agreement: Consolidation of an Ethnic Lobby? *Foreign Policy Analysis*. 2008. Vol. 4. Iss. 3. P. 275–300. <https://doi.org/10.1111/j.1743-8594.2008.00070.x>.
7. Hathaway, R.M. Coming of Age: Indian-Americans and the US Congress. *India and the United States in a Changing World*. Edit. by Kapur A., Malik Y.K. et all. New Delhi: Sage Publications, London: Thousand Oaks, 2002. P. 386–411.
8. Bhatia, S. American Karma: Race, Culture and Identity in the Indian Diaspora. New York: New York University Press, 2007. 270 p.
9. Khadria, B. India: Skilled Migration to Developed Countries, Labour Migration to the Gulf. *Migration and Development: Perspectives from the South*. Edit. by Castles S., Delgado R. Geneva: International Organization for Migration (IOM), 2008. P. 79–112.
10. 刘军 Liu Jun. 印裔美国人现状及对印度的影响 [The Present Situation of Indian Americans and its Influence on India]. 09.07.2007. 南亚研究季刊 [Quarterly Journal of South Asian Studies]. Available at <https://www.baidu.com/link?url=-4I1Kf4hQp6Sf8Zl9nQgdtBr7ybtuKmOSSLa6ualuRWcfv2Yfo3Ao3f2KHov4tcYfcpeYJ-uWjUICcJBjF-vq&wd=&eqid=fe371f54000118ad000000066474796f> (In Chin.).
11. Kurien, P. Who Speaks for Indian Americans? Religion, Ethnicity, and Political Formation. *American Quarterly*. 2007. Vol. 59. Iss. 3. P. 759–783. Available at https://scholar.google.com/citations?view_op=view_citation&hl=en&user=0IE8quMAAAAJ&citation_for_view=0IE8quMAAAAJ:YsMSGLbcyi4C (accessed: 16.10.2022).
12. Industrial Security Pact Represents Historic Progression between India, US: Lockheed VP Vivek Lall. 09 Jan 2020. *The Economic Times*. Available at <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/industrial-security-pact-represents-historic-progression-between-india-us-lockheed-vp-vivek-lall/articleshow/73166684.cms> (accessed: 17.10.2022).
13. Miglani, S. Lockheed to Begin Supplying F-16 Wings from Indian Plant in 2020. 26 Sept 2019. Reuters. Available at <https://www.reuters.com/article/us-lockheed-india-idUSKBN1WB1W5> (accessed: 17.10.2022).
14. Indian-Americans Taking over US, Says Joe Biden as They keep Getting Key Positions. 05 Mar 2021. *The Economic Times*. Available at

https://economictimes.indiatimes.com/nri/work/indian-americans-taking-over-us-says-joe-biden-as-they-keep-getting-key-positions/articleshow/81341861.cms?%20Utm_source=contentofinterest&utm_medium=txt&utm_campaign=cppst (accessed: 19.10.2022).

15. *Diaspora Philanthropy and Equitable Development in China and India (Studies in Global Equity)*. Edit. by Peter F. Geithner, Paula D. Johnson, Lincoln C. Chen. Published by Global Equity Initiative, Asia Center, Harvard University, 2004. 416 p.

16. 滕海区 Teng Haiqu. 论美国印裔族群的政治参与 [On the Political Participation of Indian Ethnic Groups in the United States]. 02.01.2014. 南亚研究 [South Asian Studies]. Available at https://xueshu.baidu.com/usercenter/paper/show?paperid=200dcec8a4532a8d24f3a37c69a3cd87&site=xueshu_se (In Chin.).

17. 罗文宝 Luo Wenbao, 王彦 Wang Yan. 优化理论视角下印度产业结构升级路径及对我国的启示 [From the Perspective of Optimization Theory, India's Industrial Structure Upgrading Path and its Enlightenment to China]. 02.05.2021. 南亚研究季刊 [Quarterly Journal of South Asian Studies]. Available at https://www.baidu.com/link?url=Jd27uSNfwSu6hO14Nunv7Tf7vG4SJQthHFux73AN9VewF1jwq3ynBwc8ZF4q0kqjP_S9wsVvp8G4iZmXxvLKa&wd=&eqid=c8731333000661720000000664747b24 (In Chin.).

Сведения об авторах / Information about authors

Пин Цюй – научный сотрудник.

Чэндуский институт мировых отношений, Чэнду, Китай.

E-mail: 870100179@qq.com

Ван Цзяньпин – научный сотрудник.

Научно-исследовательский институт Южной Азии Сычуаньского университета, Чэнду; Институт зарубежных интересов Китая Шэньчжэньского университета, Шэньчжэнь, Китай.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Ping Qu – Research fellow.

Chengdu Institute of World Affairs, Chengdu, China.

E-mail: 870100179@qq.com

Wang Jianping – Research fellow.

South Asia Research Institute of Sichuan University, Chengdu; Institute for China's Overseas Interests of Shenzhen University, Shenzhen, China.

The authores declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.02.2023. Одобрена после рецензирования 30.03.2023. Принята 08.04.2023.
Received 24.02.2023. Approved after reviewing 30.03.2023. Accepted 08.04.2023.*

Научная статья
УДК: 323.173
DOI: 10.48612/RG/RGW.26.2.10

История формирования национальной политики Китая в отношении малочисленных народностей Синьцзяна (1911–1976)

Милькевич Федор Петрович ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ fedyamilkevich@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7817-9309>

***Аннотация.** Несмотря на то, что политика культурной ассимиляции уже не раз позволяла правительству Китая выйти победителем из внутренних этнических противоречий, такая же стратегия в Синьцзянь-Уйгурском автономном районе приводит к усилению протестных настроений и уменьшает авторитет китайского правительства в районе. В научной литературе практически отсутствуют исследования, систематизирующие опыт таких конфликтов в Китае. Целью исследования является хронология и систематизация наиболее существенных противоречий в Синьцзяне с начала Синьхайской революции в 1911 г. до окончания «культурной революции» в 1976 г. Исследование опирается на анализ официальных статистических данных, программных документов Коммунистической партии Китая и законов Китайской Народной Республики. В исследовании используются метод сравнительного анализа и контент-анализ официальных документов, историографического обзора известных точек зрения по национальному вопросу в Синьцзяне, результаты современных научных изысканий отечественных и западных историков. Результаты исследования показывают, что основной особенностью внутренней политики Китая в отношении национальных проблем является ее направленность на использование ранее применявшихся методов и сохранение status-quo. Такая стратегия исторически доказала свою несостоятельность ввиду сопутствующего ей народного недовольства. Практическое значение исследования состоит в возможности использования полученных выводов при аргументировании причин низкой эффективности борьбы властей КНР с развитием локального сепаратистского движения и роста индекса терроризма в стране.*

Ключевые слова: Китай; Синьцзян-Уйгурский автономный район; Восточный Туркестан; уйгуры; Производственно-строительный корпус; национальная политика

Для цитирования: Милькевич Ф.П. История формирования национальной политики Китая в отношении малочисленных народностей Синьцзяна (1759–1960) // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 2. С. 149–162. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.10

© Милькевич Ф.П., 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 323.173

DOI: 10.48612/RG/RGW.26.2.10

History of China's National Policy on Small Xinjiang Nationalities (1911–1976)

Fedor P. Milkevich ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ fedyamilkevich@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7817-9309>

Abstract. *Despite the fact that the policy of cultural assimilation has more than once allowed the Chinese government to gradually emerge victorious from internal ethnic conflicts, the same strategy in Xinjiang only leads to an increase in protest sentiments and aggravates the position of the authority of the Chinese government in the region. However, a sufficient number of scientific papers that would systematize the experience of previous conflicts in China have not been found. The purpose of the study is to chronologically structure the most significant issues of Xinjiang region from the beginning of the Xinhai Revolution in 1911 to the end of the "cultural revolution" in 1976. The study is based on the analysis of official statistics, program documents of the Communist Party of China and the laws of the People's Republic of China. The study uses the method of comparative analysis and content analysis of official documents, a historiographic review of known points of view on the national question of Xinjiang, the results of modern scientific research by domestic and Western historians. The results of the study show that the main feature of China's policy towards the national problems of Xinjiang is its focus on using previously used methods and maintaining the status quo. Such strategy has historically proved untenable due to the popular discontent that accompanies it. The practical significance of the study lies in the possibility of using the findings when arguing the reasons for the low effectiveness of the struggle of the PRC authorities against the development of a local separatist movement and the growth of the country's terrorism index.*

Keywords: China; Xinjiang; East Turkestan; uighurs; Xinjiang Production and Construction Corps; national policy

For citation: Milkevich, F.P. History of China's National Policy on Small Xinjiang Nationalities (1759–1960). *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 2. P. 149–162. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.10

© Milkevich, F.P., 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Синьцзян (сокращенное китайское название "Синь" 新) – регион, которому издавна были свойственны не только различия населявших его народов, но и активный культурный обмен между ними. Будучи

заселенным в бронзовом веке, регион является один из древнейших очагов восточной культуры. Через оазисы Кашгарии и Джунгарии проходил Великий шелковый путь, что делало регион особенно важным. Взаимопроникновение культур Синьцзяна, их слияние в единую общность и противостояние этой общности ханьской культуре является лишь последствием объединения этого региона в одну административную единицу в границах Китайской империи. Именно поэтому за последние несколько веков Синьцзян запомнился исторической науке скорее как регион постоянного столкновения не только религиозных, культурных, но и диаметрально противоположных политических течений.

При подготовке статьи использовалось коллективное исследование советских ученых-китаистов: Богословского В.А., Кузьминой А.М., Лхама Ж., изданное в период ухудшения отношений Советского Союза с Китаем. Вместе с тем были проанализированы результаты исследований современных востоковедов, что позволило провести сравнительный анализ отличий в восприятии событий в Синьцзяне у отечественных исследователей, находящихся в условиях политической конъюнктуры. Для уточнения сведений, выходящих за XX век, был использован очерк истории Синьцзян-Уйгурского автономного района, подготовленный российскими историками Барминым В.А. и Дмитриевым С.В. Помимо отечественных авторов были исследованы работы зарубежных ученых, и их точка зрения на формирование синьцзянского вопроса.

Актуальность изучения обуславливается тем, что, несмотря на многовековую историю соседства цивилизаций, Синьцзян-Уйгурский автономный район и граничащие с ним территории остаются камнем преткновения в решении многих проблемных ситуаций не только самого Китая, но и всего региона Центральной Азии. Отсутствие осведомленности в вопросе исторического формирования конфликтов в регионе обрекает Китайское руководство и его среднеазиатских партнеров вновь повторить ошибки, совершенные, когда-то их предшественниками. В 2002 г. Китай официально объявил о присоединении к “мировой войне с терроризмом”. Террористические акты Сентября 2001 г. в США привели к сближению Китая и западных стран в вопросе защиты от террористических угроз. Однако, далее правительством Китая предпринимаются шаги по противодействию террористической активности вплоть до 2016 г., которые,

на наш взгляд, увеличивали глобальный индекс терроризма страны [1]. В связи с этим, целью предлагаемого исследования является систематизация наиболее существенных противоречий в Синьцзяне с момента его покорения китайской династией Цин (1760 г.). Для изучения истории взаимодействия китайских властей с противоборствующими силами в Синьцзяне автором предлагается историографический обзор имеющихся точек зрения, использованы метод сравнительного анализа и контент-анализ программных документов КПК.

Материалы, результаты исследования и их обсуждение

Синьцзян, называющийся в китайских исторических хрониках как "Западный край" ("Сиюй" 西域), расположен на северо-западе Китая. Его общая площадь составляет 1,66 миллион квадратных километров, и занимает одну шестую часть всего Китая. Граничит с Монголией, Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Афганистаном, Пакистаном и Индией, и занимает первое место среди всех районов Китая по протяженности сухопутных границ (5600 км) [2].

Синьцзян-Уйгурский автономный район (далее СУАР¹) богат полезными ископаемыми и стратегическими ресурсами. В древности и в Средневековье здесь проходил Великий шелковый путь, который способствовал процветанию края и служил экономическим и культурным мостом, соединявшим Китай, Центральную Азию и Европу. СУАР также является одним из самых многонациональных районов Китая. Здесь проживают представители 47 национальностей, а общая численность населения составляет около 24 миллионов человек, из них порядка 42% – это представители титульной для Китая нации хань, а 45% – уйгуры [3].

До XVIII века уйгурские государственные образования неоднократно переживали периоды расцвета и оказывали существенное влияние на политику имперского Китая. Однако, наиболее крупные уйгурские государства на этой территории – Джунгария и Восточный Туркестан – фактически прекратили свое независимое существование к 1759 г. [4].

После объединения Синьцзяна под властью Цинской династии в 1760 г. было начато широкомасштабное освоение данной территории,

---

¹ Синьцзян-Уйгурский автономный район.

которое было обусловлено тремя основными причинами. Первой причиной являлась объективная необходимость в освоении этой новой территории страны для развития единого многонационального государства. Вторая причина заключалась в длительной истории развития сельского хозяйства края и наличии предпосылок к возделыванию земель переселенцами военных поселений. Третьей причиной являлись благоприятные для сельскохозяйственного освоения географические условия. Особенности развития Синьцзяна заключаются в целенаправленной, организованной, планомерной деятельности правительства и имел поступательный характер [5].

Как уже было сказано, ядром процесса освоения Синьцзяна в эпоху Цин выступало развитие сельского хозяйства за счет освоения целины, как военными, так гражданскими лицами под управлением военных поселений. Объединение и освоение Синьцзяна способствовали развитию и укреплению единого многонационального государства, а освоение целины поддерживало социально-экономическое развитие региона и укрепление межнациональных экономических и культурных связей. Наконец, освоение Синьцзяна в эпоху Цин послужило толчком для строительства и развития в регионе современных городов.

После Синьхайской революции ("Синьхай гэмин" 辛亥革命) в 1911 г. Синьцзян долгое время оставался неподвластным волнениям, охватившим страну. Однако, чувствуя ослабевающую хватку династии Цин, еще до отречения императора Пу И (溥儀) от престола в феврале 1912 г., военные гарнизоны предпринимали попытки восстать против правящих властей. В ходе такого восстания 7 января 1912 г. в Кульдже были убиты губернатор и его приближенный круг маньчжурских чиновников. Вплоть до 1920-х гг. в ряде городов продолжают вспыхивать народные волнения, однако ни одно из них не находит поддержки Советского Союза, не желавшего портить отношения с Китаем.

Однако, Советский Союз, тем не менее, поддерживал крепкие двусторонние торговые отношения с богатым полезными ископаемыми районом. Начиная с 1920-х гг. правительство Синьцзяна усиленными темпами развивает экономические связи с СССР, который в тот период остро нуждался в сырье. В самом Синьцзяне ощущалась нехватка

непосредственно готовой продукции, что способствовало укреплению торгово-экономических связей [6].

Стоит отметить, что в это же время, в период с начала 1920-х гг., под давлением Советского Союза, коммунистическая партия Китая (КПК) неоднократно поддерживала идеи решения национальных вопросов малых народностей Китая путем самоопределения. Подобный подход поддерживался и участниками III съезда КПК в 1923 г. [7], и делегатами VI съезда КПК (оказавшегося под особенно сильным влиянием Коминтерна), прошедшего в 1928 г. [8].

Такая позиция коммунистов была обусловлена обстоятельствами, в которых находилась партия. Гоминьдан, при решении национального вопроса, всегда рассматривал малые народности и территорию, на которой они проживают, как неотделимую часть Китая [9]. Тем не менее, даже Гоминьдан выделил некоторое число мест в Национальном собрании для представителей меньшинств. Это было оговорено во временной конституции 1931 г. и, в основном, делалось для привлечения на свою сторону земледельцев и интеллигенции из числа малых народностей [10].

В течение 1930-х гг. и вплоть до начала Второй мировой войны в регионе наблюдается усиление повстанческого движения. Все еще рассчитывая на ресурсы региона, Советский Союз неоднократно помогал пришедшему к власти в 1933 г. генералу Шэн Шицаю (盛世才) подавлять волнения. Однако к 1942 г. Шэн Шицай начинает ориентироваться на Гоминьдан, чем отталкивает от себя Советский Союз. Совместные предприятия, организованные на территории Синьцзяна демонтируются, советские специалисты отзываются, части Красной Армии выводятся обратно в СССР.

В октябре 1944 г. в северных, приграничных СССР округах Синьцзяна, вспыхнуло очередное восстание. Причинами волнений стали прекращение торговли с Советским Союзом, на которую опиралось местное население, и реквизиция имущества уйгуров в пользу китайской армии. В ноябре того же года при активной поддержке СССР восставшими был захвачен г. Кульджа, а революционный комитет, руководивший выступлениями, провозгласил создание Восточно-Туркестанской республики (ВТР). Однако, уже в августе следующего года Советский Союз подписал

с центральным правительством Китая “Договор о дружбе и союзе”. Один из пунктов договора (за подписью В.М. Молотова и министра иностранных дел Китая Ван Шицзе) заявлял об отсутствии намерений у СССР вмешиваться во внутренние дела Китая [11].

СССР быстро свернуло поставки вооружения для ВТР² и отозвал инструкторов, а мятежному правительству было рекомендовано вступить в незамедлительные мирные переговоры с провинциальным правительством. В результате под давлением Советского Союза, делегация во главе с президентом ВТР Алиханом Тюре и членом ВКП(б)³ Эхметжаном Касыми начала переговоры с представителями Гоминьдана.

По результатам этих переговоров было создано коалиционное правительство, которому передавались функции правительства ВТР. Тем не менее, жесткие условия договора, который не включал в себя ни статьи об уйгурской автономии, ни адекватного распределения мест в правительстве, привели к тому, что союз не продержался долго, а все бывшие члены ВТР покинули коалиционное правительство уже к 1947 г. Стоит заметить, что это шло вразрез даже с официальной позицией КПК, которая еще в апреле 1945 г. утвердила новый устав партии, где закреплялось будущее предоставление права на самоопределение всем нацменьшинствам [12].

Первые демографические исследования в XX в. в Синьцзяне были проведены в 1940–1941 гг., затем, в 1953 г. последовала полноценная перепись населения. Оба исследования указывали на значительное преобладание уйгуров в регионе. В период с 1941 по 1953 гг. доля этнических ханьцев в Синьцзяне составляла всего лишь 5–6% от общего населения, а плотность населения была примерно в десять раз меньше, чем в прибрежных районах КНР [13]. Таким образом, переселение ханьцев в СУАР имело своей целью решить сложную демографическую ситуацию региона. Помимо этого, правительство Китая надеялось таким образом “успокоить” район для осуществления дальнейшей экономической политики.

КПК видела возможность укрепить свою власть в районе, используя метод, который исторически уже доказал свою полезность. По образу военных колоний (“Туньянь” 屯田), занимавшихся обработкой удаленных

---

² Восточно-Туркестанская республики.

³ Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).

от столиц земель при династии Тан ("Танчао" 唐朝), в 1954 г. был создан Синьцзянский производственно-строительный корпус ("Синьцзян шэнчань цзяньшэ бинтуань" 新疆生产建设兵团) [14]. Благодаря различным социально-экономическим реформам уже к концу 1950 г. в Синьцзяне действовали передовые подразделения НОАК⁴, а в 1954 г. туда было переброшено от семи до десяти тысяч различных строительных и производственных кадров, что заложило базу для создания Корпуса [15]. Состоявшееся в декабре того же года первое совещание производственно-строительного корпуса утвердило Тао Чжиюэ, Ван Энмао и других бывших ветеранов НОАК в качестве высшего звена руководства корпуса, передав фактическую власть представителям ханьской национальности [16].

Синьцзянский ПСК⁵ оказывал поддержку силам НОАК, особенно в годы ухудшения отношений с СССР. Бригады корпуса обеспечивали военных базовой инфраструктурой, рабочей силой и даже участвовали в боевых действиях в качестве легковооруженных подразделений. В поселениях отряды ПСК выполняли функции милиции и ополчения [17].

Официальное название в составе Китайской Народной Республики Синьцзян получил в 1955 г., когда центральное правительство КНР распорядилось заменить название на Синьцзян-Уйгурский автономный район.

С 1950-х годов власти КНР продолжают политику "китаизации" отдаленной провинции, переселяя туда представителей титульной нации. В конце 1960-х годов во время "Культурной революции" ("Вэньхуа дагэмин" 文化大革命) правительство Китая лишь создавало видимость обещанной уйгурам национальной автономии. Интенсивная колонизация Синьцзяна, заселение его ханьцами, расселение уйгуров, казахов, дунган, монголов и других некитайских национальностей в пустынные и засушливые земли, сопровождаются нарушением прав коренного населения, что вызывает сильное недовольство народов Синьцзяна и эскалацию национальных противоречий. Китайское правительство откровенно не доверяло местному неханьскому населению, содействуя переселению в эти районы представителей титульной нации и расселению уйгуров в другие регионы.

---

⁴ Народно-освободительной армии Китая.

⁵ Производственно-строительный корпус.

Проводимая национальная политика КНР в отношении уйгуров, проживающих в регионе, вызывала все большее противодействие со стороны меньшинств. Недовольство местного населения усиливались с каждым годом «Большого скачка» и «Культурной революции». Ухудшающиеся отношения между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой, регулярные вооруженные конфликты между двумя державами, в том числе и в приграничных землях (например, конфликт в районе озера Жаланашколь 1969 г.) способствовали и росту напряжения внутри района.

Вместе с тем, перед Компартией Китая стояла довольно конкретная задача по подготовке квалифицированных кадров из числа нацменьшинств для системы самоуправления, обещанного при образовании КНР. Для этого был проведен ряд реформ ликвидации безграмотности на территории СУАР. По всей стране была произведена унификация языка, а в школах КНР начал преподаваться путунхуа ("Путунхуа" 普通话) как основной язык. Подобные меры отнюдь не разрешали межнациональный конфликт в регионе, а усиливали его. Вставал вопрос о том, как эти методы соотносятся с заявлениями правительства КНР о продвижении и охране языков и культуры национальных меньшинств [18].

Подобные проблемы возникали не только в СУАР, но и в других национальных автономиях, которые были созданы согласно Конституции КНР 1954 г. [19]. В результате, уже на VIII съезде коммунистической партии Китая в 1956 г. было объявлено о повсеместной борьбе с "ханьским шовинизмом". Делегациями были выработаны пути решения многих проблем, в рамках съезда намечена обширная программа по экономическому и политическому развитию Синьцзяна с привлечением большого количества национальных кадров.

Однако, данным нововведениям не суждено было претвориться в жизнь, и уже в следующем году пленум ЦК КПК одобрил чистку партии, «Большой скачок» и борьбу с правыми. При чистке госаппарата избавлялись не от «ханьских шовинистов», а от "местных националистов" и сочувствующих им чиновников. "Большой скачок" оказал трагическое воздействие на сельскохозяйственный сектор СУАР. Центральное правительство реорганизовывало крестьянские кооперативы в коммуны,

большинство из которых не имели ни знаний, ни материально-технического оснащения для ведения сельского хозяйства.

К началу 1959 г. около 5800 кооперативов были соединены в 451 крестьянскую коммуну. Земля и все орудия крестьян попадали в собственность коммун, но их не хватало. В течение 1959 г. во всех коммунах насчитывалось не более 10 комбайнов и 540 тракторов, в то время как планировалось освоить около 530 тысяч гектаров целины, а производство зерна увеличить в два с половиной раза, до 6,6 миллионов тонн.

Проблемы назревали не только в экономической, но и социально-культурной сфере. Обещанные на момент основания КНР преференции и уступки для автономий все чаще отодвигались на второй план и забывались. Такие проекты как двуязычное образование в уйгурских школах, наряду с продвижением национальной литературы и прессы начали считаться противоречащими идеям строительства социализма. В это время культурное слияние и ассимиляция (с выраженным предпочтением народу хань) представлялись единственно правильным методом урегулирования и без того сложной ситуации в районе [20].

За годы «Культурной революции» прошло несколько этнических чисток руководящих органов. Почти все имевшиеся в 1966 г. органы местного самоуправления в СУАР были распущены, а их функции на себя брали назначенные из Пекина революционные комитеты.

Следует отметить проведенную в 1962 г. реформу, в ходе которой арабский алфавит, использовавшийся в СУАР, был заменен латинским. Примерно в это же время началось постепенное вытеснение уйгурского языка из художественной и учебной литературы. Почти 370 тысяч книг, написанных на уйгурском и арабском языках, были уничтожены. Пройдет около двадцати лет, прежде чем ситуация улучшится с началом периода политики реформ и открытости ("гайгэ кайфан" 改革开放). Однако это не спасло Синьцзян-Уйгурский автономный район от "языкового разрыва" между поколениями, оказывающего негативное влияние на сохранение уйгурской культуры и развитие национальной литературы.

Заключение

Несмотря на то, что за последние несколько веков Синьцзян неоднократно становился объектом споров и противоречий, а имевшие

место конфликты в большей степени являлись повторением предшествовавших им столкновений с новыми участниками, правительство Китая продолжает повторять уже совершенные когда-то ошибки. Безусловно, Пекин понимает о несостоятельности политики "фабрики наций" Советского Союза, а потому действует проверенными веками методами сближения культур [21]. Однако, данные методы в большей степени воспринимались и воспринимаются малыми народностями как насильственная ассимиляция и подмена их культуры ханьской. Как было показано выше, подобный подход привел к возникновению текущей напряженности в национальном районе, а внутренняя политика направлена на замораживание конфликта и сохранение текущего положения вещей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. 2022. Global Terrorism Index. *Vision of Humanity*: Available at <https://www.visionofhumanity.org/maps/global-terrorism-index/#/> (accessed: 28.01.2023).
2. Синьцзян байду бай цы тьяо 新疆百度百词条 [Синьцзян. Запись в энциклопедии Baidu]. [эл. доступ]. URL: https://baike.baidu.com/item/%E6%96%B0%E7%96%86/132263?fromModule=lemma_search-box (дата обращения: 16.11.2022).
3. Синьцзян вэй'эр цзычжицюй ди ци цы цюаньго жэнькоу пуча чжюяо шуцзюй 新疆维吾尔自治区第七次全国人口普查主要数据 [Основные данные седьмой национальной переписи населения Синьцзян-Уйгурского автономного района]. [эл. доступ]. URL: http://penang.china-consulate.gov.cn/zt/zgfbz/202106/t20210616_8967434.htm#:~:text=%E5%85%A8%E5%8C%BA%E5%B8%B8%E4%BD%8F%E4%BA%BA%E5%8F%A3%E4%B8%AD,%E4%B8%87%E4%BA%BA%EF%BC%8C%E5%A2%9E%E9%95%BF16.2%25%E3%80%82 (дата обращения 16.11.2022).
4. Пастухов А.М. Ойратская политика Цяньлуна // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 2. С. 19–29.
5. История и развитие Синьцзяна (Белая книга). 31.05.2003 // Официальный сайт министерства иностранных дел КНР: [сайт]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zt/ce_ceml_chn/zfbps/200305/t20030531_878963.html (дата обращения 16.11.2022).
6. Бармин В.А., Дмитриев С.В., Шматов В.Г. Синьцзян: очерк истории региона // Общество и государство в Китае. 2016. Т. 46. № 2. С. 209–244.
7. Чжунго Гунчаньдан ди эр цы цюаньго дайбяо дахуэй сюаньянь 中国共产党第二次全国代表大会宣言 [Манифест Второго национального съезда Коммунистической партии Китая]. [эл. доступ]. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64554/4428164.html> (дата обращения 28.11.2022).
8. Чжунго Гунчаньдан ди лю цзе дайбяо дахуэй чжэнчжи цзюэи ань 中国共产党第六届代表大会政治决议案 [Политическая резолюция VI съезда Коммунистической партии

Китая]. [эл. доступ]. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64558/4527130.html> (дата обращения 28.11.2022).

9. Санин К.А. Западный край Китая (к вопросу об истории восприятия Синьцзяна и Центральной Азии в Китае) // *Общество и государство в Китае*. 2017. Т. 47. № 1. С. 207–216.

10. Временная конституция Китая 1931 г. // *Конституций государств (стран) мира*. Библиотека конституций Пашкова Романа: [сайт]. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=1071> (дата обращения: 29.11.2022).

11. Поликарпов И.А. Причина поражения «Революции трех округов 1944–1949 гг.» // *Мир Евразии*. 2010. Т. 8. № 1. С. 50–53.

12. Чжунго Гунчаньдан данчжан 中国共产党党章 [Устав Коммунистической партии Китая]. [эл. доступ]. URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64559/4442095.html> (дата обращения: 8.12.2022).

13. Grbović, V. Ethnodemographic Specifications of Xinjiang (PR of China) // *Zbornik radova-Geografski fakultet Univerziteta u Beogradu*. 2019. №. 67(2). С. 85–98. DOI: 10.5937/zrgfub1902085G.

14. Глазунов Д.А. Роль Ван Чжэня в возрождении Синьцзянского производственно-строительного корпуса (начало 1980-х гг.) // *Известия Алтайского государственного университета*. 2021. № 3(119). С. 46–53. DOI: 10.14258/izvasu(2021)3-06.

15. Clarke, M.E. *Xinjiang and China's Rise in Central Asia – A History*. Abingdon: Routledge, 2011, 224 p. <https://doi.org/10.4324/9780203831113>.

16. McMillen, D.H. Xinjiang and the Production and Construction Corps: a Han Organization in a Non-Han Region. *The Australian Journal of Chinese Affairs*. 1981. Vol. 6. Available at <http://www.jstor.org/stable/2159052> (accessed: 08.12.2022).

17. Бурдачева Д.В. Синьцзянский производственно-строительный корпус в англоязычной историографии: магистерская диссертация по направлению подготовки: 41.04.01 - Зарубежное регионоведение. Барнаул, 2020. 92 с.

18. Ли Цзяньчжун. Рассуждения об особенностях института национальных районных автономий КНР // *Magister Dixit*. 2014. №4(16). [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rassuzhdeniya-ob-osobennostyah-instituta-natsionalnyh-rayonnyh-avtonomiy-knr> (дата обращения: 28.01.2023).

19. Чжунхуа Жэньминь Гунхэго сяньфа 中华人民共和国宪法 [Конституция Китайской Народной Республики 1954 г.]. [эл. доступ]. URL: <https://news.12371.cn/2015/03/18/ART1426665514681575.shtml> (дата обращения: 08.12.2022).

20. Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР / Редкол. М.И. Сладковский (отв. ред.) и др.; Ин-т Дальнего Востока АН СССР. Москва: Политиздат, 1975. 126 с.

21. Фу Л., Лбова Л.В. Современная политика правительства КНР в урегулировании этно-конфессиональных конфликтов в Синьцзянь-Уйгурском автономном районе // *Россия в глобальном мире*. 2022. № 23(46). С. 53–68. DOI: 10.48612/rg/RGW.23.4.

REFERENCES

1. 2022. Global Terrorism Index. *Vision of Humanity*: Available at <https://www.visionofhumanity.org/maps/global-terrorism-index/#/> (accessed: 28.01.2023).

2. Sin'czyan bajdu baj cy tyao 新疆百度百词条 [Xinjiang Baidu Encyclopedia Entry]. Available at https://baike.baidu.com/item/%E6%96%B0%E7%96%86/132263?fromModule=lemma_search-box (accessed: 16.11.2022). (In Chin.).
3. Sin'czyan veju'er cychzhicyuj di ci cy cyuan'go zhen'kou pucha chzhuyao shuczyuj 新疆维吾尔自治区第七次全国人口普查主要数据 [Key Data of the 7th National Population Census of the Xinjiang Uygur Autonomous Region]. Available at http://penang.china-consulate.gov.cn/zt/zgfz/202106/t20210616_8967434.htm#:~:text=%E5%85%A8%E5%8C%BA%E5%B8%B8%E4%BD%8F%E4%BA%BA%E5%8F%A3%E4%B8%AD,%E4%B8%87%E4%BA%BA%EF%BC%8C%E5%A2%9E%E9%95%BF16.2%25%E3%80%82 (accessed: 16.11.2022). (In Chin.).
4. Pastuhov A.M. Ojratskaya politika Cyan'luna [Oirat Policy of Qianlong] *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN*. 2009. № 2. P. 19–29. (In Russ.).
5. Istoriya i razvitie Sin'czyana (Belaya kniga) [History and Development of Xinjiang (White Paper)]. 31.05.2003 *Oficial'nyj sajt ministerstva inostrannyh del KNR*. Available at https://www.fmprc.gov.cn/rus/zt/ce_ceml_chn/zfbps/200305/t20030531_878963.html (accessed: 16.11.2022). (In Russ.).
6. Barmin V.A., Dmitriev S.V., SHmatov V.G. Sin'czyan: ocherk istorii regiona [Xinjiang: an Outline of the History of the Region]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. 2016. T. 46. № 2. P. 209–244. (in Russ.).
7. Chzhungo Gunchan'dan di er cy cyuan'go dajbyao dahuej syuan'yan' 中国共产党第二次全国代表大会宣言 [Manifesto of the Second National Congress of the Communist Party of China]. Available at <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64554/4428164.html> (accessed: 28.11.2022). (in Chin.).
8. Chzhungo Gunchan'dan di lyu cze dajbyao dahuej chzhenchzhi czyuei an '中国共产党第六届代表大会政治决议案 [Political Resolution of the VI Congress of the Communist Party of China]. Available at <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64558/4527130.html> (accessed: 28.11.2022). (in Chin.).
9. Sanin K.A. Zapadnyj kraj Kitaya (k voprosu ob istorii vospriyatiya Sin'czyana i Central'noj Azii v Kitae) [The Western Territory of China (the Question of the History of Perception of Xinjiang and Central Asia in China)]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. 2017. T. 47. № 1. P. 207–216. (In Russ.).
10. Vremennaya konstituciya Kitaya 1931 g. [Provisional Constitution of China 1931]. *Konstitucij gosudarstv (stran) mira*. Biblioteka konstitucij Pashkova Romana. Available at <https://worldconstitutions.ru/?p=1071> (accessed: 29.11.2022). (In Russ.).
11. Polikarpov I.A. Prichina porazheniya «Revolyucii trekh okrugov 1944–1949 gg.» [The Reason for the Defeat of the "Revolution of the Three Districts of 1944–1949."]. *Mir Evrazii*. 2010. T. 8. № 1. P. 50–53. (In Russ.).
12. Chzhungo Gunchan'dan danchzhan 中国共产党党章 [Charter of the Communist Party of China]. Available at <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64559/4442095.html> (accessed: 8.12.2022). (in Chin.).
13. Grbović, V. Ethnodemographic Specifications of Xinjiang (PR of China) // *Zbornik radova-Geografski fakultet Univerziteta u Beogradu*. 2019. №. 67(2). C. 85–98. DOI: 10.5937/zrgfub1902085G.
14. Glazunov D.A. Rol' Van Chzhenya v vozrozhdenii Sin'czyanskogo proizvodstvenno-stroitel'nogo korpusa (nachalo 1980-h gg.) [The Role of Wang Zhen in the Revival of the

Xinjiang Production and Construction Corps (in the Early 1980s)]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021. № 3(119). P. 46–53. (In Russ.). DOI: 10.14258/izvasu(2021)3-06.

15. Clarke, M.E. Xinjiang and China's Rise in Central Asia – A History. Abingdon: Routledge, 2011, 224 p. <https://doi.org/10.4324/9780203831113>.

16. McMillen, D.H. Xinjiang and the Production and Construction Corps: a Han Organization in a Non-Han Region. *The Australian Journal of Chinese Affairs*. 1981. Vol. 6. Available at <http://www.jstor.org/stable/2159052> (accessed: 08.12.2022).

17. Burdacheva D.V. Sin'czyanskij proizvodstvenno-stroitel'nyj korpus v angloyazychnoj istoriografii [Xinjiang Production and Construction Corps in English Historiography]: masterskaja dissertacija po napravleniju podgotovki: 41.04.01 – Zarubezhnoe regionovedenie. Barnaul, 2020. 92 p. (In Russ.).

18. Li Czyan'chzhun. Rassuzhdeniya ob osobennostyah instituta nacional'nyh rajonnyh avtonomij KNR [Discourses on the Features of the Institute of National Regional Autonomies of the People's Republic of China]. *Magister Dixit*. 2014. №4(16). Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/rassuzhdeniya-ob-osobennostyah-instituta-natsionalnyh-rayonnyh-avtonomiy-kgmr> (accessed: 28.01.2023). (In Russ.).

19. Chzhunhua ZHen'min' Gunhego syan'fa 中华人民共和国宪法 [Constitution of the People's Republic of China 1954]. Available at <https://news.12371.cn/2015/03/18/ARTI1426665514681575.shtml> (accessed: 08.12.2022). (in Chin.).

20. Velikoderzhavnaja politika maoistov v nacional'nyh rajonah KNR [Great Power Policy of the Maoists in the National Areas of the People's Republic of China]. Redkol. M.I. Sladkovskij (otv. red.) i dr.; In-t Dal'nego Vostoka AN SSSR. Moskva: Politizdat, 1975. 126 p. (in Russ.).

21. Fu L., Lbova L.V. Sovremennaya politika pravitelstva KNR v uregulirovanii etno-konfessionalnykh konfliktov v Sintszyan-Uygurskom avtonomnom rayone [Contemporary Politics of the China's Government in the Adjustment of Ethno-Confessional Conflicts in the Xinjiang-Uyghur Autonomic Region]. *Russia in the Global World*. 2022. T. 46. № 23. P 53–68. DOI: 10.48612/rg/RGW.23.4. (In Russ.)

Сведения об авторах / Information about authors

Милькевич Федор Петрович – аспирант Высшей школы международных отношений. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: milkevich.fp@edu.spbstu.ru; ORCID: 0000-0002-7817-9309

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Milkevich Fedor P. – Postgraduate student of the Higher School of International Relations. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: milkevich.fp@edu.spbstu.ru; ORCID: 0000-0002-7817-9309

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.01.2023. Одобрена после рецензирования 20.03.2023. Принята 04.04.2023
Received 15.01.2023. Approved after reviewing 20.03.2023. Accepted 04.04.2023.*

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ EURASIAN INTEGRATION

research article

DOI: 10.48612/RG/RGW.26.2.11

Promoting International Exchange and Cooperation in Vocational Education in the Context of “One Belt, One Road”

Xie Shihong ✉

Shandong Vocational College of Light Industry, Shandong, China

✉ 2328276384@qq.com

Abstract. *Since the “Belt and Road” strategy was proposed, Chinese universities have taken measures to strengthen international cooperation and exchange with countries and regions along the “Belt and Road”. The joint construction of “One Belt, One Road” requires not only hard connectivity in terms of economic development and infrastructure construction, but also soft connectivity in terms of cultural cooperation and exchange, talent training and technology exchange. Education is the foundation of national prosperity and the source of national rejuvenation. Especially, higher vocational education, as an important national education undertaking, shoulders a great responsibility to promote international cooperation and exchange. There are now both new opportunities and challenges for international exchange and cooperation in vocational education in China. However, the implementation of the “One Belt, One Road” initiative is aimed at developing new opportunities for higher education and vocational training. Communities need to overcome difficulties, actively implement programs and activities of international relations and cooperation in vocational education in order to achieve better interaction and communication between and within countries.*

Keywords: economic development; talent training; educational cooperation; technology exchange; globalization

For citation: Xie Shihong. Promoting International Exchange and Cooperation in Vocational Education in the Context of “One Belt, One Road”. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 2. P. 163–174. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.11

© Xie Shihong, 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

научная статья

УДК: 327.8

DOI: 10.48612/RG/RGW.26.2.11

Развитие международного обмена и сотрудничества в области профессионального образования в контексте инициативы «Один пояс, один путь»

Се Шихун ✉

Шаньдунский профессиональный колледж легкой промышленности, Китай
✉ 2328276384@qq.com

***Аннотация.** Предложенная стратегия развития “Один пояс, один путь” способствует развитию мер в китайских университетах по укреплению международного сотрудничества и активизации обмена со странами и регионами, входящими в проект. Совместная реализация инициативы требует не только жесткое соединение с точки зрения экономического развития и строительства инфраструктуры, но и использования инструментов мягкой силы с точки зрения активизации культурного сотрудничества и партнерства, подготовки кадров и обмена технологиями. Образование является основой национального процветания и источником национального возрождения. В частности, на высшее профессиональное образование как на важный национальный образовательный проект, возлагается огромная ответственность за развитие международного сотрудничества и партнерства. В настоящее время существуют как новые возможности, так и проблемы для международного обмена и сотрудничества в области профессионального образования в Китае. Однако реализация инициативы “Один пояс, один путь” направлена на развитие новых возможностей для высшего образования и профессионального обучения. Обществам необходимо преодолевать трудности, активно внедрять программы и мероприятия международных отношений и сотрудничества в профессиональном образовании, чтобы добиться лучшего взаимодействия и общения между странами и внутри стран.*

Ключевые слова: Экономическое развитие; подготовка талантов; сотрудничество в области образования; обмен технологиями; глобализация

Для цитирования: Се Шихун. Развитие международного обмена и сотрудничества в области профессионального образования в контексте инициативы «Один пояс, один путь» // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 2. С. 163–174. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.11

© Се Шихун, 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Introduction and Materials

The introduction and development of the “Belt and Road” strategy has promoted friendly cooperation between China and countries along the route. In the past 10 years, the “Belt and Road” initiative has become richer in

connotation and more and more partners, and is leading a new round of globalization. The joint construction of “One Belt, One Road” requires not only hard connectivity in terms of economic development and infrastructure construction, but also soft connectivity in terms of cultural cooperation and exchange, talent training and technology exchange. Strengthening the exchange and cooperation of vocational education between China and the “Belt and Road” co-construction countries will become an important direction for future educational exchanges, and can inject new momentum into the construction of the “Road of Civilization”.

Results

Under the strategy of “One Belt and One Road”, “internationalization of higher vocational education has become the leading trend in the development of higher vocational education, providing a new platform for vocational education with Chinese characteristics to go global” [1]. In this process, China's higher vocational institutions are facing both good opportunities and great challenges.

The Process of Globalization and China's Reform and Opening up Provide Intrinsic Motivation for International Exchange and Cooperation in Vocational Education

Economic development is the fundamental motive. In today's world, economic globalization continues to develop deeply, and resources such as capital, technology and talents are effectively allocated, especially the competition for talents has become an important factor of international competitiveness. In order to be based on the current wave of reform and opening up, higher vocational colleges and universities should “focus on cultivating students' practical skills and innovation ability, and cultivate high-quality technical and skilled talents with international vision, so as to realize the international allocation of human resources in the global scope” [2]. In the context of globalization, international competition is becoming increasingly fierce, the importance of cultural soft power is highlighted, and the cultivation of scientific and technological talents has become a key way for each country to enhance its competitiveness, which has put forward the intrinsic motivation for higher education institutions to cultivate skilled talents.

Therefore, vocational colleges should “accelerate the internationalization of higher vocational education from a practical point of view, and cultivate

highly qualified and skilled talents with international vision who can adapt to the requirements of economic globalization and information globalization” [3].

*The “One Belt, One Road” Strategy Provides an Effective Platform
for International Exchange and Cooperation
of Higher Vocational Education in China*

With the continuous development of “One Belt, One Road” strategy, the pace of “going out” of Chinese enterprises and “coming in” of enterprises in countries along the “One Belt, One Road” has accelerated. The demand for skilled international talents from countries and regions along the “Belt and Road” has also increased, which provides a new platform and way for higher vocational colleges to cultivate skilled international talents and participate in the process of global international exchange and cooperation. “To cultivate localized engineering and construction talents along the route and build economic and cultural interconnection, vocational education exchange becomes the golden key to open the door” [4]. Some countries along the Belt and Road are in great need of Chinese educational institutions to train their talents, especially vocational education. In order to meet the needs of talent training in the countries along the route, many higher vocational institutions in China have accepted international students from many countries in Central Asia and Africa to further their studies in China, such as the “High Speed Railway Luban College” jointly established by China and Thailand in April 2019, which is jointly built by Wuhan Railway Vocational and Technical College of China and Ban Pai Industrial Community Education College of Thailand. The goal of the college is, on the one hand, to provide academic education and railroad staff training to cultivate Thai technical skill personnel for high-speed railway; on the other hand, to be able to provide technical talents for the smooth implementation of Sino-Thai railroad projects.

Challenges to International Exchange in Vocational Education

In the new era, the level of international exchange and cooperation of China's higher vocational institutions has improved significantly, but with the in-depth development of the “Belt and Road” strategy, higher vocational institutions are also facing a series of challenges.

Inadequate Internationalization System and Mechanism in Vocational Colleges

The reason for the unsound system and mechanism is that the system development has not kept pace with the rapid economic development, which is reflected in the higher vocational education level: the international exchange and cooperation system and mechanism are unsound. Many vocational colleges and universities still follow the traditional mode of school running, lacking basic management regulations and systems, such as, “Regulations on the Management of International Students” and “Regulations on the Management of International Exchange Students” [5].

In addition, at present, most vocational colleges and universities do not have professional management teams and professional management organizations. Although most schools have relevant departmental organizations such as international cooperation and exchange offices, which are responsible for international exchange, international students and other related affairs, the training of their personnel is not in place, and some of them even have difficulties in language communication.

Low Internationalization Level and Weak Internationalization Awareness in Vocational Colleges

In terms of training objectives and positioning, many higher vocational institutions have vague objectives and positioning, and single training mode. International exchange and cooperation only stay at the level of language training, short-term study tours, etc. “The training objectives, training mode and curriculum design of international talents do not meet the requirements of the Belt and Road Initiative, and lack systematic design, development and implementation” [6]. These deficiencies do not allow teachers and students to learn advanced professional knowledge and educational management concepts.

In addition, there is a serious problem of weak internationalization consciousness in international exchange and cooperation of higher vocational colleges and universities, many of them have not established the development concept of serving the “Belt and Road” strategy, and the consciousness lags behind the practice. The practice of “One Belt, One Road” is developing very well, but the advanced internationalization concept that matches it has not kept pace with it. In addition, due to the influence of the unsound internationalization

system and mechanism, some institutions have not planned a reasonable internationalization idea and a clear way to run the school.

*Insufficient Faculty Level, Capacity and Funding
in Vocational Institutions*

In the field of Sino-foreign cooperative education in many vocational colleges, especially in the teaching activities of professional courses, domestic teachers usually teach for our teachers, but there is the problem of higher professionalism and lower foreign language level, while foreign teachers are the opposite, with high foreign language level and lower professional level. “According to the existing constraints of objective factors such as approval and training programs and funding for going abroad on official business, the opportunities for domestic teachers to study and train abroad (abroad) are relatively reduced, and it is difficult to improve the level of competence” [7].

*The Significance of International Exchanges in Vocational Education
in the Context of “One Belt, One Road”*

The “One Belt, One Road” strategy is of great practical significance, and in the education cooperation, it can provide an important way for the participating countries and regions to exchange talents and learn from each other.

*Benefit from the Social Benefits of Promoting International Exchange and
Cooperation Among Countries Along the Belt and Road*

First of all, international exchange and cooperation in vocational education in the context of “One Belt, One Road” is conducive to cultivating more excellent teachers, expanding teachers' international vision, enhancing their theoretical basic knowledge and professional skills, improving their teaching practice, and improving the low level and insufficient ability of teachers in vocational colleges.

Secondly, the construction of excellent faculty helps to improve the level of higher education institutions and the goal of talent training. Insist on “serving the 'Belt and Road' national strategy as the purpose, insisting on open schooling and special schooling in the service, actively seeking new opportunities for development and creating new highlights of international exchange and cooperation” [8; 15]. Cultivate high quality international talents with solid

theoretical foundation knowledge and excellent professional skills that meet the needs of countries along the route.

Again, to promote cultural cooperation and exchange among countries along the “Belt and Road”, through the talent cultivation goal of higher vocational education, it can meet the talent demand of countries along the route, and at the same time, it is conducive to the building of exchange and mutual trust between different countries and societies. China has always pursued the cultural concept of “openness, tolerance and inclusion” in the cooperation, and insisted on people-oriented to consolidate the foundation of cultural exchange; insisted on innovation to lead and inject new vitality into cultural exchange.

*The Way to Promote the Internationalization of Vocational Education
in China and Build a Strong Country of Higher Education*

Education is the foundation of national prosperity and the source of national rejuvenation. Especially, higher vocational education, as an important national education undertaking, shoulders a great responsibility to promote international cooperation and exchange. “Enrich the content of overseas cooperative education, jointly set up training centers and vocational colleges, create a hierarchical vocational education and training system, and cultivate all kinds of talents that serve the needs of local economic and social development” [9]. As mentioned in the previous article, China's higher vocational education is facing a series of problems such as unsound internationalization system, low internationalization level and weak internationalization consciousness, etc. International exchange and cooperation in education through the Belt and Road Initiative can help solve these problems and promote the internationalization of higher education in China.

The level of internationalization is an important indicator to measure the standard of running a university, and it is also a basic function of higher education institutions in China to serve the national strategic planning. The internationalization of vocational education in the context of “One Belt and One Road” is a major initiative of China to deepen and expand the level of opening up to the outside world, which helps to promote the rational allocation of educational resources and factors worldwide and enhance the flow of talents, capital and technology among countries.

*Helps Strengthen the Cultural Soft Power of the Chinese Nation
and Enhance the Status of the International Community*

Chinese culture is profound and has a long history, but the rest of the world does not have a comprehensive or even biased understanding of Chinese culture. Nowadays, cultural strength is becoming more and more important in the international community. The construction of “One Belt and One Road” needs not only the hard connection of infrastructure construction, but also the soft connection of talent, skills and cultural exchange, and the talent cultivation in higher education institutions is the strategic fulcrum and key to the construction of “One Belt and One Road” [13]. Talent and technology are important components of cultural soft power. The international exchange of vocational education is one of the important ways of cultural exchange, which provides an effective window for the world to understand Chinese culture.

Discussion

In order to change the status quo of the superstructure (inadequate institutions and mechanisms) lagging behind the economic foundation (the “Belt and Road” practice) and to better promote international exchanges and cooperation in vocational education, both the state and vocational institutions should speed up the pace of reform and strengthen the improvement and development of the superstructure and system to adapt to the “Belt and Road” construction. The current situation of “One Belt, One Road” construction.

*At the National Level, Three Points of Emphasis Need to be Made
from System Innovation, Institutional Innovation and Mechanism Innovation*

The first one is: institutional innovation. Based on the strategic goal of “going out” of Chinese enterprises [14], integrated vocational education aims at cultivating international, high-quality and skillful talents, and actively explores the establishment of the goal of “going out” of vocational education as a support, and forms a system that is conducive to the construction of cross-border production and education. The system guarantees for the integration of cross-border industry and education. By establishing and improving the framework of the national vocational education system, we strive to explore the interconnection of academic certificates, degree certificates and vocational skill level certificates.

The second is: institutional innovation. The characteristics of vocational education are different from those of general education, and vocational education focuses on cultivating students' professional skills and hands-on abilities. For the international exchange of vocational education, we can try to establish a teaching system based on the cultivation of professional and skilled talents to meet the demand of international and skilled talents from different countries along the “Belt and Road”.

The third one is: mechanism innovation. Different countries have different needs for skilled personnel. To ensure that our talent training meets the multi-level and different needs of countries along the “Belt and Road”, we can actively explore the establishment of different cooperation and multi-country cooperation mechanisms for cross-border vocational education systems. At the same time, we should improve the funding mechanism, clarify the details of the income and expenditure of the exchange economy of “One Belt, One Road” countries, support the cooperation between schools and enterprises, and improve the low level of teaching in higher vocational institutions due to insufficient funding.

*At the Level of Vocational Institutions, it is Necessary to Update
the Educational Concept, Innovate the Teaching Mode
and Enhance Interaction and Communication*

First of all, many vocational institutions have the problem of weak internationalization awareness and low internationalization level; therefore, “vocational institutions should further change their concepts, introduce international advanced vocational standards, professional curricula, teaching material systems and educational resources, and actively provide students with higher and better international vision opportunities and platforms” [10].

Secondly, we should innovate the teaching mode. Change the traditional teacher on the podium lecture, students listen to the lecture classroom model, the introduction of practical operation classroom. Can be taught in the practical training base: while practical training, while learning theory, students remember more deeply. Promote schools and enterprises to strengthen in-depth cooperation and create a number of high-level practical training bases. Combine theoretical learning with practical operation to improve students' hands-on skills. Launch a

pilot 1+X certificate system and enhance the importance of hands-on certificates.

Finally, in the interactive communication. On the one hand, to build a “dual-teacher” teacher team and improve the overall quality and level of teachers, vocational institutions can implement public recruitment of high-skilled, high-level and high-quality talents by direct inspection [11; 12]; schools need to regularly organize and send professional backbone teachers to study and visit abroad to improve the teacher team construction, improve the foreign language level of local teachers, and improve the level of diplomatic professional skills. On the other hand, we need to carry out deep and multi-dimensional exchange activities for teachers and students abroad, and expand exchange programs along the Belt and Road, such as language training and summer international exchange programs, to enhance interaction and exchange with countries along the route.

REFERENCES

1. 郭霄鹏 Guo Xiaopeng 张笑予 Zhang Xiaoyu. “一带一路”教育学类研究的热点主题与未来展望——基于 CSSCI 文献分析(2013–2019 年).西安财经大学学报 [Hot Topics and Future Prospects of Education Research on "One Belt and One Road" Based on CSSCI Literature Analysis (2013–2019)]. 11.04.2020. 西安财经大学学报 [*Journal of Xi'an University of Finance and Economics*]. Available at <http://www.lninfo.com.cn:8088/ShowDetail.aspx?d=1016&id=QKW20202020081800050132&m=QKW20202020081800050132> (accessed: 03.09.2022). (In Chin.).
2. 王金鑫 Wang Jinxin. 推进新时期职业院校国际交流与合作的探究 [Exploration on Promoting International Exchange and Cooperation of Vocational Colleges in the New Era]. 06.05.2020. 中共太原市委党校学报 [*Journal of the Party School of the CPC Taiyuan Municipal Committee*]. Available at <https://www.baidu.com/link?url=hcTP8epuwXmyujQ5Rjx4pDNiOOvFAEOg5YsoCUH9K86vOp3ufP6OE0beOeOVPO&wd=&eqid=87d615050008e86e000000664747d60>. (accessed: 08.09.2022) (In Chin.).
3. 张正萍 Zhang Zhengping. “一带一路”背景下高等职业教育国际化发展的挑战与对策研究 [Research on Challenges and Countermeasures of Internationalization of Higher Vocational Education in the Context of "One Belt and One Road"]. 06.08.2020. 工业和信息化教育 [*Industrial and Information Technology Education*]. Available at <https://www.gwyoo.com/lunwen/jiaoyue/jialun/202007/724200.html>. (accessed: 08.10.2022). (In Chin.).
4. 石书羽 Shi Shuyu. 高职院校服务“一带一路”建设实证研究——以辽宁建筑职业学院马来西亚“鲁班工坊”为例 [An Empirical Study of Higher Education Institutions Serving the Construction of "One Belt, One Road": the Example of "Luban Workshop" in

Malaysia of Liaoning Vocational College of Construction]. 25.06.2020. 辽宁高职学报 [Journal of Liaoning Higher Vocational Education]. Available at https://www.baidu.com/link?url=kTHKFLx1h83GAZSTGVbr_x5d_LhPXQi8UFUVtRXDG2kUibZzecHzlk_1XXBXh5cfGY9AaWV7BOyvXvASHSj4qDipou2nJGYJezdrFGYpG&wd=&eqid=9908a8560009862300000006647480b9. (accessed: 08.10.2022). (In Chin.).

5. 李梦卿 Li Mengqing, 邢晓 Xing Yao. “双高计划”背景下高职院校专业建设的路径 [Research on the Development Path of Vocational Education for International Students in the Context of "Double-High Plan"]. 18.07.2020. 高等教育研究 [Journal of Higher Education]. Available at <https://www.baidu.com/link?url=FMLrYq-2VDkRkMRPyNyge9hcfqDY3TiqUgAy1etZBbKWJV5pBhxHZ8eqN1TC58fZhNNDwz6dRTMQEyeOXfkQq&wd=&eqid=af3be2610009faa20000000664748175>. (accessed: 07.10.2022). (In Chin.).

6. On January 24, 2019, the National Implementation Plan for Vocational Education Reform. the National Implementation Plan for Vocational Education Reform. The National Implementation Plan for Vocational Education Reform in: *The State Council issued*, 2019, on January, 24.

7. 胡毕良 Hu Biliang. “一带一路：文明互鉴与文化互通研讨会”在珠海召开 [Dean of "One Belt, One Road" Institute (Zhuhai), Beijing Normal University. Speech at "One Belt, One Road: Seminar on Mutual Appreciation of Civilizations and Cultural Interaction"]. 30.11.2019. Available at <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1651794972153230601&wfr=spider&for=pc>. (accessed: 07.10.2022). (In Chin.).

8. 新的国际形势下推动“一带一路”交流合作 [Guangming.com: Promoting "One Belt, One Road" Exchange and Cooperation in the New International Situation]. Available at http://www.gmw.cn/xueshu/2020-06/01/content_33878571.htm (accessed: 16.10.2022). (In Chin.).

9. Ma Xiao. Strengthening vocational education cooperation along the Belt and Road can be done from four levels. *People's Daily*. 2019, on June, 24.

10. 孟凡华 Meng Fanhua, 周晶 Zhou Jing, 董衍美 Dong Yanmei. 由热眼向洋到走向世界——改革开放 40 年来职业教育国际交流与合作的历程、特征及展望 [From Hot Eyes to the World to the World - the History, Characteristics and Prospects of International Exchange and Cooperation in Vocational Education in the Past 40 Years of Reform and Opening Up]. 10.09.2018. 职业技术教育 [Vocational and Technical Education]. Available at <http://www.cqvip.com/qk/96203x/201821/676789200.html>. (accessed: 26.10.2022) (In Chin.).

11. 董斌 Dong Bin. 做好新时期高职教育国际交流与合作的思考 [Reflections on International Exchange and Cooperation of Higher Vocational Education in the New Era]. 09.08.2017. 辽宁高职学报 [Liaoning Journal of Higher Vocational Education]. Available at <https://m.fx361.com/news/2019/0112/14796251.html>. (accessed: 26.10.2022). (In Chin.).

12. 欧松华 Ou Songhua. 中国-老挝职业教育国际交流与合作模式探析. [Laos Vocational Education International Exchange and Cooperation Model]. 03.09.2021. 中外企业文化 [Chinese and Foreign Enterprise Culture]. Available at https://www.baidu.com/link?url=2nCIMWFXN6JJ1HsLoorMQN_r7neta6vFqoVCk264j

QMkGu4WKszNazHLHNpW19qXdKBG880tXf0r_6Jr9sYRV4j2OtT_CrgVo6C3VyRqet6TVOWbUCpyPpdmpf37Zaa&wd=&eqid=dc0e96da0000041a0000000664749672.

(accessed: 28.10.2022). (In Chin.).

13. 张磊 Zhang Lei, 邱懿 Qiu Yi, 何正英等 He Zhengying etc. 构建职业教育国际交流合作新格局的逻辑内涵与实践路径 [The Logical Connotation and Practical Path of Building a New Pattern of International Exchange and Cooperation In Vocational Education]. 11.08.2022. 中国职业技术教育 [China Vocational and Technical Education]. Available at <http://www.lninfo.com.cn:8088/ShowDetail.aspx?d=1016&id=QKW20222022101800034738>. (accessed: 25.10.2022). (In Chin.).

14. 莫兵 Mo Bing. 职业教育国际交流与合作之路探索 [Exploring the Road of International Exchange and Cooperation in Vocational Education]. 04.11.2016. 广西教育 [Guangxi Education]. Available at https://www.baidu.com/link?url=4p3iILRyGQL120UGiD_m8TnkLH6FwCi0wcu6BObedzye0RacqmiKle1W6HpLupAgwnIZSNU_O5ncAgzRLC_mdLUH5FKnKJgXJRFjboVaRPy&wd=&eqid=e0bbb2eb0003e2ba0000000664749819. (accessed: 25.10.2022). (In Chin.).

15. 刘传熙 Liu Chuanxi. 广西高等职业教育国际交流合作研究. [Study on International Cooperation of Higher Vocational Education in Guangxi]. 30.04.2022. 南宁职业技术学院学报 [Journal of Nanning Institute of Vocational Technology]. Available at https://www.baidu.com/link?url=3O0vRs9_M8Ds6gjfVqLVt9u_a6aaj7tkPf4kPHFrMKjyhRD9s7yIMXiB-mc4bpoKfG5XEiSYo7aSMjnfIRmcK&wd=&eqid=898139ca0003e4c7000000066474989d. (accessed: 25.10.2022). (In Chin.).

Сведения об авторах / Information about authors

Се Шихун – преподаватель, Шаньдунский профессиональный колледж легкой промышленности.

E-mail: 2328276384@qq.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Xie Shihong – Teacher, Shandong Vocational College of Light Industry.

E-mail: 2328276384@qq.com

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.02.2023. Одобрена после рецензирования 10.04.2023. Принята 25.04.2023.
Received 24.02.2023. Approved after reviewing 10.04.2023. Accepted 25.04.2023.*

«Россия в глобальном мире»

Том 26. Выпуск 2

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный политехнический университет»

Лицензия зарегистрированного сетевого издания СМИ Эл № ФС77-84167 от 09.11.22

Редакция журнала:

Лбова Л.В. – главный редактор
Погодин С.Н. – ответственный редактор
Сидорчук И.В. – ученый секретарь журнала
Лютинская О.В. – компьютерная верстка

Подписано в печать

Усл. печ.

Печать цифровая

Тираж

Формат 60x84/16

Заказ

---

*Отпечатано с готового оригинал-макета
В Издательско-типографическом центре Политехнического университета
Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29*

«Russia in the Global World»

Volume 26. Issue 2

Founder – Federal State Educational Institution of Higher Education
“St. Petersburg State Polytechnic University”

License of the registered online media outlet El No. ФC77-84167 dated 09.11.22

Editorial Board:

Lbova L.V. – Editor in Chief
Pogodin S.N. – Executive Editor
Sidorchuk I.V. – Scientific Secretary of the Journal
Liutinskaia O.V. – WEB Editor DTP

Signed for printing
Conventional Printed Sheet

Format 60x84/16
Circulation

Order

---

*Printed with the final camera-ready, provided by the editorial board,
published in the Publishing House of the Polytechnic University.
29, Polytechnicheskaya, Saint-Petersburg, Russia, 195251*

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ

в журнале «Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World»

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Журнал «Россия в глобальном мире» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием.

С 2012 г. журнал выпускался два раза в год как самостоятельное периодическое печатное издание под двойным названием: **«Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World»** с правом опубликования статей на русском и английском языках. С 2021 г. издание выходит 4 раза в год.

В системе "Международной стандартной нумерации сериальных изданий" (International standard serial numbering) ему присвоен номер ISSN 2304-9472.

Информация обо всех публикациях журнала отображается в библиографической базе Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала рассылаются в ведущие библиотеки России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

При отборе статей редколлегия руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики <https://russiaglobal.spbstu.ru/>. Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При цитировании статей и перепечатке материалов журнала ссылка обязательна.

Журнал освещает проблемы изучения взаимоотношений России с другими странами в контексте процессов глобализации. Публикует научные обзоры, статьи проблемного и научно-практического характера, в которых рассматриваются региональные: экономические, политические, социокультурные и правовые аспекты международных отношений. Издание имеет междисциплинарный характер и адресовано специалистам в области регионоведения, истории, философии, культурологии, политологии, социологии и экономики.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ

Статья должна содержать законченный и логически цельный материал, посвященный актуальной научной проблеме. Во введении необходимо обосновать проблему исследования и актуальность работы, сформулировать задачи исследования, представить краткий обзор по тематике, при необходимости включая описание исследовательских методов и фактических материалов изучения. Рекомендуется завершить обсуждением научных результатов и выводами или рекомендациями по практическому использованию материалов исследования в практике. Название статьи должно быть кратким и отражать основную идею ее содержания. В названии не рекомендуется использовать аббревиатуры и сокращения. Принимаются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, содержащие самостоятельно полученные авторами научные результаты и публикуются в соответствии с тематическими разделами.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

1. Объем статей 8–10 страниц формата А-4, с учетом графических вложений. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – двух; литературных источников – **не менее десяти**.

2. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (0,5–1 стр., актуальность, существующие проблемы); основная часть

(постановка и описание задачи, изложение материалов и суть основных научных результатов, дискуссия); заключительная часть (0,5–1 стр., предложения, выводы).

3. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

4. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

5. Шрифт – Times New Roman, размер шрифта основного текста – 14, интервал – множитель 1,2; таблицы большого размера могут быть набраны 12 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 2,7 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2,7 см. Текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1,3 см.

ПОРЯДОК ОФОРМЛЕНИЯ

Статья оформляется в соответствии с приведенной структурой:

- **УДК** в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);
- **сведения об авторах блоком / authors** (на русском / английском языке) на каждого автора заполняется отдельно: фамилия, имя, отчество полностью, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, контактные телефоны, e-mail;
- **название статьи** (до 12 слов, включая предлоги) на русском и английском языках;
- **аннотация / abstract** (на русском / английском языке): не менее 200 слов: с указанием новизны исследования и методов, использованных при его проведении; аннотация на русском языке и ключевые слова указываются через пробел ниже названия статьи;
- **ключевые слова / keywords** (на русском / английском языке) не должны повторять название статьи;
- **текст статьи** на русском языке или на английском языке, в соответствии с техническими требованиями;
- **список источников** на русском языке должен быть оформлен в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. "Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления". Цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи **в порядке упоминания**. Порядковый номер в тексте заключается в квадратные скобки.

Примеры оформления источников и транслитерации

1. Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения. 1945–1980. 3-е изд., доп. М.: Мысль, 1980. 638 с.

1. Borisov O.B., Koloskov B.T. Sovetsko-kitajskie otnosheniya. 1945–1980. [Soviet-chinese relations. 1945–1980] 3-e izd., dop. M.: Mysl', 1980. 638 s. (In Russ.).

2. Алескерова Н.Э. Некоторые сведения об истории и мировоззрении средневекового суфийского братства Халватийа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение и африканистика. 2011. Вып. 4. С. 13–23.

2. Aleskerova N.E. Nekotorye svedeniya ob istorii i mirovozzrenii srednevekovogo sufijnskogo bratstva Halvatija. [Some information about the history and worldview of the medieval Sufi brotherhood Khalwatiyya]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Serija 13. Vostokovedenie i afrikanistika. 2011. Vyp. 4. S. 13–23. (In Russ.).

3. Президент России. Официальный сайт президента Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения: 24.07.2021).

3. Prezident Rossii. [President of Russia]. *Oficial'nyj sajt prezidenta Rossijskoj Federacii*. Available at <http://kremlin.ru> (accessed: 24.07.2021). (In Russ.).

4. Сысоева С.В. Использование цвета в рекламе // Сибирский торгово-экономический журнал. 2011. № 12. [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tsveta-v-reklame> (дата обращения: 25.07.2021).

4. Sysoeva S.V. Ispol'zovanie cveta v reklame [The use of color in advertising]. *Sibirskij trgovoj ekonomicheskij zhurnal*. 2011. № 12. Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tsveta-v-reklame> (accessed: 25.07.2021). (In Russ.).

Текст статьи должен содержать ссылки *на все источники* из списка.

Статьи без пристатейных библиографических списков к рассмотрению не принимаются.

РАССМОТРЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ

Предоставление всех материалов осуществляется через электронный адрес редакции <https://russiaglobal.spbstu.ru/>, через систему электронной редакции. Все поступившие статьи публикуются по итогам слепого рецензирования, в случае соответствия критериям актуальности, новизны, практической значимости и проблематике разделов журнала.

Редакция осуществляет научное и литературное редактирование поступивших материалов, при необходимости корректирует их по согласованию с автором. Присланные материалы и корректуры авторам не возвращаются.

Редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи в течение 45 дней.

В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

Публикация всех научных статей осуществляется бесплатно.

Адрес редакции: Гражданский пр., д. 28, Санкт-Петербург, 195220, Россия
Телефон: 8 (812) 606-62-42; e-mail: russiaglobal@spbstu.ru